

Ибероамериканские тетради

Том XI · №1 · 2023

ISSN (Print) 2409-3416

ISSN (Online) 2658-5219

DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1

Издается с 2013 г.

Ежеквартальный научный рецензируемый журнал

В журнале «Ибероамериканские тетради» публикуются исследовательские статьи и аналитические эссе, посвященные проблемам истории, этнологии, культуры, искусства, литературоведения и языков стран ибероамериканского региона.

Цель журнала — быть востребованным ресурсом и площадкой для активного академического диалога, взаимного узнавания, интеллектуальных контактов среди авторитетных экспертов-ибероамериканистов из России и других стран, а также для продвижения работ начинающих ученых. Приветствуются междисциплинарные исследования, в том числе о проблематике стран-членов Лузофонского сообщества и других стран, исторически связанных с Испанией и Португалией.

Приоритетными задачами «Ибероамериканских тетрадей» являются ознакомление российской и зарубежной публики с оригинальными исследованиями в указанных предметных областях, ведение научной дискуссии по интерпретации проблем истории и культуры ибероамериканского ареала, представление новых книг и интересных событий научной жизни.

Учредитель и издатель

МГИМО МИД России

Главный редактор

Астахова Елена Васильевна, МГИМО МИД России-Университет

Заместитель главного редактора

Кожановский Александр Николаевич, Институт этнологии и антропологии РАН

Научный редактор

Ростов Никита Алексеевич, ИМЭМО РАН

Редакторы

Керимова София Ровшановна, МГИМО МИД России-Университет

Родионов Алексей Вадимович, МГИМО МИД России-Университет

Ответственный секретарь

Доброславская Яна Сергеевна, МГИМО МИД России-Университет

Дизайн, верстка

Волков Дмитрий Евгеньевич, МГИМО МИД России-Университет

Дизайн обложки

Чичин Сергей Николаевич, Дьяченко Мария Алексеевна

**Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК,
в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**

© МГИМО МИД России, 2023

www.iberpapers.org

submissions@iberpapers.org

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77–78906 от 7 августа 2020 г.

Cuadernos Iberoamericanos

Vol. XI · N° 1 · 2023

ISSN (Print) 2409-3416

ISSN (Online) 2658-5219

DOI 10.46272/2409-3416-2023-11-1

Se publica 4 veces al año desde 2013

Cuadernos Iberoamericanos es una revista de Humanidades de impacto, revisado por pares, en que se publican artículos de investigación y ensayos analíticos dedicados a los temas de la historia, la etnología, la cultura, el arte, los estudios literarios y lingüísticos de los países de la región iberoamericana.

El **objetivo** de la revista consiste en ofrecer a los autores una plataforma abierta para compartir el diálogo académico, mantener el contacto entre los destacados investigadores y expertos de Rusia y de otros países, en el marco de los problemas mencionados, así como para divulgar las publicaciones de investigadores principiantes. Bienvenidos son estudios interdisciplinarios, incluyendo los relacionados con el espacio lusófono y otros países históricamente vinculados con España y Portugal.

Las **tareas prioritarias** de "Cuadernos Iberoamericanos" son: dar a conocer a los círculos académicos y a otro público interesado análisis e interpretaciones de los asuntos referentes a la historia y la cultura iberoamericanas, así como presentar nuevos libros y anunciar destacados eventos científicos.

Fundador y publicador

Universidad MGIMO

Directora de la revista

Elena V. Astakhova, Universidad MGIMO

Subdirector de la revista

Alexander V. Kozhanovsky, Instituto de Etnología y Antropología de la Academia de Ciencias de Rusia

Redactor académico

Nikita A. Rostov, Instituto de Economía Mundial y Relaciones Internacionales de la Academia de Ciencias de Rusia

Redactores

Sofia R. Kerimova, Universidad MGIMO

Aleksei V. Rodionov, Universidad MGIMO

Secretaría ejecutiva

Iana S. Dobroslavskaya, Universidad MGIMO

Diseño, Diseño editorial

Dmitriy E. Volkov, Universidad MGIMO

Diseño de Portada

Sergey N. Chichin, María A. Diachenko

Esta revista está incluida en la Lista de ediciones científicas de impacto, revisada por pares, en conformidad con el clasificador de la Comisión Superior de Certificación de Rusia

© Universidad MGIMO, 2023

www.iberpapers.org

submissions@iberpapers.org

Cuadernos Iberoamericanos

tiene el certificado registral de los medios

ПИ No. FS77-78906 de agosto 7, 2020

Iberoamerican Papers

Vol. XI · № 1 · 2023

ISSN (Print) 2409-3416

ISSN (Online) 2658-5219

DOI 10.46272/2409-3416-2023-11-1

Established in 2013, Issued 4 times a year

Cuadernos Iberoamericanos is a peer-reviewed scientific journal which publishes research articles and analytical essays dedicated to the themes of history, ethnology, culture, art, literary and linguistic studies of the Ibero-American region.

The Journal's **purpose** is to be a useful resource and an open platform for active academic dialogue and intellectual contacts among eminent Russian and foreign researchers of the Ibero-American region, as well as to cover publications of novice researchers. We welcome articles on interdisciplinary issues, including those related to the Lusophone world and other countries historically connected to Spain and Portugal.

The priority **objectives** of *Cuadernos Iberoamericanos* are to acquaint the Russian and foreign academic community with analysis and interpretation of problems of history and culture of the Ibero-American region, to present new books and interesting events of academic life.

Founder and Publisher

MGIMO University

Editor-in-Chief

Elena V. Astakhova, MGIMO University

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Kozhanovsky, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

Editor-in-Charge

Nikita A. Rostov, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Associate Editors

Sofia R. Kerimova, MGIMO University

Aleksei V. Rodionov, MGIMO University

Secretary-in-Charge

Iana S. Dobroslavskaya, MGIMO University

Design, Desktop Publishing

Dmitriy E. Volkov, MGIMO University

Cover Design

Sergey N. Chichin, Maria A. Diachenko

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific publications according to the classifier of the Higher Attestation Commission of Russia

© MGIMO University, 2023

www.iberpapers.org

submissions@iberpapers.org

Mass Media Registration Certificate

ПИ No. FS77-78906 of August 7, 2020

Международный редакционный совет

Е.В. Астахова, главный редактор, кандидат исторических наук, МГИМО МИД России
М.В. Ларионова, доктор филологических наук, МГИМО МИД России
Л.С. Окунева, доктор исторических наук, МГИМО МИД России
Н.Е. Анисеева, доктор исторических наук, МГИМО МИД России
В.Е. Бagno, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, СПбГУ
А.В. Баранов, доктор исторических наук, доктор политических наук, КубГУ
А.Х. Вердугу-Ховер, доктор экономических наук, Университет Мигеля Эрнандеса, Испания
О.В. Волосюк, доктор исторических наук, НИУ ВШЭ
Р. Гусман Тирадо, доктор филологии, Университет Гранады, Испания
В.М. Давыдов, член-корреспондент РАН, ИЛА РАН
А.Л. Дюффе Монтальбан, доктор филологии, Университет Ренн 2, Франция
Н.В. Иванов, доктор филологических наук, МГИМО МИД России
С. Каменецкая, доктор лингвистики, Автономный университет г. Мехико, Мексика
А.Н. Кожановский, доктор исторических наук, ИЭА РАН, заместитель главного редактора
А.Ф. Кофман, доктор филологических наук, ИМЛИ РАН
И.А. Кряжева, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания
Б.Ф. Мартынов, доктор политических наук, МГИМО МИД России
О.А. Масалова, кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Р. дель Мораль, доктор филологии, Европейская ассоциация преподавателей испанского языка, Испания
А.В. Морозова, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, СПбГУ
Х. де Ойос Пуэнте, доктор географии и истории, Национальный университет заочного обучения, Испания
И.В. Попов, кандидат исторических наук, МГИМО МИД России
К. дель Прадо Игера, доктор истории, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания
И.Л. Прохоренко, доктор политических наук, ИМЭМО РАН
М.М. Раевская, доктор филологических наук, МГУ
А. Санчес-Андрес, доктор экономики, Университет Валенсии, Испания
Р.Д. Флорес Арсила, доктор филологии, Национальный университет Колумбии
В.Л. Хейфец, доктор исторических наук, СПбГУ
Л.С. Хейфец, доктор исторических наук, СПбГУ
С.М. Хенкин, доктор исторических наук, МГИМО МИД России
Я.Г. Шемякин, доктор исторических наук, ИЛА РАН
А.В. Шестопал, доктор философских наук, МГИМО МИД России

Consejo Editorial Internacional

Elena Astakhova, Directora de la revista, PhD (Historia), Universidad MGIMO, Federación de Rusia
Marina Larionova, Dra. en Filología, Universidad MGIMO, Federación de Rusia
Ludmila Okuneva, Dra. en Historia, Universidad MGIMO, Federación de Rusia
Natalia Anikeeva, Dra. en Historia, Universidad MGIMO, Federación de Rusia
Vsevolod Bagno, Dr. en Filología, Miembro-Correspondiente de la Academia de Ciencias de Rusia, Instituto de Literatura Rusa, Universidad Estatal de San Petersburgo, Federación de Rusia
Andrei Baranov, Dr. en Historia, Dr. en Ciencias Políticas, Universidad Estatal de Kubán, Federación de Rusia
Vladimir Davydov, Dr. en Economía, Miembro-Correspondiente de la Academia de Ciencias de Rusia, Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia
Aura Luz Duffé Montalván, Dra. En Filología, Universidad Rennes 2, Francia
Ruben Darío Flórez Arcila, Dr. en Filología, Universidad Nacional de Colombia
Rafael Guzmán Tirado, Dr. en Filología, Universidad de Granada, España
Jorge de Hoyos Puente, Dr. en Historia y Geografía, Universidad Nacional de Educación a Distancia, España
Nicolay Ivanov, Dr. en Filología, Universidad MGIMO, Federación de Rusia
Lazar Jeifets, Dr. en Historia, Universidad Estatal de San Petersburgo, Federación de Rusia
Victor Jeifets, Dr. en Historia, Universidad Estatal de San Petersburgo, Federación de Rusia
Sofía Kamenetskaia, Dra. en Lingüística, Universidad Autónoma de la Ciudad de México
Sergey Khenkin, Dr. en Historia, Universidad MGIMO, Federación de Rusia
Andrei Kofman, Dr. en Filología, Instituto de Literatura Mundial de la Academia de Ciencias de Rusia
Alexander Kozhanovsky, Vice-director de la revista, Dr. en Historia, Instituto de Antropología y Etnografía de la Academia de Ciencias de Rusia
Irina Kryazheva, Dra. en Artes, Instituto Estatal de Estudios del Arte, Federación de Rusia
Boris Martynov, Dr. en Ciencias Políticas, Universidad MGIMO, Federación de Rusia
Olga Masalova, PhD (Historia), Universidad Federal de Kazán, Federación de Rusia
Rafael del Moral, Dr. en Filología, Asociación Europea de Profesores de Español, España
Anna Morózova, Dra. en Artes, Universidad Estatal de San Petersburgo, Federación de Rusia
Ivan Popov, PhD (Historia), Universidad MGIMO, Federación de Rusia
Cristina del Prado Higuera, Dra. en Historia, Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)
Irina Prokhorenko, Dra. en Ciencias Políticas, Instituto de Economía Mundial y Relaciones Internacionales de la Academia de Ciencias de Rusia
Marina Raevskaya, Dra. en Filología, Universidad Estatal de Moscú, Federación de Rusia
Antonio Sánchez Andrés, Dr. en Economía, Universitat de València, España
Yakov Shemyakin, Dr. en Historia, Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia
Alexey Shestopal, Dr. en Filosofía, Universidad MGIMO, Federación de Rusia
Antonio José Verdú-Jover, Dr. en Economía, Universitas Miguel Hernández, España
Olga Volosyuk, Dra. en Historia, Universidad Escuela Superior de Economía, Federación de Rusia

International Editorial Board

Elena Astakhova, Editor-in Chief, PhD (History), MGIMO University, Russian Federation
Marina Larionova, Dr. of Philology, MGIMO University, Russian Federation
Ludmila Okuneva, Dr. of History, MGIMO University, Russian Federation
Natalia Anikeeva, Dr. of History, MGIMO University, Russian Federation
Vsevolod Bagno, Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature, Saint Petersburg State University, Russian Federation
Andrei Baranov, Dr. of History, Dr. of Political Sciences, Kuban State University, Russian Federation
Vladimir Davydov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences
Aura Luz Duffé Montalván, Dr. of Philology, University Rennes 2, France
Ruben Darío Flórez Arcila, Dr. of Philology, National University of Colombia
Rafael Guzmán Tirado, Dr. of Philology, University of Granada, Spain
Jorge de Hoyos Puente, Dr. of History, National University of Distant Education, Spain
Nicolay Ivanov, Dr. of Philology, MGIMO University, Russian Federation
Lazar Jeifets, Dr. of History, Saint Petersburg State University, Russian Federation
Victor Jeifets, Dr. of History, Saint Petersburg State University, Russian Federation
Sofía Kamenetskaia, Dr. of Linguistics, Autonomous University of Mexico City
Sergei Khenkin, Dr. of History, MGIMO University, Russian Federation
Andrei Kofman, Dr. of Philology, Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences
Alexander Kozhanovsky, Deputy Editor-in-Chief, Dr. of History, Institute of Ethnography and Anthropology, Russian Academy of Sciences
Irina Kryazheva, Dr. of Arts, State Institute for Art Studies, Russian Federation
Boris Martynov, Dr. of Political Sciences, MGIMO University, Russian Federation
Olga Masalova, PhD (History), Kazan Federal University, Russian Federation
Rafael del Moral, Dr. of Linguistics, European Association of Professors of Spanish, Spain
Anna Morozova, Dr. of Arts, Saint Petersburg State University, Russian Federation
Ivan Popov, PhD (History), MGIMO University, Russian Federation
Cristina del Prado Higuera, Dr. of History, King Juan Carlos University, Spain
Irina Prokhorenko, Dr. of Political Sciences, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
Marina Raevskaya, Dr. of Philology, Moscow State University, Russian Federation
Antonio Sánchez Andrés, Dr. of Economics, University of Valencia, Spain
Yakov Shemyakin, Dr. of History, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences
Alexey Shestopal, Dr. of Philosophy, MGIMO University, Russian Federation
Antonio José Verdú-Jover, Dr. of Economics, Miguel Hernández University, Spain
Olga Volosyuk, Dr. of History, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

Астахова Е.В. Представление нового профиля журнала и первого номера	8
Ибероамерика: Национальные образы	
Кофман А.Ф. «Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть...» Особенности выстраивания латиноамериканской картины мира	16
Шемякин Я.Г. «Великие географические открытия»: смысл и историческое содержание термина в свете опыта взаимодействия цивилизаций в Новом Свете	41
Давтян Ю.В. «Все дело в шляпе». Роль головного убора в самоидентификации латиноамериканских народов	68
Рыкова Д.В. Русский след в причудливой мозаике аргентинской идентичности	81
Кабицкий М.Е. Лиссабонское фаду и его изучение в контексте истории Португалии	99
Садиков А.В. Как в капле воды: лексика разговорного испанского Кубы на примере одного анекдота	113
Каменеца С. El vocablo <i>chino</i> en el español de México (Лексема <i>chino</i> в мексиканском варианте испанского языка)	132
Страницы истории дипломатии	
Юрчик Е.Э. Российские дипломаты в Испании и Антонио Угарте в 1812-13 годах: противоречивое сотрудничество	146
Вепреца Т.Ю. Неразгаданный сюжет из посреднической деятельности испанской дипломатии в годы Первой мировой войны	163
Рецензии на новые книги	
Харкевич М.В. «Божественная комедия» Испании	183
Захарова Е.С. Что нам может рассказать перевод «Истории Испании...»?	189
Научная жизнь	
Кряжева И.А. Презентация книги Д.Г. Федосова «Образ и вера. Церковное искусство и народная религиозность Испании XVI-XVII веков»	195
Керимова С.Р. Новое время, новые горизонты дискурса и компьютерной культуры. О защите докторской диссертации М.В. Ларионовой	199
ДЛЯ АВТОРОВ	213

ÍNDICE

Astakhova E.V.	
Presentación del nuevo perfil de la revista y del primer número	8
Iberoamérica: imágenes nacionales	
Kofman A.F.	
Particularidades de la construcción de la visión del mundo latinoamericana	16
Shemyakin Ya.G.	
«Grandes descubrimientos geográficos»: el significado y el contenido histórico del término a la luz de la experiencia de la interacción de las civilizaciones en el Nuevo Mundo	41
Davtian Iu.V.	
El papel del tocado en la autoidentificación de los pueblos latinoamericanos	68
Rykova D.V.	
Huella rusa en el peculiar mosaico de la identidad argentina	81
Kabitski M.E.	
El fado de Lisboa y su estudio en el contexto de la historia de Portugal (O fado de Lisboa e o seu estudo no contexto da história de Portugal)	99
Sádikov A.V.	
«Como en una gota de agua»: historia de la etnia cubana a través del español coloquial de Cuba ejemplificado por un cuento de humor	113
Kamenetskaia S.	
El vocablo <i>chino</i> en el español de México	132
Historia de la diplomacia	
Yúrchik E.E.	
Diplomáticos rusos en España y Antonio Ugarte entre 1812 y 1813: la colaboración contradictoria ..	146
Veprétskaya T.Yu.	
Un caso pendiente en la misión humanitaria y de mediación de la diplomacia española durante la Primera Guerra mundial	163
Reseñas	
Kharkevich M.V.	
«Divina Comedia» de España	183
Zakharova E.S.	
¿Qué puede decirnos la traducción de «La Historia de España...»?	189
Vida académica	
Kryazheva I.A.	
Presentación del libro de D.G. Fedosov «Imagen y Fe. Arte eclesiástico y religiosidad popular en España en los siglos XVI-XVII».	195
Kerimova S.R.	
Nuevos tiempos, nuevos horizontes del discurso y de la cultura digital. Defensa de la tesis doctoral de M.V. Larionova	199
PARA LOS AUTORES	213

CONTENTS

Astakhova E.V.	
Presenting the New Journal Profile and the First Issue	8
Ibero-America: National Images	
Kofman A.F.	
Specifics of the Latin American World View Construction	16
Shemyakin Ya.G.	
«Great Geographical Discoveries»: the Meaning and Historical Content of the Term in the Light of the Interaction Experience of Civilizations in the New World	41
Davtian Iu.V.	
The Role of Hat in the Self-Identification of Latin American Peoples	68
Rykova D.V.	
Russian Imprint in the Peculiar Mosaic of Argentine Identity	81
Kabitski M.E.	
The Lisbon Fado and Its Study in the Context of the History of Portugal	99
Sadikov A.V.	
Like in a Drop of Water: Colloquial Cuban Spanish in Just One Joke	113
Kamenetskaia S.	
The Lexeme <i>Chino</i> in Mexican Spanish	132
History of diplomacy	
Yurchik E.E.	
Russian Diplomats in Spain and Antonio Ugarte (1812-1813): the Controversial Cooperation	146
Vepretskaya T.Yu.	
An Unsolved Case from Mediation Activities of the Spanish Diplomacy During World War One.....	163
Book reviews	
Kharkevich M.V.	
«Divine Comedy» of Spain	183
Zakharova E.S.	
What Can the Translation of «The History of Spain...» Tell Us?.....	189
Academic life	
Kryazheva I.A.	
Presentation of D.G. Fedosov's book «Image and Faith. Church Art and Popular Religiosity in Spain in XVI-XVII Centuries».	195
Kerimova S.R.	
New Times, New Horizons for the Discourse and Digital Culture. The Defense of the Doctoral Thesis of M.V. Larionova	199
FOR AUTHORS	213

Дорогие читатели!
Дорогие коллеги!

Представляю новый номер журнала, которому в 2023 г. исполняется 10 лет. Юбилей «Ибероамериканских тетрадей» совпадает с изменением профиля и задач этого научного рецензируемого издания. Приоритетное направление приобретают исследования, посвященные проблемам истории, этнологии, культуры, искусства, литературоведения и языков стран ибероамериканского региона.

В связи со сменой стратегии журнала обновлены составы Международного редакционного совета и редакционной коллегии; привлечены ученые, занимающиеся предметными изысканиями в указанных областях. Надеемся на их активное сотрудничество, а также на привлечение к аналитическим публикациям авторитетных экспертов-ибероамериканистов из России и других стран, прежде всего из Латинской Америки.

Будем стремиться сделать площадку «Ибероамериканских тетрадей» востребованным ресурсом для активного академического диалога, взаимного узнавания, интеллектуальных контактов, продвижения работ начинающих авторов.

В настоящее время, когда происходят глобальные изменения во всех сферах жизни, культура становится той платформой, на которой возможны успешная коммуникация и нахождение взаимопонимания самых разных участников.

«Как устроен мир?» – вопрос, который возник 500 лет назад, в эпоху Великих географических открытий, во «встрече» цивилизаций Нового и Старого Света, приобретает новое измерение и динамику в самых разных сферах – от политики, истории и искусства до цифровой культуры, обмена цивилизационной энергией. Похоже, что спустя пять веков со времени появления «первого глобализационного проекта» вопросы о мироустройстве и культурной идентичности не только не решены, а лишь обостряются.

Португальский писатель, Нобелевский лауреат Жозе Сарамагу (José de Sousa Saramago, 1922-2010) когда-то сравнил Пиренейский полуостров (Испанию и Португалию) с «каменным плотом», который оторвался от европейского континента и отплыл в сторону Америки. Приблизились или, наоборот, отдалились друг от друга старая и новая цивилизации? Насколько интересны России эти далекие страны и что их притягивает в такой «другой», но метафизически близкой России? Надеемся, на страницах нашего журнала авторы и читатели будут искать ответы на эти вопросы и предлагать свое аналитическое видение.

* * *

Универсализация или национальная уникальность – вызов, который волнует все современные общества. Особый интерес в этой связи представляют страны ибероамериканского ареала, отличающиеся особой самобытностью в многообразии – *la diversidad en la unidad*.

Тема первого номера журнала – «Национальные образы Иberoамерики», через зеркало которых можно проследить многие процессы. Представленные статьи, конечно, не исчерпывают заявленную проблематику, но являются приглашением к размышлениям, новым поискам, даже спорам по поводу представленных мнений. Важно отметить, что в своих исследованиях авторы ставят целью проследить общее в частном, национальное в целостной картине мира, проанализировать национальную идентичность через призму или одного термина, или примера из художественного произведения, или отдельного социокультурного явления.

Известный литературовед и историк А.Ф. Кофман в исследовательской статье «Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть...» представляет латиноамериканскую картину мира и образы отдельных стран, прибегая в анализе к методу «прямой и обратной стратегии», вводит понятия «взгляд на сторону», «инаковость», «поэтика сверхнормативности», рассматривает толкования категории «чуда». Многочисленные примеры из художественных произведений всемирно известных латиноамериканских писателей подтверждают убеждение автора, что латиноамериканский мир коренным образом отличен от европейского и североамериканского, и латиноамериканская «инаковость» приобретает цивилизационный масштаб и выражается, по словам автора, в оппозиции ко всему Старому Свету. Выстраивание латиноамериканской картины мира происходит посредством противопоставления хаотичного пространства линейному рационализму, следовательно, латиноамериканский мир – живой, природный, чувственный, неупорядоченный, свободный.

Видный исследователь-ибероамериканист, историк и культуролог Я.Г. Шемакин анализирует смысл и глубинное содержание термина «Великие географические открытия» в свете опыта взаимодействия цивилизаций в Новом Свете и исторической роли появления цивилизационного «пограничья». Становление и развитие латиноамериканской цивилизации и многообразие позиций по проблеме латиноамериканской идентичности являет собой картину противостояния «включающего» и «исключающего» дискурсов. На одном полюсе концентрируются сторонники «исключающего» дискурса, для которых Латинская Америка – это не новый мир, а поле продолжающейся уже больше пяти веков борьбы миров, абсолютно несовместимых друг с другом. Сторонники другого взгляда убеждены, что процесс метисации определил сущностную основу Латинской Америки как принципиально нового человеческого сообщества, не похожего ни на какое другое, ни в прошлом, ни в настоящем.

В исследовательской статье Ю.В. Давтян разбирается тема головного убора в самоидентификации латиноамериканских народов. «Шляпа» помимо защит-

ной, эстетической, информационной функций несет воспитательный и даже политический посыл, передает из поколения в поколение знания о национальной культуре и истории. Посредством головного убора формируются в подсознании младших поколений этнодифференцирующие и этноконсолидирующие признаки.

Предметом статьи Д.В. Рыковой стал русский след в мозаике картины аргентинской идентичности. Автор поставила цель выяснить, какой вклад внесли разные исторические волны мигрантов из России в формирование и историю аргентинской нации, в развитие производственной и интеллектуальной сфер жизни Аргентины, а также в какой мере присутствует Русская православная церковь в религиозном поле Аргентины и каково ее историческое и современное влияние.

Фаду, португальский городской романс, представляет собой культурный феномен, значение которого далеко выходит за рамки музыкальной сферы. Это – важная часть традиционной культуры Португалии, знаковый элемент образа страны, ее исторической эволюции. Этой теме посвящено исследование историка и антрополога М.Е. Кабицкого. В аналитической статье рассматриваются свойства национального характера, связанные с фаду, которые обобщены в понятии «саудади» – меланхолической или трагической тоски по далекому, недостижимому, – особому понятию, не имеющему однозначного перевода ни на один другой язык.

Язык выступает первичным показателем и регистром идентичности, и этой теме посвящены две статьи номера. «Как в капле воды...» называется аналитическое эссе известного филолога, лексиста А.В. Садикова, в котором анализируется история кубинского этноса сквозь призму разговорных форм национального варианта испанского языка, впитавшего влияния множества языков, а также и этнических и религиозных культур.

Мексиканская исследовательница, профессор-лингвист из Национального университета Мексики Софья Каменецкая предлагает читателю узнать необычное даже для знающих испанский язык значение лексемы *chino* (человек с «курчавыми волосами») в испанском языке Мексики. Термин *chino* имеет для мексиканцев особый смысл и составляет отличительный признак ее идентичности. Анализируя различные источники, как лексикографические, так и историко-теоретические, автор делает вывод, что это понятие связано со смешениями существовавших в Новой Испании различных рас.

Страницам истории дипломатии в контексте Испания/Россия посвящены исследования авторитетных авторов Е.Э. Юрчик и Т.Ю. Вепрецькой. В статье Екатерины Юрчик рассматриваются казусы, связанные с историей российско-испанских отношений во время Войны за независимость Испании, в первый год действия союзного договора между двумя державами, раскрывается специфика российской дипломатической активности в чрезвычайной обстановке освободительной войны.

Дипломатия в предвоенный и военный период вынуждена считаться с особыми вызовами времени. Когда государства оказываются по разные стороны конфликта, прерываются отношения, сложившиеся между дипломатическими представительствами в мирное время, и дипломаты оказываются перед необходимостью решать новые, продиктованные моментом задачи и изыскивать иные пути для общения. Этой теме посвящена статья Тамары Вепрецкой.

В журнале также представлены научные обзоры на вышедшие в 2022/2023 гг. книги. Рецензия М.В. Харкевича «Божественная комедия Испании» посвящена монографии Е.В. Астаховой «Испания как метафора». В книге представлен взгляд на Испанию из русской культуры через призму метафоры, которая одновременно и общекультурный феномен и очень личный, отражённый в опыте автора. Пространственное положение Испании в мировой культуре, как европейского пограничья, определяет неизбежное взаимодействие и взаимопроникновение с внешней, «чужой» культурой, что не может не влиять на национальную идентичность между европейским культурным ядром и самобытным культурным пограничьем. Особую актуальность приобретает вопрос о том, насколько Испания остаётся страной с пограничной культурой, учитывая, что европейский центр существенно переопределяет свои ценности и культурные иерархии.

В отзыве Е.С. Захаровой «Что нам может рассказать перевод “Истории Испании...”?» говорится о трехтомном издании на русском языке средневекового текста «Альфонсо Х Мудрый и сотрудники. История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис». Все три тома этого издания – а это более двух тысяч страниц текста, – представляют собой попытку сопоставить разные языковые системы и передать сложность тождества «другой язык – другой мир». Авторы и XIII, и XXI вв. говорят читателю, что похожие исторические, правовые и культурные феномены могут называться и описываться по-разному, но быть интересными, практическими и полезными в рамках любой из культур.

Рубрика о научной жизни знакомит читателей с представлением в Государственном институте искусствознания РАН новой монографии Д.Г. Федосова «Образ и вера. Церковное искусство и народная религиозность Испании XVI-XVII веков» и с сообщением об успешной защите в МГИМО МИД России докторской диссертации М.В. Ларионовой, посвященной новым формам политического дискурса в условиях развития компьютерной культуры.

Надеемся, что в этом году на страницах «Иberoамериканских тетрадей» появится еще много содержательных статей на темы искусства, литературы, национальной идентичности, которые станут платформой для диалога и приглашением к дальнейшему творчеству.

Елена Астахова

Главный редактор журнала «Иberoамериканские тетради»

¡Estimados lectores!
¡Queridos colegas!

Me complace presentarles el nuevo número de la revista «Cuadernos Iberoamericanos» que es una revista académica de Humanidades especializada en temas de España, Portugal, América Latina y el Caribe. En 2023 cumple 10 años desde el inicio de su edición por la MGIMO-Universidad. El aniversario de la revista coincide con el cambio de perfil establecido por el nuevo Consejo Editorial. Las tareas prioritarias y objetivos científicos de esta revista de impacto se centrarán en la historia, la etnología, la cultura, los estudios de arte y literarios, así como en los temas lingüísticos de los países de Iberoamérica.

Por causa del cambio de estrategia de la revista contamos con la colaboración de famosos expertos e investigadores que se dedican a los temas en áreas mencionadas y participan en el nuevo Consejo Editorial Internacional. Esperamos publicar artículos analíticos y de investigación preparados por iberoamericanistas de Rusia y de otros países, principalmente de América Latina. Nuestro empeño es convertir «Cuadernos Iberoamericanos» en un amplio foro para promover el activo diálogo académico, de reconocimiento mutuo y contactos intelectuales, que sirva también para la promoción de los estudios tanto de famosos investigadores como de autores principiantes.

En la actualidad, a medida que se están produciendo cambios globales en todos los ámbitos de la vida, la cultura es una plataforma que ayude a desarrollar con éxito todo tipo de contactos, realizar la comunicación interestatal y conseguir un entendimiento entre múltiples actores.

«¿Cómo está organizado el mundo?» es la pregunta que surgió hace 500 años, en la era de los Descubrimientos cuando se realizó el primer «encuentro» entre las civilizaciones del Nuevo y Viejo Mundo. Hoy en día esta pregunta adquiere una nueva dimensión y dinámica y se relaciona con varias esferas: desde la política, la historia y el arte hasta la cultura digital, el intercambio de energía de diferentes pueblos y la interconexión de civilizaciones. Pasados cinco siglos desde el «primer proyecto de globalización», las cuestiones sobre el orden mundial y la identidad cultural siguen pendientes, sin solución, y hasta se van agudizando.

El famoso escritor portugués y el premio Nobel, José de Sousa Saramago (1922 – 2010) una vez comparó la Península Ibérica (España y Portugal) con una «balsa de piedra» que se separó del continente europeo y navegó hacia América. ¿Se acercó esta balsa a su fin? o, por el contrario, ¿se ha distanciado de la nueva civilización? También vienen otras preguntas: ¿por qué estos países lejanos son atractivos para Rusia y qué les cautiva en Rusia, tan diferente, pero al mismo tiempo tan cercana? Creemos que en las páginas de esta revista, nuestros autores y lectores buscarán respuestas a estas y otras preguntas y ofrecerán su visión analítica.

* * *

La universalización o la singularidad nacional es un desafío a que se enfrentan todas las sociedades modernas. Los países de Latinoamérica y el Caribe son de particular interés en este sentido porque se distinguen por una identidad especial – *la diversidad en la unidad*.

Los artículos presentados en este número de la revista se dedican, en su mayoría, al análisis de imágenes nacionales de Iberoamérica, el que permite rastrear muchos procesos. Estas investigaciones no agotan temas declarados, sino son una invitación a la reflexión, a nuevas búsquedas, incluso disputas sobre las opiniones expuestas. Es importante señalar que los autores de los artículos publicados intentan hallar lo común en lo particular, lo nacional en una imagen holística del mundo, analizan la identidad nacional a través del prisma de un término, o de un ejemplo de la obra literaria, o de un fenómeno sociocultural.

El conocido filólogo, escritor e historiador Andrey Kofman en su investigación presenta una imagen de Latinoamérica, usando en su análisis el método de «estrategia directa e inversa», introduce los conceptos de «vista “hacia el lado”, “otredad”, “poética de lo sobrenatural”», estudia la categoría de «milagro». Numerosos fragmentos de las obras de famosos escritores latinoamericanos confirman la firme convicción de Andrey Kofman de que el mundo latinoamericano es diferente, en su esencia, del europeo y del norteamericano, y que «la otredad latinoamericana adquiere una escala civilizatoria y se expresa en oposición a todo el Viejo Mundo». La construcción de la visión latinoamericana del mundo se realiza mediante la oposición del espacio caótico al racionalismo lineal, por lo tanto, el mundo latinoamericano es vivo, natural, sensual, desordenado, libre.

El destacado investigador, historiador y culturólogo Yakov Shemyakin analiza el significado y un profundo contenido del término «grandes descubrimientos geográficos» a la luz de la interacción de las civilizaciones en el Nuevo Mundo y el papel histórico del surgimiento de la «civilización de frontera», su formación y el desarrollo. La diversidad de los puntos de vista sobre el problema de la identidad latinoamericana es la oposición de los dos discursos – uno «inclusivo» y otro «excluyente». En un polo se concentran los partidarios del discurso «excluyente». Ellos defienden que América Latina no es un mundo nuevo, sino un campo de lucha, de más de cinco siglos, entre los mundos absolutamente incompatibles entre sí. Los partidarios de otra opinión están convencidos de que el proceso de mestizaje ha definido la base esencial de América Latina como una comunidad humana fundamentalmente nueva, que no se parece a ninguna otra, ni en el pasado ni en el presente.

El objetivo del estudio de la filóloga Iuliia Davtian es explicar la tesis de que el tocado/sombrero, además de tener funciones de proteger, informar, decorar, tiene la función de autoidentificación y, como consecuencia, la función educativa que consiste en transmitir de generación en generación el conocimiento de la cultura y la historia nacionales, así como la formación en el subconsciente de las generaciones más jóvenes de rasgos etnodiferenciantes y etnoconsolidarios.

El tema del artículo de Daria Rykova es la huella rusa en el mosaico peculiar de la identidad argentina. El objetivo de la autora es averiguar qué contribución han hecho diferentes olas de migrantes de Rusia, a lo largo de la historia, a la formación e identidad de la nación argentina, al desarrollo de las esferas productivas e intelectuales de este país, así como en qué medida la Iglesia Ortodoxa Rusa está presente en el campo religioso de Argentina y cuál es su influencia histórica y contemporánea.

El fado es un fenómeno cultural de Portugal cuya importancia va mucho más allá del ámbito musical. Es una parte importante de la cultura tradicional portuguesa, un elemento emblemático de la imagen nacional, de la evolución histórica. A este tema está dedicada la investigación del historiador y antropólogo Mikhail Kabitski. Su ensayo analítico habla de las particularidades de carácter nacional asociadas con el fado, que se resumen en el concepto de «saudade» que transmite melancolía o tragedia, o la nostalgia por algo lejano e inalcanzable, el término que no tiene traducción exacta a ningún otro idioma.

La lengua actúa como indicador primario y registro de identidad, y dos artículos abordan este tema. «Como en una gota de agua...» es un ensayo analítico del famoso filólogo y lexicista Alexánder Sádikov, quien analiza la historia de la etnia cubana a través del lenguaje coloquial de la versión nacional del español, que absorbió influencias de múltiples idiomas, así como de diversas culturas étnicas y religiosas.

Una investigadora mexicana, lingüista de la Universidad Autónoma de la ciudad de México, Sofía Kamenetskaia invita al lector a conocer la acepción muy especial, a diferencia de otros países de habla española, del vocablo *chino* (una persona con pelo rizado) en el español mexicano. El término *chino* constituye un sello distintivo de la identidad mexicana. Analizando diversas fuentes, tanto lexicográficas como históricas y teóricas, la autora concluye que este vocablo está relacionado con la mezcla de diferentes razas que existían en la Nueva España.

Las páginas de la historia de la diplomacia en el contexto de España / Rusia están tratadas en las investigaciones de Ekaterina Yúrchik y Tamara Veprétskaya. El artículo de Ekaterina Yúrchik examina unos incidentes relacionados con la historia de las relaciones ruso-españolas durante la Guerra de independencia española, revela los detalles de la actividad diplomática rusa en una situación de emergencia durante la guerra de liberación.

La diplomacia en víspera de una guerra y durante la guerra siempre enfrenta desafíos especiales. Cuando Estados se encuentran en lados opuestos del conflicto, las relaciones establecidas entre las misiones diplomáticas en tiempos de paz se interrumpen y los diplomáticos se ven obligados a afrontar nuevas tareas, dictadas por el momento, y buscar otras formas de comunicación. De este tema habla el estudio de Tamara Veprétskaya.

La revista también presenta dos reseñas acerca de los libros publicados en 2022/2023. Maxim Kharkevich describe sus impresiones sobre la monografía de Elena Astakhova «España como metáfora» publicada en ruso y en español por la MGIMO-Universidad. Esta reseña se llama «“Divina comedia” de España» y trata

de cómo a través de famosas metáforas se puede construir la verdadera imagen nacional sin tópicos usados y verdades cansadas. La pertenencia de España al espacio de la llamada «cultura de frontera» define su identidad nacional, pero al mismo tiempo surge la pregunta de qué modo España se somete a cambios de valores y jerarquías culturales que pasan en el centro europeo.

La reseña de Elizaveta Zakharova «¿Qué puede decirnos la traducción de “Historia de España...”?» narra acerca de la edición en ruso en tres volúmenes del texto medieval «Alfonso X el Sabio y sus colaboradores. Historia de España que hizo el muy noble rey don Alfonso, hijo del noble rey don Fernando y de la reina doña Beatriz». Más de dos mil páginas del texto representan un intento de transmitir la complejidad de la identidad de «otro idioma, otro mundo, otra historia».

En la rúbrica sobre la vida académica se habla de la presentación en el Instituto Estatal de Estudios de Arte de la Academia de Ciencias de Rusia de la monografía de Denis Fedósov «Imagen y fe. El arte eclesiástico y la religiosidad popular de España de los siglos XVI – XVII». También se informa sobre la defensa con éxito en la MGIMO de la tesis doctoral de Marina Larionova quien analizó en su obra nuevas formas del discurso político en el espacio de habla española en las condiciones del desarrollo de la cultura informática.

Esperamos que este año se publiquen en las páginas de la revista «Cuadernos Iberoamericanos» más artículos interesantes sobre temas de arte, literatura, folclore, historia e identidad nacional de Iberoamérica y que se establezca un diálogo creativo mutuo entre nuestros lectores e investigadores.

Elena Astakhova

Directora de «Cuadernos Iberoamericanos»

«Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть...» Особенности выстраивания латиноамериканской картины мира

© А.Ф. Кофман, 2023

Андрей Федорович Кофман, д-р филол. наук, заместитель директора по научной работе Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, заведующий Отделом литератур Европы и Америки Новейшего времени.
121069, Москва, ул. Поварская, 25а
ORCID: 0000-0002-3799-9343 E-mail: andrey.kofman@gmail.com

Аннотация. В статье выделяются две основных стратегии выстраивания картины мира в художественном произведении: одна названа прямой, когда писатель непосредственно обращается к национальной действительности и воссоздает ее как самодостаточный, независимый от «чужого взгляда» феномен; вторая определена как «обратная». Ее особенность состоит в том, что картина мира выстраивается в постоянном сопоставлении с иной культурой, и нередко свою культуру автор исследует и оценивает глазами иностранца, внедряя в повествование соответствующего героя. В западноевропейской литературе решительно доминирует прямая стратегия, в латиноамериканской обратная стратегия получает такую значимость, какой никогда не имела в европейской. Это доказывается на ряде примеров. Выделяются две сферы проявлений этой стратегии: взгляд «на сторону», то есть утверждение самобытности латиноамериканской действительности посредством ее сопоставления с европейской; и взгляд «постороннего», представляя ее в восприятии «чужака». Поставлен вопрос: чем обусловлено доминирование обратной стратегии в латиноамериканской литературе? Одна из причин состоит в том, что последняя развивалась путем усвоения и переработки европейских художественных моделей: такой путь развития определяется как «поиск своего в чужом». Но это не единственный ответ. Основываясь на источниках XVI в., эпохи зарождения латиноамериканской культуры, на примерах из текстов конкистадоров и первопроходцев Нового Света доказывается, что их модус восприятия Америки изначально сложился в русле оппозиции Новый Свет – Старый Свет и заключал в себе мотив изумления «чудесной» действительностью, который сохранялся в генетической памяти культуры и в XX в. воплотился в магическом реализме.

Ключевые слова: картина мира, образ страны, менталитет, прямая стратегия, обратная стратегия, латиноамериканская литература, взгляд «на сторону», конкиста, чудо

Для цитирования: Кофман А.Ф. (2023) «Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть...» Особенности выстраивания латиноамериканской картины мира. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 16–40. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-16-40

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Particularidades de la construcción de la visión del mundo latinoamericana

© A.F. Kofman, 2023

Andrey F. Kofman, Doctor en Filología, Vicedirector y Jefe del Departamento de Literatura Contemporánea de Europa y América, Instituto de Literatura Mundial Máximo Gorki de la Academia de Ciencias de Rusia.

121069, Rusia, Moscú, calle Povarskaya, 25a

ORCID: 0000-0002-3799-9343 E-mail: andrey.kofman@gmail.com

Resumen. Se analizan dos principales estrategias de la formación de la visión del mundo usando como ejemplos unas obras literarias. La primera estrategia es directa, cuando el escritor se enfoca en la propia realidad nacional, recreándola como fenómeno autosuficiente, independiente de la «mirada del otro». La segunda estrategia es «reversa». Su característica principal radica en que la visión del mundo se forja en constante comparación con otras culturas. La primera estrategia prevalece de forma significativa en la literatura de Europa Occidental, mientras que en la literatura latinoamericana la estrategia reversa obtiene una dimensión la que jamás ha cobrado en la europea. Se identifican dos formas en que se manifiesta la estrategia reversa: «la mirada afuera», es decir, la afirmación de la idiosincrasia de la realidad latinoamericana a través de su comparación con la realidad europea; y «la mirada desde afuera», que presenta la percepción de la realidad latinoamericana por un forastero. Surge la pregunta: ¿qué factores han determinado la predominancia de la estrategia reversa en la literatura latinoamericana? Una de las razones consiste en que la última evolucionaba absorbiendo y procesando los modelos de la literatura europea; tal vía de desarrollo se califica como la «búsqueda de lo suyo en lo ajeno». Sin embargo, no es el único factor. Desde el siglo XVI, el nacimiento de la cultura latinoamericana, el modo de percibir a América iba formándose en el marco de la oposición entre el Viejo Mundo y el Nuevo Mundo, y contenía motivos de admiración ante la realidad «milagrosa», lo que se ha preservado en la memoria genética de la cultura y se materializó en el realismo mágico del siglo XX.

Palabras clave: visión del mundo, imagen del país, mentalidad, estrategia directa, estrategia reversa, literatura latinoamericana, «mirada desde afuera», conquista, concepto de milagro

Para citar: Kofman A.F. (2023) Particularidades de la construcción de la visión del mundo latinoamericana. *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 16–40. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-16-40

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Specifics of the Latin American world view construction

© A.F. Kofman, 2023

Andrey F. Kofman, Doctor of Philology, Deputy director and Head of the Department of Modern European and American Literature, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

121069, Russia, Moscow, Povarskaya street, 25a

ORCID: 0000-0002-3799-9343 E-mail: andrey.kofman@gmail.com

Abstract. There are two main strategies for a world view formation in a literary work: the first one is direct, when the writer focuses on the national reality itself recreating it as a self-sufficient phenomenon independent of «someone else's view»; the second one is «reverse». Its main feature is that the world view is formed in the process of a constant comparison with another culture, exploring and evaluating their own culture through the eyes of a foreigner. In Western European literature, the direct strategy is extremely dominant, whereas in Latin American literature, the reverse strategy has acquired the significance it has never had in the European one. It is proved by two ways in which the reverse strategy manifests itself: the first one is «looking outside», that is, the assertion of the uniqueness of Latin American reality through its juxtaposition with the European one; the second one is «looking from outside», which offers the perception of Latin American reality by an «outsider». The question arises: what factors have determined the dominance of the reverse strategy in Latin American literature? One of the reasons is that the latter has evolved by absorbing and processing the European literary patterns: this path of evolution is defined as «the search for one's own in someone else's». But this is not the only factor. Since the 16th century, the era of the birth of Latin American culture, the mode of perception of America has been formed as the opposition of the New World to the Old World and contained the motive of amazement at the «miraculous» reality, which was preserved in the genetic memory of culture materializing in the 20th century as magic realism.

Keywords: world view, country's image, mentality, direct strategy, reverse strategy, Latin American literature, «looking from outside», Conquista, concept of miracle

For citation: Kofman A.F. (2023) Specifics of the Latin American world view construction. *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 16–40. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-16-40

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Изучение основных принципов выстраивания картины мира для той или иной нации на прочном базисе её культурного наследия, в первую очередь литературного, представляет безусловный научный интерес. Актуальность таких исследований применительно к латиноамериканскому региону обуславливается также и необходимостью провести четкие грани между западноевропейской и латиноамериканской литературой. Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении вводится ряд новых понятий и терминов, описывающих латиноамериканскую картину мира, проводится глубокий анализ причин доминирования «обратной» стратегии в латиноамериканской прозе. Проведённый анализ широкого пласта научной и художественной литературы имеет практическую значимость в деле подготовки специалистов-международников, ориентированных на работу в латиноамериканском регионе. Исследование закладывает фундамент для дальнейших теоретических наработок в смежных областях как применительно к Иberoамерике, так и в других странах. Кроме того, ввод в научный оборот нового понятийного аппарата обуславливает теоретическую значимость работы.

Две стратегии

Можно выделить две основных стратегии выстраивания картины мира в художественном произведении. Одну стратегию назовем прямой: когда автор непосредственно, то есть «без посредников», обращается к национальной действительности, осмысляет ее и воссоздает ее художественными средствами как самодостаточный, независимый от «чужого взгляда» феномен. При художественном воссоздании картины мира могут использоваться декларативные формы дискурса, когда герой или автор начинают рассуждать об особенностях национального характера или о самобытности национальной истории, культуры, морали и т.п. Для филолога куда интереснее косвенные формы воссоздания национального характера и национальной картины мира – то есть опосредованные художественным словом. Подобного рода рефлексия может быть явлена в характере героя, мотивации его поступков, в его психических реакциях, моделях отношения к «другому», женщине в том числе, в сюжетостроении, в портрете, в пейзаже, в мотивной структуре, наконец, в художественных моделях пространства и времени, варианты могут быть самыми разнообразными.

Другую стратегию выстраивания национальной картины мира, в противопоставление первой, условно назовем «обратной». Ее особенность состоит в том, что картина мира выстраивается в постоянном сопоставлении, с иной культурой или картиной мира, неважно, будь то соседний народ, с которым идут многовековые распри, или народ, живущий на обратной стороне Земли. Главное в этой стратегии – непереносимое присутствие в сознании автора различных картин мира, своей и чужих; нередко выходит так, что свою культуру автор исследует и оценивает глазами иностранца, внедряя в повествование

соответствующего героя. Лапидарным выражением этой стратегии является русская поговорка «Что русскому здорово, то немцу смерть».

Обратная стратегия выстраивания картины мира, как и прямая, может воплощаться в декларативных формах, когда персонаж или автор пускаются в сравнения своей культуры с «тамошней», либо когда персонажу-иностранцу предоставлена возможность порассуждать о здешней самобытности; и в формах косвенных, опять-таки куда более любопытных. Разумеется, использование одной стратегии вовсе не исключает присутствие другой, и очень часто они работают вместе.

При оценке и сопоставлении латиноамериканской культуры с европейской в данном аспекте речь пойдет о том, насколько важна и значима одна или другая стратегии в этих культурах, об их соотношении.

Если мы обратимся к литературам Западной Европы, то можем категорично утверждать, что в них абсолютно доминирует прямая стратегия выстраивания картины мира. Образно говоря, английскому писателю вовсе не нужно держать в уме французский Лазурный берег, чтобы воссоздать лондонский смог; и Девонширская пустошь существует сама по себе, а не противопоставленная живописным Альпам. Конечно, в западноевропейских литературах присутствуют весьма яркие образцы обратной стратегии выстраивания картины мира, например, «Персидские письма» Шарля Луи де Монтескье (Charles Louis de Montesquieu, 1689 – 1755). Сильнее всего обратная стратегия проявилась в испанском костумбризме с органически присущим ему отстраненным взглядом на местные «нравы»; а также в западноевропейском экзотизме, в XVIII – XIX вв. восточном, а с начала XX в. африканском, полинезийском, индейском. Да, в авангардизме XX в., в дадаизме и в сюрреализме, и особенно в пластических искусствах обратная стратегия выстраивания картины мира достигла кульминации; и все же, если оценивать западноевропейские культуры в общем, можно констатировать, что обратные стратегии самоидентификации оставались побочным путем развития культуры. Что такое «Персидские письма» в грандиозном массиве французской литературы XVIII в.? Кунштюк. Об авангардизме этого не скажешь: обратная стратегия, действительно, радикально поменяла художественный язык в пластических искусствах, но не в литературе. А в ней авангардистские эксперименты, включая «театр жестокости» Антонена Арто (Antonin Artaud, 1896 – 1948), остались для истории, облик литературы они не изменили.

Взгляд на сторону

Совсем иная ситуация наблюдается в латиноамериканской литературе. Остерегусь говорить о «решительном доминировании» обратной стратегии, но неоспорим факт ее очень основательного и очень широкого и многообразного присутствия при выстраивании картины мира; в некоторых случаях, например, в творчестве кубинского писателя Алеко Карпентьера

(Alejo Carpentier, 1904 – 1980), она становится сюжетообразующей основой произведений. Такие утверждения не терпят голословия, поэтому обратимся к конкретному литературному материалу.

Алехо Карпентьер-и-Вальмонт
(1904–1980 гг.)

Как говорилось, обратная стратегия подразумевает взгляд латиноамериканского писателя «на сторону», либо взгляд на латиноамериканскую действительность глазами «постороннего». Такая оптика, как в первом, так и во втором варианте, переполняет латиноамериканскую литературу.

Взгляд «на сторону» отчетливо проявляется в той константе латиноамериканской литературы, какую ав-

тор этих строк назвал «инаковостью» [Кофман, 1997: 27–31]. Это воплощение в художественном тексте глубокой убежденности автора в том, что латиноамериканский мир коренным образом отличен от европейского и североамериканского. Эта убежденность нередко высказывается на декларативном уровне. Как правило, она воплощается понятиями «иной», «другой», «особый»: «Иной мир», «мир иных измерений»¹; «Мексика ... иная страна»; «...ели и думали они по-другому»². Глубокого формульного выражения эта идеологема достигает в словах Колумба из романа А. Карпентьера «Арфа и тень»: «Однажды возле мыса на побережье Кубы, названного Альфа и Омега, я сказал, что здесь кончается мир и начинается другой: другое Нечто, другое качество...»³. В своем гротескно-пародийном романе «Райские псы» аргентинский писатель Абель Поссе (Abel Posse, р. 1934) постоянно обыгрывает константу инаковости: «Разве эти земли есть продолжение мира, откуда мы прибыли? (...) Мы попали в иное пространство»⁴. Примеров подобного рода можно привести огромное множество. Всякое противопоставление подразумевает одновременный взгляд на два объекта.

Обложка книги
«Арфа и тень»
Алехо Карпентьера

¹ Рульфо Х. Равнина в огне. Педро Парамо. Москва. Художественная Литература. 1970. С. 152.

² Фуэнтес К. Старый гринго. Латинская Америка. Литературный альманах. Вып. 6. Москва. Художественная Литература. 1988. С. 184, 105.

³ Карпентьер А. Арфа и тень. Избранное. Москва. Радуга. 1988. С. 556.

⁴ Поссе А. Райские псы. Иностранная литература. 1992. № 8–9. С. 57.

У читателя может возникнуть вопрос: а что тут особенного? Разве англичанин не воспринимает свое культурное и физическое пространство в русле инаковости, то есть как иное пространство, чем, скажем, французское? Конечно, воспринимает. Но в сравнении с латиноамериканским восприятием собственной инаковости наблюдаются два существенных отличия. Первое: английский писатель не старается на каждом шагу и с особой настойчивостью декларировать отличия своего социокультурного пространства от французского, германского и других. Действительно, в английской литературе (равно как в литературе других западноевропейских стран) такого рода пассажи встречаются крайне редко. Подобные декларации западноевропейским писателям не нужны, поскольку самобытность их культур, уходящих корнями в глубину веков, самоочевидна и не нуждается в доказательствах. Второе отличие заключается в масштабе инаковости. Очевидная самобытность западноевропейских социокультурных пространств вовсе не исключает их общую принадлежность европейскому культурному полю, и эта общность ясно ощутима в западноевропейской литературе на различных художественных уровнях. Латиноамериканская инаковость, как видно из приведенных примеров, приобретает грандиозный цивилизационный

Обложка книги
«Весна священная»
Алехо Карпентьера

масштаб, и потому она выражается не в оппозиции к какой-то европейской стране, а в оппозиции к Европе в целом, даже шире: ко всему Старому Свету. Атлантический и Тихий океаны разделяют не только континенты, но и различно организованные пространства: Новый Свет (подразумевается именно его латиноамериканская часть) – это иной мирострой, скроенный совсем по иным законам. «Я провел в Европе несколько лет и убедился, что Латинская Америка не укладывается в привычные представления европейцев; это мир, ломающий все их старые нормы», – заявляет персонаж А. Карпентьера⁵. В прозе кубинского писателя эта оппозиция закрепляется формульно в пространственных понятиях «здесь» и «там» (это понятие включает не только Европу, но и латиноамериканский город, скроенный по европейским меркам). Впервые выделенные курсивом в романе «Потерянные следы», эти обозначения встречаются и во всех последующих романах писателя. Столкновение «тамошнего» со «здешним» неизменно выявляет качественную несовместимость двух типов цивилизации: «Весь мой образ мира... рушится передо мной»⁶, а вместе с ним рушатся европей-

⁵ Карпентьер А. Весна священная. Москва. Радуга. 1982. С. 40.

⁶ Карпентьер А. Арфа и тень... С. 485.

ская аксиология и логика. Но при этом «здешнее» парадоксальным образом зависит от «тамошнего», без которого не может существовать.

Замечательным образцом обратной стратегии выстраивания картины мира стала знаменитая концепция Алехо Карпентьера, закрепленная им в 1949 г. в формуле «чудесная реальность» (*lo real maravilloso*). Ее широчайшее распространение в латиноамериканском литературоведении само по себе свидетельствует о том, насколько латиноамериканское художественное сознание предрасположено именно к обратной стратегии самоидентификации. Свою концепцию Карпентьер выстраивает на том, что прежде всего обращает свой взор на Европу, где двумя десятилетиями раньше родилось словосочетание «магический реализм» [Кофман, 1990: 183-200; Кофман, 2015: 90-100], позже примененное по отношению к латиноамериканской литературе. А. Карпентьер сразу и очень решительно отмежевался от европейского течения, и вот на каком основании: «С одной стороны, полная чудес действительность..., а с другой – мир чудесного как плод жалких потуг, характерных для некоторых течений европейской литературы последнего тридцатилетия»⁷. Европейский «мир чудесного, созданный по принципу циркового фокуса», по его мнению, «был и будет всего лишь литературным трюком»⁸. Как видно, противопоставление двух типов чудесного основано на категориях подлинности и неподлинности. А подлинным латиноамериканский тип чудесного кубинский писатель считает потому, что чудесное является порождением самой действительности континента.

Разрабатывая эту концепцию, А. Карпентьер прежде всего обратился к толкованию категории «чудо»: «...единственное, что должно было бы фигурировать в словарных толкованиях, – это все то, что связано с необычным (...) Все незаурядное, выходящее за рамки установленных норм, – чудесно»⁹. Вполне очевидно, что под «установленными нормами» имеются в виду нормы европейские, которые в совокупности и составляют, как подразумевается, антиномию чуда – «обычное», «заурядное». Концепция Карпентьера и выстраивается на внутреннем противопоставлении двух типов действительности: на одном полюсе – «заурядная» европейская, на другом – «наша американская чудесная реальность, которую мы обнаруживаем в первозданном, пульсирующем, вездесущем виде во всей латиноамериканской действительности. Здесь необычное – повседневность, и так было всегда»¹⁰. Но вот что характерно: чтобы обнаружить и осознать важнейшую отличительную черту латиноамериканской действительности, Карпентьеру понадобилось взглянуть на «заурядную» действительность Европы с ее «установленными

⁷ Карпентьер А. Мы искали и нашли себя. Москва. Прогресс. 1984. С. 118.

⁸ Там же. С. 88.

⁹ Там же. С. 117.

¹⁰ Там же.

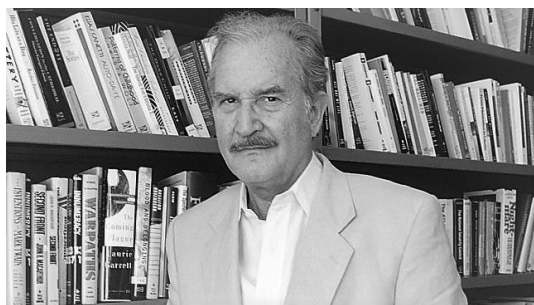
нормами». А смог бы он осознать самобытность латиноамериканской культуры без этого взгляда «на сторону»? Вряд ли. Это к вопросу о методе выстраивания картины мира. Если же обратиться к смысловому содержанию этой картины мира, то и она базируется на обратной стратегии самоидентификации. Поставим простой вопрос: разве действительность может быть сама по себе чудесной или заурядной? Положим, европейцы издревле называли Индию «страной чудес», куда и стремились, но попробуйте найти индийца, который так бы воспринимал среду своего обитания. Речь, стало быть, идет не о действительности как таковой, а об ее восприятии. Чудесное – это продукт человеческого сознания. И здесь-то выявляется характерное свойство латиноамериканского художественного сознания, когда родную действительность, которую укорененный в ней человек воспринимает как привычную, обыденную, заурядную, латиноамериканский художник интерпретирует как необыкновенную, из ряда вон выходящую, чудесную. А воспринимать ее таким образом он может только посредством «двойного взгляда». Если убрать из этой конструкции взгляд на «заурядную» Европу, то вся конструкция рассыплется.

Декларации и теоретические построения, основанные на стратегии обратного выстраивания картины мира, мало чего бы стоили, если бы не подтверждались на уровне художественного воплощения, глубоко внедренные в художественную плоть литературного произведения. Это куда более интересное поле для исследования. Рамки журнальной статьи не дают возможности представить все многообразные проявления означенной стратегии, поэтому выделим лишь два базовых «сюжета».

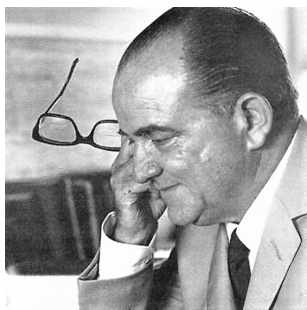
С сюжета и начнем: речь пойдет о путешествии. Не стоит говорить о том, насколько значим сюжет путешествия как в европейской, так и в латиноамериканской литературах; сосредоточимся на его внутреннем наполнении. Персонаж европейской литературы в ходе путешествия познает чужой мир, расширяет свой интеллектуальный кругозор, а заодно испытывает себя на прочность, обретает более глубокое знание о себе и о людях. Совсем иная цель у латиноамериканского путешествия (а этот сюжет пронизывает всю латиноамериканскую литературу со дня ее сотворения). В ней главная цель путешествия – открыть «свой», отличный от европейского, американский мир и почувствовать собственную причастность к нему. А для этого необходимо обрести для сравнения некую точку отсчета – европейскую норму. Самый очевидный и распространенный в латиноамериканской литературе тип «транскультурного путешествия» – через океан из Америки в Европу, а затем обратно. Между прочим, таков был путь духовного развития большинства латиноамериканских интеллектуалов, которые считали себя обязанными посетить Европу. Европейская норма усвоена, задана необходимая точка отсчета – и теперь герою предстоит обратное путешествие: возвращение в свой мир из инокультурного универсума. Но это возвращение на самом деле предстает как вхождение в свой мир, как его открытие, что оказывает-

ся возможным именно благодаря обновленному восприятию, рожденному из соприкосновения с инородной европейской культурой. Эта мысль очень четко сформулирована и даже выделена курсивом в повести А. Карпентье-ра «Концерт барокко»: *«Иногда необходимо уехать вдаль, уплыть за моря, чтоб все понять по-настоящему»*¹¹. Аналогом трансокеанского путешествия может стать перемещение героя внутри латиноамериканского пространства: из города в село, из поместья в глубину пампы, сельвы и т.п. Суть путешествия остается в том, что герой переходит из одной социокультурной среды в другую, и, получив таким образом оптику двойного взгляда, начинает постигать, какая культура чужда ему, а какая – своя.

Точка отсчета задана, теперь на этой основе можно выстраивать свою картину мира. А выстраиваться она будет в соответствии с теми параметрами, которые автор этой статьи в совокупности определил словосочетанием «поэтика сверхнормативности». Ее суть состоит в том, что писатель и его герой помещаются в действительность, противостоящую европейскому «регламенту». В латиноамериканской литературе все стремится выйти за пределы: пространство – неизмеримое, непостижимое; грандиозны и природные явления с восьмилетними дождями и опустошительными апокалипсическими ураганами. Герой повести мексиканского писателя Карлоса Фуэнтеса (Carlos Fuentes, 1928 – 2012) «Разумные люди» говорит себе: «Мы могли бы с сервантесовской иронией в целом принять то разъяснение категории чуда, какое Дон Кихот дает Санчо: “Это вещи, случающиеся редко...” Но у нас-то, наоборот, они стали нормой, а не исключением»¹².

Карлос Фуэнтес Масиас
(1928–2012 гг.)

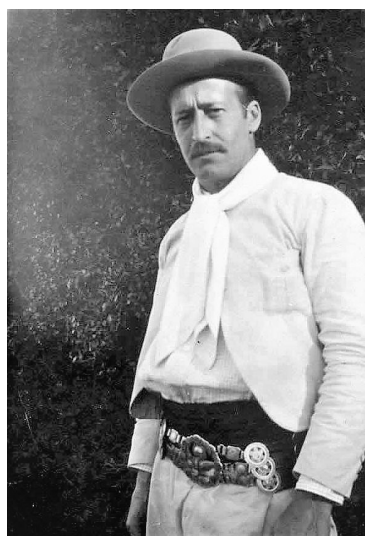
Мигель Отеро Сильва
(1908–1985 гг.)

И герои лепят себя под стать среде своего обитания и на каждом шагу попирают все мыслимые нормы... Этот процесс преобразования героя под воздействием «запредельного» пространства замечательно отражен в романе венесуэльского писателя Мигеля Отеро Сильвы (Miguel Otero Silva, 1908 – 1985) «Лопе де Агирре, Князь Свободы». Имеет смысл привести целиком пространную цитату: «...В этом месте Мараньон навсегда и бесповоротно становится вселенской рекой, плывущий по нему начинает чувствовать себя бесконечно малым или безгранично великим,

¹¹ Карпентьер А. Концерт барокко. Избранное. Москва. Радуга. 1988. С. 443.

¹² Fuentes C. Constancia y otras novelas para vírgenes. España. Madrid. Mondadori. 1989. P. 292

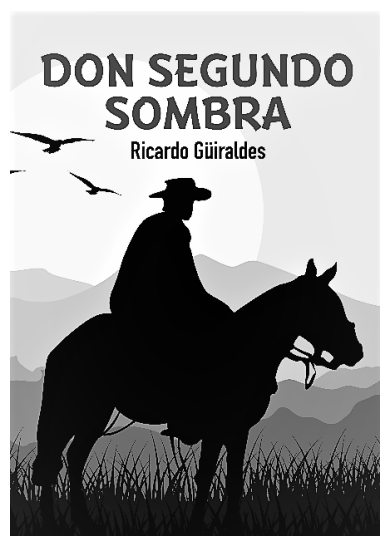
в зависимости от того, какого он сам о себе мнения. Лично я чувствую, что моей душе прибывает величия по мере того, как зеркало реки ширится пред моими глазами. Все равно как сызнова родиться из чрева матери, вновь испытать все добро и все зло. Я заново пережил тот день в Куско, когда смертью отомстил за оскорбление и побои, нанесенные мне алькальдом Франсиско Эскивелем. И еще раз почувствовал, как умираю, возвратившись домой после битвы при Чукинге и поняв перед зеркалом раз и навсегда, что Лопе де Агирре до конца дней своих останется хромым обгорелым пугалом. Но величие этой реки возвращает мне сознание, что я есть на самом деле: не колченогий

Рикардо Гуиральдес
(1886–1927 гг.)

беззубый старик, а десница, готовая вершить небывалые подвиги, я вождь и предводитель и стою больше, чем кто бы то ни было, много больше, чем губернатор Педро де Урсуа, и не меньше, чем сам король Филипп, коего хранит Господь, а со временем и ты, испанский король, будешь стоять меньше, чем я»¹³. Вновь явлена обратная стратегия самоидентификации: ее отправная точка – «колченогий беззубый старик» (то, кем является герой в соответствии с европейской нормой), его новое качество, сформированное под воздействием американского пространства – «десница, готовая вершить небывалые подвиги». Как видно, образ этого героя, как и многих других в латиноамери-

канской литературе, создается в русле поэтики сверхнормативности. Действительно, внутренняя пульсация исключительности присуща многим героям латиноамериканской литературы (речь не идет о героях романтизма), в особенности тем персонажам, которые представляют собой собирательный образ этнотипа. Такой герой причастен к сакральному знанию, и потому его образ всегда сопровождается мотивом таинственности. Так, в знаменитом романе аргентинца Рикардо Гуиральдеса (Ricardo Güiraldes, 1886 – 1927) «Дон Сегундо Сомбра» рассказчик

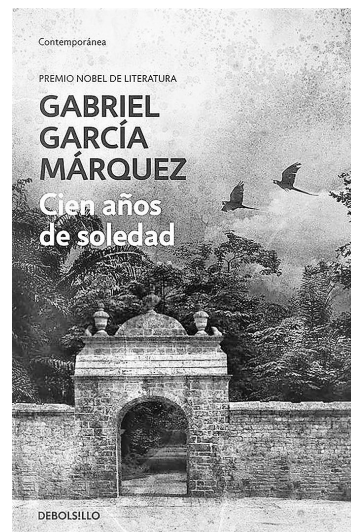

Обложка книги
«Дон Сегундо Сомбра»
Рикардо Гуиральдеса

¹³ Отеро Сильва М. Лопе де Агирре, Князь Свободы. Избранное. Москва. Радуга. 1982. С. 271.

говорит о заглавном герое, собирательном образе гаучо: «Удивительный он человек! Сколько ни живи рядом с ним, до конца его не узнаешь. Или ему тоже ведомы тайные силы?»¹⁴.

Но ярче всего поэтика сверхнормативности проявляется еще в одной специфической черте персонажей, которую можно условно назвать «одержимостью». Это какая-либо внутренняя страсть или черта характера либо направленность сознания и деятельности, которые поглощают человека целиком, проявляются крайне избыточно, выходят за пределы нормы. Таких героев в латиноамериканской литературе не счесть. Даже в регионалистской прозе с ее узкой установкой на «правдивость» подобные герои встречаются сплошь да рядом, например, в произведениях одного из основателей и теоретиков этого течения – колумбийца Томаса Карраскильи (Tomás Carrasquilla, 1858 – 1940). Лопе де Агирре из романа О. Сильвы воплотил свою одержимость в маниакальной подозрительности и в чудовищной жестокости. В творчестве Габриэля Гарсиа Маркеса (Gabriel García Márquez, 1927 - 2014) «одержимость», свойственная большинству его героев, достигает таких масштабов, что подчас предстает как чудо. Последнее в особенности свойственно роману «Сто лет одиночества»: каждый из его героев движим «главной неодолимой страстью»¹⁵ либо обладает феноменальными качествами, и каждый так или иначе переступает пределы нормы. С чудом же граничит и любовь Флорентино Ариса – героя романа «Любовь во время холеры». Поэтика сверхнормативности основана на разрушении, превозмогании, попрании «нормы», и как таковая она является ярким образцом обратной стратегии выстраивания картины мира: ведь для того, чтобы нарушить норму, надо прочно держать ее в уме.

Обложка книги
«Сто лет одиночества»
Габриэля Гарсиа Маркеса

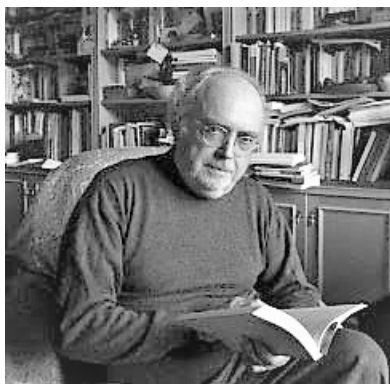
Луиса Ривера.
Иллюстрация к книге
«Любовь во время холеры»
Габриэля Гарсиа Маркеса

¹⁴ Гуириальдес Р. Дон Сегундо Сомбра. Москва. Государственное издательство художественной литературы. 1960. С. 114.

¹⁵ Гарсиа Маркес Г. Сто лет одиночества. Избранное. Москва. Художественная литература. 1989. С. 324.

Взгляд постороннего

От взгляда «на сторону» перейдем к взгляду «постороннего», второй важнейшей составляющей обратной стратегии выстраивания картины мира. Этого персонажа, обозначенного в латиноамериканской литературе словами «ajeno», «forastero», «extraño», обозначим словом «чужак». В западноевропейской (и русской) литературе такой персонаж, как правило, эпизодичен, редко когда от него зависят судьбы героев произведения, и обычно не он определяет развитие сюжета. Совсем иначе дело обстоит в латиноамериканской литературе. В ней это один из центральных персонажей, часто от него зависят судьбы героев, часто именно он определяет развитие сюжета. Этих персонажей, как иностранцев, так и латиноамериканцев, как сельских жителей, так и городских, несмотря на всевозможные различия их социального положения, профессиональных интересов, духовных устремлений, возраста, пола и т. п., объединяет одна черта – та или иная степень отторженности от латиноамериканского мира. Этот тип героя (впрочем, как и некоторые другие) выделяется не столько характером, сколько функционированием в художественной структуре произведений.

Фернандо Аинса Амигес
(1937–2019 гг.)

Как справедливо отмечает Фернандо Аинса¹⁶, латиноамериканская самоидентификация строится из совокупности позитивно-негативных образов, – то есть «свое» определяется не столько из себя самого, сколько из противопоставления «чужому» [Aínsa, 1986: 39]. Тип «чужака» необходим латиноамериканскому писателю для выстраивания своего образа мира, а главное, образа «подлинного» героя, укорененного в родной среде и тождественного ей. Тем самым «чужак» выполняет столь же важную функцию в создании латиноамериканской картины мира, как и его антипод. Он как бы представляет обратную сторону этой картины,

без которой она не существует. «Чужак» – это не характер, а мироотношение, и потому он представлен самыми разнообразными характерами, от крайне негативных до весьма позитивных. Рассмотрим некоторые его ипостаси.

Прежде всего обозначим нескончаемую вереницу образов жестоких гринго-эксплуататоров, какие можно встретить в любом латиноамериканском романе социально-политической направленности – образов отталки-

¹⁶ Фернандо Аинса (Fernando Aínsa, 1937 – 2019) – известный литературовед, критик, эссеист, писатель, поэт. Родился в Испании и сформировался как ученый и литератор в Уругвае, с 1974 по 1999 гг. жил и работал во Франции. Автор одного из наиболее значительных литературоведческих трудов по теории латиноамериканской культуры и литературы «Культурная идентичность Иberoамерики в ее прозе» (Identidad cultural de Iberoamérica en su narrativa).

вающих, одномерных и схематичных. Нет надобности анализировать их; но есть смысл показать, как они функционируют в обратной стратегии выстраивания картины мира.

Не стоит говорить о прямых характеристиках, это слишком плоско; лучше привести пример косвенной характеристики, представленной в «Банановой трилогии» гватемальского писателя Мигеля Анхеля Астуриаса. (Miguel Ángel Asturias, 1899 – 1974). Североамериканцы навязывают латиноамериканскому пространству прямую линию, упорядоченность: «Геометрические линии, прямые и одинокие, банановых шеренг, смятых на горизонте

Мигель Анхель Астуриас
(1899-1974 гг.)

хаотичным беспорядочным натиском сельвы»¹⁷; или: «Под мостами журчали ручейки, – какое ощущение свободы рождала вода рядом с рельсами, с их холодной твердостью тюремных брусьев»¹⁸. Выстраивание латиноамериканской картины мира происходит посредством противопоставления хаотичного пространства геометризму, который ассоциирован с бездушным рационализмом; следовательно, «по обратной связи», понимает читатель, латиноамериканский мир – живой, природный, чувственный, неупорядоченный, свободный.

Любопытно взглянуть на образы, так сказать, «симпатичных» гринго – они-то яснее всего выражают идею несовместимости западноевропейского и латиноамериканского миров. Эти персонажи пытаются стать «своими» в латиноамериканском инаковом мире, но их старания почти всегда обречены на неудачу. Бывает, они окажут помощь коренным жителям, войдут с ними в добрые отношения, но установить органичный контакт с природной средой им не дано, ибо для этого необходимо воспринять совершенно чужеродные для них законы пространства. Показателен в этом смысле пример Лестера Мида, героя романа М.А. Астуриаса «Ураган». Друг и покровитель индейцев, он вместе с тем вершит насилие над «беспорядочным хаосом сельвы», умертвляя его прямоугольниками банановых плантаций – и необузданная природа континента мстит ему за насилие – он гибнет во время урагана. Он мог бы спастись в пещере, проникнуть в ее сакральное пространство, но какие-то страшные тени выгоняют его наружу. В «Потерянных следах» А. Карпентье-

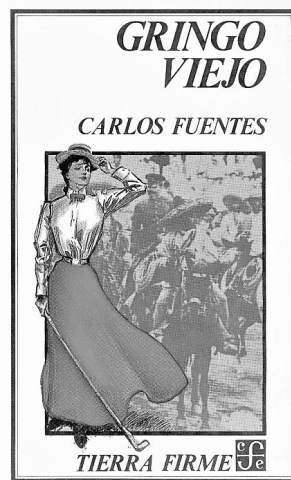
¹⁷ Астуриас М.А. Зеленый папа. Избранные произведения в двух томах. Москва. Художественная литература. 1988. Т. 1. С. 278.

¹⁸ Там же. С. 275.

ра также не люди, а природная среда изгоняет чужаков из своих пределов. Сначала – Муш, любовницу героя: «Сильная, всепроникающая и жестокая природа сумела за несколько дней окончательно разбить Муш, истощить ее, измотать и обезобразить и теперь наносила ей последний сокрушающий удар. Это было окончательное поражение, реванш, взятый всем поистине естественным и настоящим...»¹⁹. А затем – и самого героя, который, как ему казалось, сроднился с Долиной Остановившегося Времени: «И в этот короткий, но решающий миг я вдруг струсил перед этими горами, перед этими тучами... и этими деревьями... Словно опустился занавес и отгородил меня ото всего вокруг. И что-то в этом мире сразу стало для меня чужим, словно вдруг изменились пропорции»²⁰. Занавес – символ неодолимого предела, разделяющего столь существенно различные миры.

Латиноамериканский первозданный мир как бы «чувствует» исходящую от чужеземца угрозу своей целостности, самобытности и непорочности и оттого отторгает «чужака». Не стоит говорить о расхищении иностранцами природных богатств континента, бессчетно описанном в социально ангажированной литературе. «Добрый» иностранец способен «невольнo» накликать беду. Яркий пример такого типа являет роман аргентинца Бениито Линча (Benito Lynch, 1880 – 1951) «Мистер Джеймс ищет черепа». Англичанин, антрополог, проводящий раскопки в пампе, временно поселился на хуторе, в крестьянской семье. В него влюбилась дочь хозяйки, чей характер воплощает неукротимость и первозданную естественность духа пампы. Мистер Джеймс – человек очень добрый и безукоризненно порядочный: ни одного ложного шага он не совершает в своих отношениях с селянкой. Но его отъезд – со всех сторон оправданный – девушка пережить не в силах, и кончает самоубийством. Не злодей, не коварный искуситель губит ее – ее губит исключительно честный и доброжелательный человек, но – «чужак», само появление которого на хуторе, в средоточии «подлинности», оказывается смертоносным.

Стратегия обратной реконструкции латиноамериканской картины мира замечательно полно проявилась в повести К. Фуэнтеса «Старый гринго». Сюжет повести имеет историческую основу: в 1913 г., в разгар мексиканской революции, североамериканский писатель Амброс Бирс (Ambrose

Обложка книги
«Старый гринго»
Карлоса Фуэнтеса

¹⁹ Карпентьер А. Потерянные следы. Избранные произведения в двух томах. Москва. Художественная литература. 1974. Т. 1. С. 144.

²⁰ Там же. С. 234.

Bierce, 1842 – ок. 1914) отправился в Мексику, и о его дальнейшей судьбе ничего не известно. В интерпретации Карлоса Фуэнтеса Бирс отправился в Мексику, чтобы найти свою смерть. Граница между Мексикой и США трактуется как нечто куда более глубокое, нежели простое территориальное разделение. Прежде всего, это – граница не только с США, а фактически со всей западной цивилизацией: «Старый гринго говорил, что у вас, гринго, нет границы ни на западе, ни на севере, только на юге, всегда только на юге, – сказал повстанец»²¹. Восприятие США как форпоста западной цивилизации вполне традиционно для латиноамериканской ментальности. Далее, категория границы у Фуэнтеса органически вбирает в себя художественные концепции «иного пространства» и «беспредельного пространства»: «...Если граница широко и четко обозначалась рекой, разделяющей городки Эль-Пасо и Сьюдад-Хуарес, то за мексиканской городской чертой не было больше никаких рубежей, кроме горизонта...»²². В этой фразе, таким образом, подтекстово противопоставляются два типа пространства: одно – ограниченное, содержащее в себе некие внутренние препятствия и барьеры, другое – бескрайнее, символизирующее абсолютную внутреннюю свободу. Поэтому Амброс Бирс, герой романа, «почувствовал себя свободным, когда пересек границу в Сьюдад-Хуарес, словно действительно вступил в иной мир»²³. Граница между двумя мирами глубоко сущностна, а потому не может не захватывать и временных пластов: «...Словно бы граница, которую он однажды пересек, проходила по воздуху, а не по земле, и охватывала все времена...»²⁴. Наконец, устанавливается четкая связь этой мифической пространственной координаты с поэтикой сверхнормативности, и эта связь дополнительно акцентируется в тексте: «Вот и старик перебрался к нам на юг, потому что перешел уже все границы в своей стране»²⁵. Герой дошел до некоего предела западной нормы, его пространственное перемещение в Мексику (шире – Латинскую Америку) мыслится как перешагивание через нормы – в иную, запредельную реальность. Но этот аномальный, «особый» мир не может и не должен принять «чужака», как бы тот к этому ни стремился. Итог закономерен: «Старый гринго нашел свою смерть в Мексике. И все потому, что перешел границу. Разве это не ясней ясного?»²⁶.

В роли чужака вовсе не обязательно выступает гринго, в этой роли нередко выступает урожденный латиноамериканец. В индихенистском романе образы латифундистов, представителей белой расы, в сущности, аналогичны образам иностранцев и выполняют ту же функцию разграничения миров и

²¹ Фуэнтес К. Старый гринго. Москва. АСТ. 2010. С. 243.

²² Там же. С. 104.

²³ Там же. С. 215.

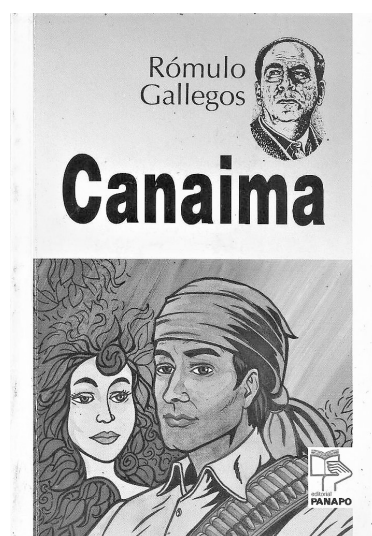
²⁴ Там же. С. 101.

²⁵ Там же. С. 99.

²⁶ Там же.

воссоздания «своего» по обратной связи. Белому латифундисту, равно как и иностранцу, обычно не дано интегрироваться в индейский мир: граница культур оказывается непроходимой. В роли чужака оказывается латиноамериканец и в так называемой литературе «зеленого ада». Типовой сюжет произведений этого течения вполне выражается словами венесуэльского прозаика Ромуло Гальегоса (Rómulo Gallegos, 1884 – 1969): «сельва, бесчеловечная, завораживающая сатанинской силой на всю жизнь любого, кто хоть раз увидел ее» (роман «Канайма») ²⁷. Другой поворот этого сюжета представлен в романе колумбийца Хосе Эустасио Риверы (José Eustasio Rivera, 1888 – 1928) «Пучина»: «сельва словно подменяет человека, развивает в нем самые низменные инстинкты» ²⁸. От пассивной враждебности к пришлому человеку сельва переходит к прямой агрессии, когда ее манящий «зов» оборачивается приказом, гипнозом, колдовскими чарами, каким не властен противиться человек. Послушный неодолимым чарам, герой углубляется во враждебное пространство, которое в конечном счете оборачивается трясинной, омутом, адом, где он гибнет физически либо морально.

Сельва враждебна только по отношению к пришлому человеку, чужаку. Для укорененного жителя, индейца, она является родным домом, убежищем, органичной средой; а метафора «тысячестолпный храм» (Р. Гальегос. «Канайма») ²⁹ представляет сельву сакральным пространством. Таким образом, типовой сюжет литературы «зеленого ада» фактически воспроизводит древний мифологический сюжет: вторжение непосвященного в святилище и неотвратимо следующее за этим наказание.

Обложка книги
«Канайма» Ромуло Гальегоса

Обращаясь к истокам

Пора, наконец, поставить вопрос: почему обратная стратегия выстраивания картины мира в латиноамериканской литературе приобрела такую значимость и многофункциональность?

Уместно сказать о том, что еще относительно недавно сам факт существования испаноамериканской культуры подвергался сомнению. Сейчас в это трудно поверить, но между тем еще в первой половине XX в. находились вполне светлые умы – испанские, что понятно, но также и немало латиноа-

²⁷ Гальегос Р. Канайма. Москва. Молодая гвардия. 1959. С. 14.

²⁸ Ривера Х.Э. Пучина. Москва. Гослитиздат. 1956. С. 139.

²⁹ Гальегос Р. Канайма... С. 157.

мериканских, – которые утверждали, что самостоятельной латиноамериканской культуры не существует, она – лишь ответвление культуры испанской (или португальской, если речь идет о Бразилии). Эта концепция имела весомые аргументы. Действительно, древние и богатые доколумбовы культуры на американском континенте были разрушены в ходе испанской колонизации Нового Света, а индейцы большей частью ассимилированы. Новая, собственно латиноамериканская культура, сформировалась на европейской культурной основе и на европейских (главным образом испанском) языках. Вполне очевидно, что язык – это не только лексика и грамматика, но также и способ мышления, художественного в том числе. Более того, латиноамериканская культура изначально не имела собственной традиции, и в результате она долгое время воспринималась как культура подражательная либо как «провинциальный» вариант культур Иберийского полуострова.

Незрелая литература, лишенная собственного языка, собственного фольклорного субстрата, своей традиции, еще не была способна к автономному саморазвитию, и потому вынужденно заимствовала европейские течения и художественные модели – барокко, классицизм, романтизм, костумбризм, реализм, натурализм, символизм, авангардизм.

Вместе с тем, эти заимствования обладали одной существенной особенностью. Форма подобна сосуду: его можно наполнить разным содержимым. Заимствованные художественные формы латиноамериканцы всегда старались приспособить для отражения собственной действительности – так накапливались новые содержательные элементы. Этот особый способ развития литературы можно определить формулой: поиск «своего» в «чужом».

В каждом из заимствованных течений писатели находили какие-то точки для полемического противостояния европейской традиции, если не в эстетической системе, то в системе образов. Причем это противостояние осуществлялось путем использования европейских художественных моделей, которые в Америке получали новое наполнение или сочетались с мотивами и образами индейских культур. В художественном мышлении латиноамериканских писателей эти элементы тщательно очищались ото всего сугубо европейского или специфически национального, видоизменялись, наполнялись новым содержанием. И даже те постоянные образы, которые сохранялись в относительно неизменном виде, так или иначе взаимодействовали с другими и обретали новые смысловые нюансы.

Это видно на примере латиноамериканского классицизма: неукоснительно соблюдая европейский классицистический канон, поэты Нового Света наполняют античные мифообразы американским содержанием, заставляя античных героев выступать под флагом американской независимости рука об руку с мифологическими и историческими героями инков и ацтеков. В еще большей степени это относится к заимствованиям штампов европейского примитивизма (имеется в виду идеологическая тенденция, существовавшая в европейской культуре со времен античности [Boas, 1948; Boas, Lovejoy,

1935; Levin, 1969; Runge, 1946])). Все древние и устойчивые примитивистские идеологемы, такие как апология «естественного человека» и «природного закона», восхваление «мудрого незнания», тоска по Золотому Веку вместе с набором сопутствующих противопоставлений: «естественный» человек / цивилизованный человек, чувство (инстинкт) / разум, живой организм / механизм, село / город и др. – все они укоренились в латиноамериканской литературе. Принципиальное различие в трактовке этих оппозиций состоит в том, что если для западноевропейца речь идет вообще о цивилизации как таковой и обо всякой культуре, то латиноамериканец отождествляет все, противостоящее природному началу, с западноевропейским урбанизмом и техницизмом – то есть вводит понятия природы и культуры в рамки оппозиции «свое / чужое». Но как только подразумевается самобытная латиноамериканская культура, то природное начало не только ей не противоречит, но становится ее самым репрезентативным воплощением. С той же готовностью латиноамериканские художники восприняли новые варианты примитивистских идеологем, разработанные европейскими авангардистами. Мистическое восприятие природы, культ иррационализма, апелляция к подсознанию, ностальгия по архаике, восприятие дикаря как носителя принципиально иного сознания, противопоставление теллуризма технократизму – эти и другие тенденции органично вписались в латиноамериканскую художественную картину мира и стимулировали развитие негризма и магического реализма.

Российский исследователь Юрий Николаевич Гири́н пишет по этому поводу: «...В том и состоит особенность латиноамериканской ментальности, что в стремлении осознать свое “Я” латиноамериканец постоянно прибегает к европейским меркам, всегда ощущая при этом свое несовпадение с заемной системой измерений» [Гири́н, 1993].

Итак, сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, латиноамериканская культура четырехста с лишним лет была накрепко привязана к европейской традиции; с другой, – она всячески пыталась обрести собственный художественный язык и выразить свой образ мира. И в этих условиях изначально определился внутренний смысл ее развития – выявление и утверждение своей самобытности. В отличие от западноевропейского художника для писателя латиноамериканского культурная самоидентификация долгое время была острее и самой насущной проблемой.

При зависимости от европейской культуры выявление и утверждение латиноамериканской самобытности могло происходить только в формах противопоставления собственных художественных элементов – европейским. Действительно, если культура ищет «свое» в «чужом», то можно ли иначе выделить «свое», как не подчеркнув его отличие от «чужого»? Так складывается важнейшая особенность художественного языка латиноамериканской культуры – его глубокий внутренний полемизм по отношению к европейской культуре, то есть постоянное стремление что-то ей противопоставить,

что-то оспорить, опровергнуть, доказать. Этот полемизм взыскует обратную стратегию выстраивания картины мира, прямая стратегия ему внеположна. Полемизм художественного языка латиноамериканской литературы проявляется не только в системе устойчивых сопоставлений и противопоставлений, но также и на более глубоком уровне, когда писатель берет какой-либо европейский постоянный образ, мотив и сознательно его пародирует либо «выворачивает наизнанку».

Сказанное объясняет многое, но не все. Дело в том, что означенная стратегия ярко являла себя еще тогда, когда художественной латиноамериканской литературы не существовало. Она обозначилась в самую начальную эпоху сотворения латиноамериканской культуры, в литературных памятниках эпохи конкисты. И первые многочисленные образцы этой стратегии дал Христофор Колумб в дневнике первого путешествия: «Рыбы здесь настолько отличаются от наших рыб, что это кажется чудом»³⁰; «Во всей Кастилии не найдется такого уголка, который по красоте и приветливости мог бы сравниться с этой страной»³¹.

Тексты конкистадоров буквально переполнены сравнениями реалий Нового Света с реалиями Испании. Можно понять почему. Обычно сравнение привлекается для создания и познания чего-то «своего» – будь то собственная личность, национальная действительность или картина мира; для дефиниции «своего» нужно «иное». Конкистадоры оказываются в обратной ситуации: им надо объяснить, познать и оценить «иное» – для этого привлекается «свое». Оно оказывается необходимым, поскольку «иная» действительность Нового Света имеет настолько сильно выраженное, подчас шокирующее качество новизны, что не поддается адекватному отражению в слове: необходима точка опоры для воссоздания образа – она-то и обретается в знакомой, испанской, реальности.

По необходимости бегло рассмотрим основной спектр сравнений реалий Нового Света с испанскими, от самых нейтральных до эмоционально окрашенных.

В экспликативной функции подобные сравнения используются очень часто: нет более эффективного и лаконичного способа создать образ, нежели отослать читателя к об-

Высадка экспедиции Эрнана Кортеса в месте, прозванном Вилла-Рика-де-ла-Вера-Крус

³⁰ Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. Москва. Географическая литература. 1956. С. 97.

³¹ Там же. С. 149.

разу, укорененному в его сознании. Так, по словам испанского конкистадора, участника экспедиции Эрнана Кортеса, Берналя Диаса дель Кастильо (Bernal Díaz del Castillo, ок. 1495 – 1584), город Чолула «издалека походил на наш Вальядолид, что в Старой Кастилии»³²; первый испанский губернатор Чили Педро де Вальдивия (Pedro de Valdivia, 1487 – 1553) уподобляет чилийскую реку Каутем Гвадалквивиру³³ и т. п. Чаще всего сравнения реалий Нового Света с испанскими носят открыто оценочный характер. Поразительно то, что среди нескольких десятков зафиксированных сравнений подобного типа нет ни одного, в котором американская реальность ставилась бы ниже испанской. Формула «испанское лучше» как бы начисто отсутствует в сознании конкистадоров; все оценочные сравнения «работают» исключительно на американскую реальность. Выделяются, так сказать, «по восходящей», три основных варианта таких сравнений.

Первый можно выразить формулой «не хуже, чем в Испании»: «Город Куско столь велик и прекрасен, что был бы достоин находиться (*sería digna de verse*) в Испании»³⁴; «...Издалека мы увидели столь большой город, что Севилья не могла показаться ни больше, ни лучше»³⁵. Ценностное уравнивание – первый шаг в удваивании картины мира; следующий шаг выражен формулой «лучше (больше), чем в Испании». Она сквозит и в описаниях природного мира – и дичь здесь крупнее, и горы выше, и реки полноводнее, и фруктовые деревья здесь плодоносят лучше, чем в Испании; «...С виду он [город Чолула] даже красивее городов Испании...»³⁶ и т.п. Данный вариант оценочных сравнений получает дальнейшее развитие – складывается по-своему поразительный тип сопоставлений, утверждающих абсолютное превосходство американских реалий над испанскими по формуле «в Испании нет ничего равного». Опять-таки, образцы такой конструкции дал Колумб (см. выше). Причем такие сопоставления встречаются даже чаще, чем отмеченные ранее варианты. Стоит привести несколько примеров: «Храм Солнца очень велик размерами, весь сделан из превосходного камня, и нет сомнения, что искусство работы по камню здесь намного выше (*hace gran ventaja*), чем в Испа-

³² Díaz del Castillo B. *Historia verdadera de la conquista de Nueva España*. Barcelona. Sopena. 1975. P. 253.

³³ Valdivia Pedro de. *Cartas al emperador*. En Cunnninghame Graham R.B. *Pedro de Valdivia*. Argentina. Buenos Aires. Inter-Americana. 1943. P. 240.

³⁴ Sancho de la Hoz Pedro. *Relación para S.M. de lo sucedido en la conquista y pacificación de estas provincias de la Nueva Castilla...* En Urteaga H., *Biblioteca de cultura peruana Los cronistas de la conquista*. Francia. París. Desclée de Brouwer. 1938. P. 176.

³⁵ Díaz Juan. *Itinerario de la armada del Rey Católico a la isla de Yucatan, en la India en el año 1518, en la que fue por comandante y capitán general Juan de Grijalva*. En Germán Vázquez Chamorro *La conquista de Tenochtitlán*. España. Madrid. Dastin. 2002. P. 41.

³⁶ Кортес Эрнан. Второе послание-реляция императору Карлу V, писанное в Сегура-де-ла-Фронтера 30 октября 1520 года (фрагмент). *Хроники открытия Америки. Новая Испания*. Пер. Е. Лысенко. Москва. Академический проект. 2000.

³⁷ Estete Miguel de. *Noticia de Perú*. En Urteaga H., *Biblioteca de cultura peruana Los cronistas de la conquista*. Francia. París. Desclée de Brouwer. 1938. P. 241.

³⁸ Díaz del Castillo B.... P. 473.

нии»³⁷; «Они были восхищены и сказали, что таких садов не видели в Кастилии»³⁸; «В городе же находились его дворцы, столь дивно устроенные, что, кажется, мне будет не под силу передать словами их красоту и великолепие, посему я и не стану этого делать, а скажу лишь, что в Испании нет ничего равного»³⁹.

Э. Кортес очень точно передал ту характерную двойственность, что свойственна испанскому восприятию американской действительности: с одной стороны, конкистадор полагает себя цивилизатором варварского мира, и в его сознании испанская действительность предстает как некий эталон цивилизации; но этот эталон или его подобие он неожиданно для себя обнаруживает там, где вовсе не ожидал его увидеть, отсюда рождается стойкий мотив изумления. Он ощутим даже в тех случаях, когда не получает открытого выражения. Но надо представить себе, какое мощное преобразующее воздействие оказывает на сознание это открытие и это изумление – фактически оно подрывает укоренившуюся за две тысячи лет европоцентристскую картину мира. Эталон двоится, получая зеркальное отражение за океаном; двоится и сознание конкистадора.

Изумление придает описываемой действительности специфическое качество, а именно – ауру исключительности. Этой аурой отмечен как модус восприятия Нового Света, так и модус самовосприятия. Пульсация исключительности ясно ощутима во многих описаниях, проявляясь в характерных мотивах и стилистических приемах, которые, повторяясь, нашли закрепление в ряде словесных и образных формул. Их можно рассмотреть как бы по степени нарастания «пульсации исключительности».

Самая распространенная из них – емкая и многозначная формула «стоило на это посмотреть» (*era cosa muy de ver*): она одновременно выражает эмоцию наблюдателя и подчеркивает неординарность явления и события. Но эта формула может быть применима и по отношению к действительности Испании, где есть на что посмотреть, поэтому она оказывается недостаточна для описания американской реальности. Конкистадор испытывает потребность в иных стилистических приемах, способных передать уникальность, неповторимость познаваемой действительности, и он их находит и использует в изобилии.

Один из них получает выражение в энергичной формуле «доселе невиданное и неслышанное» (*nunca visto ni oído*). Эта формула, в отличие от предыдущей, уже ясно выражает обратную стратегию выстраивания картины мира. Например, испанский конкистадор и хронист Мигель де Эстеете дивится столь заурядной нынче вещи, как гранитная набережная: «Дно и береговые склоны реки [в Куско] были выложены обработанными камнями»⁴⁰.

³⁹ Кортес Эрнан... С. 334.

⁴⁰ Estete Miguel de... P. 239.

ми – нечто никогда доселе не виданное и неслыханное»⁴⁰. Не столько объект наблюдения, сколько именно чувство открытия, осознание того, что до тебя никто из европейцев не видел такого, и придает эмоции изумления оттенок восторга. Абсолютная новизна нередко порождает своего рода немоту, когда, оставив попытки адекватно передать «невиданное и неслыханное» в слове, автор прибегает к фигуре умолчания. Особенно часто и выразительно фигуру умолчания использует Э. Кортес: «...И тут я тоже не в силах описать Вашему Величеству совершенство отделки...»; «...Я же не могу пересказать и сотой доли того, что можно было бы обо всем этом написать...»⁴¹. Действительность Нового Света заставляет автора-конкистадора также использовать гиперболы и гиперболические конструкции. Наиболее употребительная из этих конструкций выстраивается по формуле «самый... в мире» (*más... que hay en el mundo*); она выражается также словосочетаниями «ни с чем не сопоставимый», «никогда прежде не виданный» и им подобным. И вновь приходится кивнуть на Х. Колумба: его дневник буквально переполнен такими конструкциями. Они применимы практически ко всем явлениям природного и человеческого мира. «Земли же, по которым они шли, показались им лучшими в мире»⁴²; «Это самая плодородная земля в мире»⁴³; «море самое богатое рыбным промыслом в мире»⁴⁴; «не могу поверить, что в мире найдется река подобной величины»⁴⁵.

Дневники путешествий
Христофора Колумба

Формула «самый... в мире» и частотность ее употребления ясно демонстрируют стремление поставить американские реалии на верхнюю ступень иерархии. Не обязательно на аксиологической шкале (хотя, как показывают некоторые из вышеприведенных примеров, и на ней также), но, прежде всего, на шкале феноменологической. Иначе говоря, американская реальность в своих проявлениях (ужасных в том числе) решительно превосходит реальность Старого Света. В совокупности все формулы и конструкции, отмеченные выше, создают образ аномального мира, противостоящего европейскому регламенту и эталону.

Поместив реальность Нового Света на высшую ступень феноменологи-

⁴¹ Кортес Эрнан... С. 325-326.

⁴² Путешествия Христофора Колумба... С. 142.

⁴³ Nuñez Cabeza de Vaca A. Naufragios y comentarios. México. Ciudad de México. Editorial Porrúa. 1988. P. 95.

⁴⁴ Valdivia Pedro de... P. 224.

⁴⁵ Vázquez Francisco. Relación verdadera de todo lo que sucedió en la jornada de Omagua y Dorado... En Masia A. Historiadores de Indias. América del Sur. España. Barcelona, Bruguera. 1972. P. 401.

ческой иерархии, конкистадор и сам стремится взойти на нее в своих деяниях и поступках. Новый Свет воспитывает в пришельцах невиданное упорство, фантастическую целеустремленность, невероятную выносливость, и эти качества становятся как бы маркой истинного конкистадора. Так «смещенное» восприятие американской действительности моделирует личность, заставляет ее превосходить свои пределы.

Обратная стратегия выстраивания картины мира стала органическим свойством сознания первопроходца Америки, это свойство легло в основание латиноамериканской литературы вкупе с мотивом изумления, породившим пять веков спустя магический реализм. Можно лишь поражаться тому, как уникальная историческая ситуация возникновения латиноамериканской цивилизации и первичный модус восприятия Америки, отраженные в текстах конкистадоров, сохранялись в «генетической памяти» культуры и воплотились в художественном слове, в немалой степени определив своеобразие латиноамериканской культуры.

Список литературы:

- Гирин Ю.Н. (1993) К вопросу о латиноамериканской модели мира. *Латинская Америка*. № 9. С. 59-69.
- Кофман А.Ф. (1997) *Латиноамериканский художественный образ мира*. Наследие, Москва. 320 с.
- Кофман А.Ф. (1990) Проблема «магического реализма» в латиноамериканском романе. *Современный роман. Опыт исследования*. Под ред. Цургановой Е.А. Наука, Москва. С. 183-200.
- Кофман А.Ф. (2015) Истоки магического реализма в латиноамериканской литературе. *Латинская Америка*. № 1. С. 90-100.
- Aínsa F. (1986) Hacia un nuevo universalismo: El ejemplo de la narrativa del siglo XX. *Identidad cultural de Iberoamérica en su narrativa*. Ed. por S. Yurkievich. Alhambra, Madrid, España. P. 36-46.
- Boas G. (1948) *Essays on Primitivism and Related Ideas in the Middle Ages*. The Johns Hopkins Press, Baltimore, USA. 227 p.
- Boas G., Lovejoy A. (1935) *Primitivism and Related Ideas in Antiquity: A Documentary History of Primitivism and Related Ideas. Vol. I*. The Johns Hopkins Press, Baltimore, USA. 482 p.
- Levin H. (1969) *The Myth of the Golden Age in the Renaissance*. Indiana University Press, Indiana, USA. 231 p.
- Runge E. (1946) *Primitivism and Related Ideas in Sturm und Drang Literature*. The Johns Hopkins Press, Baltimore, USA. 305 p.

References:

- Girin Yu.N. (1993) K voprosu o latinoamerikanskoi modeli mira [On the Latin American world model], *Latin America*, no. 9, pp. 59-69. (In Russian)

Kofman A.F. (1997) *Latinoamerikanskii khudozhestvennyi obraz mira* [Southern American Literary Imago Mundi], Nasledie, Moscow, Russia. (In Russian)

Kofman A.F. (1990) Problema magicheskogo realizma v latinoamerikanskom romane [The problem of magic realism in the Latin American novel], In Tsurganova E.A. (ed.) *Sovremennyi roman. Opyt issledovaniya* [The modern novel. Research experience], Nauka, Moscow, Russia, pp. 183-200. (In Russian)

Kofman A.F. (2015) Istoki magicheskogo realizma v latinoamerikanskoi literature [The Sources of Magic Realism in Latin American Literature], *Latin America*, no. 1, pp. 90-100. (In Russian)

Aínsa F. (1986) Hacia un nuevo universalismo: El ejemplo de la narrativa del siglo XX, en Yurkievich S. (ed.) *Identidad cultural de Iberoamérica en su narrativa*, Alhambra, Madrid, España, pp. 36-46.

Boas G. (1948) *Essays on Primitivism and Related Ideas in the Middle Ages*, The Johns Hopkins Press, Baltimore, USA.

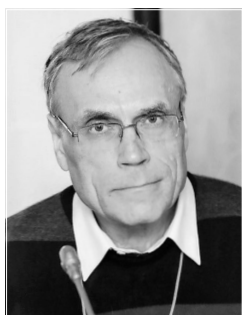
Boas G., Lovejoy A. (1935) *Primitivism and Related Ideas in Antiquity: A Documentary History of Primitivism and Related Ideas. Vol. I.*, The Johns Hopkins Press, Baltimore, USA.

Levin H. (1969) *The Myth of the Golden Age in the Renaissance*, Indiana University Press, Indiana, USA.

Runge E. (1946) *Primitivism and Related Ideas in Sturm und Drang Literature*, The Johns Hopkins Press, Baltimore, USA.

«Великие географические открытия»: смысл и историческое содержание термина в свете опыта взаимодействия цивилизаций в Новом Свете

© Я.Г. Шемякин, 2023

Шемякин Яков Георгиевич, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16

ORCID: 0000-0003-2382-0864 E-mail: shemyakinx3@gmail.com

Аннотация. Главный вопрос, который встал перед человечеством в начале эпохи Великих географических открытий, может быть сформулирован следующим образом: «Как устроен мир?» Последовавшие географические открытия показали реальный масштаб и структуру поверхности нашей планеты, а также уровень многообразия «мира людей». Новое

знание об «устройстве мира» породило в свою очередь следующий вопрос: учитывая огромное разнообразие культур, можно ли говорить о единстве мира, или такое единство иллюзорно? Поиски ответа на этот вопрос составили одну из главных осей духовной жизни человечества в последующие века вплоть до наших дней.

Центральным событием поиска ответа на вопрос об устройстве мира стало открытие Америки. «Встреча миров» в Новом Свете привела к глубочайшему кризису сознания обоих участников этой «встречи». В ходе попыток преодоления этого кризиса они открыли новые измерения собственного наследия и новые жизненные перспективы. Определились два альтернативных пути развертывания эволюции *homo sapiens*, качественно различных по своей онтологии и противоположных по направленности: с одной стороны – это глобализация, с другой стороны, усиленная акцентировка своеобразия отдельных сообществ различного уровня и масштаба, самыми значимыми из которых выступают региональные цивилизации. Столкновение, переплетение и взаимное влияние этих процессов определило главные содержательные черты истории человечества на протяжении последних пяти с лишним столетий.

В Латинской Америке сложился особый «пограничный» цивилизационный тип, отличный от классических западных и восточных образцов. В нем более отчетливо проявляется диалогичное начало, характерное, по М. Бахтину, для эволюции *homo sapiens* в целом. Этот тип приобретает на современном этапе эволюции «мира людей» особое значение, поскольку на рубеже XX – XXI вв. весь мир в целом перешел в неустойчивое, «пограничное» состояние.

Ключевые слова: великие географические открытия, смысл, диалог, цивилизация, «пограничность», взаимодействие культур, Новый Свет

Для цитирования: Шемякин Я.Г. (2023) «Великие географические открытия»: смысл и историческое содержание термина в свете опыта взаимодействия цивилизаций в Новом Свете. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 41–67. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

«Grandes descubrimientos geográficos»: el significado y el contenido histórico del término a la luz de la experiencia de la interacción de las civilizaciones en el Nuevo Mundo

© Ya.G. Shemyakin, 2023

Yakov G. Shemyakin, Doctor en Historia, Investigador Jefe del Instituto de América Latina de la Academia de Ciencias de Rusia.

115035, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21/16

ORCID: 0000-0003-2382-0864 E-mail: shemyakin3@gmail.com

Resumen. La cuestión principal a la que se enfrentó la humanidad al iniciarse la Era de los Grandes Descubrimientos puede resumirse así: «¿Cómo está organizado el mundo?» Los descubrimientos geográficos posteriores revelaron la dimensión y la estructura verdaderas de la superficie de nuestro Planeta, así como hasta qué punto es diverso el mundo de los humanos. El nuevo saber adquirido sobre la configuración del Universo planteó, a su vez, la siguiente interrogante: dada la gran diversidad de culturas, ¿será posible hablar de unidad del mundo o, más bien, dicha unidad es ilusoria? La búsqueda de una respuesta ha constituido una de las líneas maestras del pensamiento de la humanidad en los siglos posteriores, hasta la fecha.

Constituyó el momento crucial de la búsqueda de la respuesta debida a la mencionada interrogante el Descubrimiento de las Américas. El «Encuentro de dos Mundos» supuso una profunda crisis de conciencia de ambos actores. Al procurar superar dicha crisis, descubrieron unas nuevas dimensiones de su propia herencia y nuevos horizontes. Se formaron entonces dos alternativas de la evolución del homo sapiens, cualitativamente distintas y hasta opuestas: la globalización, por un lado, y por otro, un mayor énfasis puesto en la idiosincrasia de distintas comunidades a nivel y escala diferentes, siendo las más significativas las civilizaciones regionales. El choque, el entrelazamiento y la influencia recíproca de dichas tendencias han determinado los rasgos sustanciales de la historia humana a lo largo de más de cinco siglos.

En América Latina se ha formado un tipo especial de civilización «de frontera» que difiere de los modelos clásicos, tanto occidentales, como orientales. Es más patente aquí el principio de diálogo que es característico, según M. Bajtín, de la evolución del homo sapiens como tal. Ese principio adquiere particular relevancia en la etapa actual de la evolución del mundo de los humanos, porque en el umbral del siglo XXI el mundo entero llegó a parar en un estado de inestabilidad, estado de frontera.

Palabras clave: los Grandes Descubrimientos Geográficos, significado, diálogo, civilización, «frontera», interacción de culturas, Nuevo Mundo

Para citar: Shemyakin Ya.G. (2023) «Grandes descubrimientos geográficos»: el significado y el contenido histórico del término a la luz de la experiencia de la interacción de las civilizaciones en el Nuevo Mundo. *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 41–67. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

«Great geographical discoveries»: the meaning and historical content of the term in the light of the interaction experience of civilizations in the New World

© Ya.G. Shemyakin, 2023

Yakov G. Shemyakin, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences.

115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka street, 21/16

ORCID: 0000-0003-2382-0864 E-mail: shemyakin3@gmail.com

Abstract. The main question that Humankind was confronted with at the beginning of the Age of Great Discoveries can be spelled out as follows: «Just how is the world shaped?» The subsequent Great Geographical Discoveries showed the true dimension and structure of the surface of the Planet, as well as the real range of diversity of the «World of Humans». And the new knowledge of the shape of the world, in turn, gave rise to the following dilemma: can we surmise any unity of this world, all the great diversity of human cultures notwithstanding, or is such a unity nothing but an illusion? The search for an answer to this question constituted one of the axes of the spiritual life of Humankind in subsequent centuries up to the present day. The crucial point in the search for an answer to the above said question was the Discovery of America. The Meeting of two Worlds brought about the most acute crisis of consciousness on both sides. In the course of ensuing attempts at overcoming the crisis, they discovered new dimensions of their own heritage and new prospects for future life. Two alternative ways of evolution of homo sapiens, essentially different and even opposed, took shape. On the one hand, it was globalization, and on the other hand, it was increased emphasis on the heterogeneity of specific human communities at different levels, being the regional civilizations the most conspicuous ones in this respect. The collision, interweaving and mutual influence of those processes predetermined the main trends of human history over the past five centuries. In Latin America, a special frontier civilizational type has developed, as different from the classical both Western and Oriental models. It embodies more patently the principle of dialogue, which is, according to M. Bakhtin, a distinctive feature of the evolution of homo sapiens in general. This type of civilisation acquires particular importance at the present stage of evolution of the human world, which, on the threshold of the XXI century has entered its new stage, that of uncertainty and instability, the frontier stage.

Keywords: Great Geographical Discoveries, meaning, dialogue, civilization, «frontier», interaction of cultures, New World

For citation: Shemyakin Ya.G. (2023) «Great geographical discoveries»: the meaning and historical content of the term in the light of the interaction experience of civilizations in the New World. *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 41–67. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Главный смысл термина «Великие географические открытия»: ответ на вопрос, как устроен мир

Великие географические открытия... Что скрывается за этим термином? Самое краткое и вместе с тем самое точное и емкое определение слова «смысл» принадлежит М.М. Бахтину: «смысл – это ответ и вопрос» [Бахтин, 2013: 369]. Можно ли выделить главный вопрос, который встал перед человечеством перед началом эпохи Великих географических открытий? Думаю, этот вопрос можно сформулировать следующим образом: как устроен мир? И Великие географические открытия дали ответ (по крайней мере, первоначальный) на этот вопрос: человечество приобрело знание, во-первых, о реальных масштабах и строении поверхности планеты Земля; во-вторых, о реальной степени многообразия «мира людей». Этот ответ вызвал множество новых вопросов. Главный из них: существуют ли какие-то универсальные характеристики, которые объединяют все человечество, или огромное разнообразие культур и цивилизаций, отличающихся совершенно разными подходами к решению ключевых проблем человеческого существования, исключает единство? Поиски ответа на этот вопрос впервые определили духовную атмосферу «мира людей» в эпоху Великих географических открытий. Ответы тех или иных мыслителей, представителей самых разных традиций отличались, но все они тяготели к двум крайним звеньям смысловой цепи: на одном полюсе концентрировались те, кто был убежден, что духовные миры далеких друг от друга человеческих культур несовместимы, столкновение ценностных порядков различных цивилизаций неизбежно, это «спор различных богов и спор вечный» [Вебер, 1990: 3], поскольку они дают качественно разные ответы на ключевые вопросы бытия *homo sapiens*: о соотношении мирского и сакрального, человека и природы, индивида и социума, традиционной и инновационной испостасей целостности культуры. Даже если можно констатировать наличие ряда универсальных, казалось бы, признаваемых всеми ценностей (добро, истина, красота), их интерпретация представителями различных человеческих миров либо существенно отличается, либо вообще противоположна.

На другом полюсе находились те, кто отстаивал своё убеждение в том, что история человечества в самой глубинной своей основе едина несмотря на, казалось бы, бесконечное разнообразие ее конкретных проявлений во множестве народов и культур.

Главная черта, которая определяет историческое содержание эпохи Великих географических открытий – резкое увеличение «силы общения» (Ф. де Соссюр), т.е. интенсивности взаимодействия отличающихся друг от друга, порой весьма существенно, человеческих сообществ. Данный фактор обусловил глубокие изменения в сознании людей.

Открытие Америки: наступление эпохи «эмпирической универсальности» и кардинальное изменение цивилизационной «карты мира»

Из всех событий рассматриваемой эпохи наиболее сильное воздействие на жизнь человечества оказало открытие Америки. По нескольким причинам. Во-первых, потому что столкнулись человеческие миры, до этого в течение десятков тысяч лет существовавшие изолированно друг от друга. Следствием этого столкновения стало возникновение первой в мировой истории структуры, реально охватившей всю планету: в результате формирования мирового капиталистического рынка наступила эпоха «эмпирической универсальности» (К. Маркс). По моему

Америго Веспуччи пробуждает спящую Америку.
Гравюра Джованни Страдано,
известного также как Ян ван дер Страт.
1575 – 1580 гг.

убеждению, именно с этого момента есть смысл говорить о начале процесса глобализации [Шемякин, 2018: 12-16]¹. Не менее важно то, что в результате «встречи миров» в Западном полушарии произошло существенное изменение цивилизационной «карты мира»: на арене мировой истории появились две цивилизации планетарного масштаба. В результате распространения западноевропейской цивилизации на Северную Америку возникла межконтинентальная культурно-историческая общность – Запад в современном понимании этого слова. Во владениях иберийских монархий, Испании и Португалии, в результате крайне сложного и драматического процесса взаимодействия европейских (первоначально главным образом иберийских) и неевропейских традиций появилась на свет ещё одна цивилизация планетарного масштаба, состоящая, если пользоваться терминологией А.Дж. Тойнби, в близком родстве с западной, но качественно отличная от неё, принадлежащая к иному, «пограничному» цивилизационному типу².

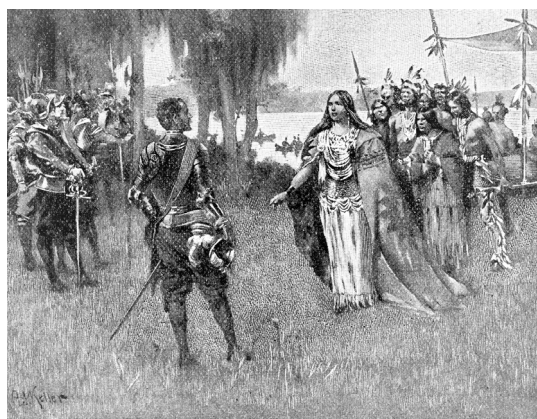
Именно эта культурно-историческая макрообщность, за которой закрепилось условное наименование «Латинская Америка», находится в фокусе внимания автора данной статьи. О ней, о связанных с обстоятельствами ее генезиса процессах в основном и пойдёт речь в дальнейшем.

¹ Подробное обоснование этой точки зрения см. в работе.

² Обоснованию этого тезиса в контексте разработки концепции «пограничных» цивилизаций посвящена основная часть работ, вышедших из-под пера автора этих строк, начиная с монографии Шемякин Я.Г. (2001) *Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*. Наука, Москва. 391 с. и кончая многочисленными статьями и главами коллективных монографий последних лет.

Процесс глобализации в первоначальном варианте имел вполне определённую, западную цивилизационную подоплёку, представляя собой на практике распространение по всему миру западных ценностей и институтов. Генезис латиноамериканской цивилизации неразрывно связан с началом глобализации, собственно, он был ею обусловлен. Тем не менее рождение новой цивилизационной общности в Ибероамерике стало исходным пунктом развёртывания процесса, качественно отличного от глобализации по своей онтологии и противоположный ей по своей направленности. Процесса, который знаменитый мексиканский поэт и мыслитель О. Пас охарактеризовал как «мятеж исключений» [Paz, 1986: 100-101]. Основная его суть – бурный рост многообразия мира *homo sapiens*, нашедший своё выражение в усиленной акцентировке черт, отличающих каждую из конкретных человеческих общностей различного вида и масштаба (этнических, культурных, религиозных, территориальных, цивилизационных) от всех остальных человеческих сообществ. Именно столкновение и крайне противоречивое взаимодействие охарактеризованных глобальных процессов начиная с XVI в. по сей день определяют главные черты исторического облика человечества. Становление и последующая эволюция в регионе к югу от Рио-Гранде-дель-Норте новой цивилизации, утверждающей свою идентичность прежде всего по отношению к западному началу – едва ли не самое яркое проявление «мятежа исключений» в последние пять с лишним столетий.

Особый драматизм «встрече миров» на землях «Индий», как официально именовались испанские владения в Новом Свете, придавало то обстоятельство, что эти миры разделяла огромная историческая дистанция. Как неоднократно подчеркивалось [Земсков, 2009; Земсков, 2014], пришли в соприкосновение ренессансная Европа, находившаяся в переходном периоде от Средневековья к Новому времени, и общества, более всего соответствующие и по уровню развития, и по своему историческому облику древним Египту и Шумеру. Их подход к решению ключевых проблем человеческого существования отличался кардинально, что крайне затрудняло коммуникацию между ними [Шемякин, 2001: 83-87; Шемякин, 2021а: 137-184].

«Королева» Кофитачеки приветствует
Эрнандо де Сото

Открытие диалогической основы человеческой экзистенции

События эпохи Великих географических открытий с огромной силой выявили то обстоятельство, что человеческая экзистенция имеет диалогич-

ческую основу. И наиболее ясно это проявилось в специфике развёртывания в мировой истории цивилизаций «пограничного» типа. Не случайно концепцию о диалогическом характере социальности homo sapiens наиболее четко сформулировал один из самых выдающихся мыслителей российского цивилизационного «пограничья»³ М.М. Бахтин. Позволю себе привести некоторые из его высказываний, имеющих самое прямое отношение к теме данной работы.

Согласно Бахтину, само бытие homo sapiens имеет диалогический характер: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответственствовать, соглашаться и тому подобное. В этом диалоге человек участвует весь и всею жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками... Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он всегда и везде на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [Бахтин, 2013: 337]. «Важнейшие акты, конституирующие самосознание, определяются отношением к другому сознанию (к ты)... Это высшая степень социальности (не внешней, не вещной, а внутренней)» [Бахтин, 2013: 330].

Отношение к «Другому» как определяющий фактор формирования диалогической основы социальности

Отношение к «Другому» определяет способ формирования диалогической основы человеческой социальности. Попытка посмотреть через призму бахтинской «диалогики» на исторический процесс выявляет, что подходы к решению проблемы «Другого» могут быть разными. Но все они тяготеют к двум смысловым полюсам, к двум качественно различным типам дискурса, которые преобладают в разных цивилизационных типах. Как мне уже неоднократно приходилось писать [Шемякин, 2019а: 60-61; Шемякин, 2022: 43-45]⁴, для великих цивилизаций Востока и Запада характерен «исключающий» дискурс. В его рамках «Другой», будучи признаваем как необходимое условие процесса самоидентификации той или иной цивилизации, в то же время ставится на неизмеримо более низкое место в иерархии бытия, чем сама эта цивилизация, и однозначно не допускается в ее собственное духовное и жизненное пространство. Следует подчеркнуть, что, как свидетельствует опыт всемирной истории последних пяти с лишним столетий, максимальной степени развития «исключающий дискурс» достиг в западном социокультурном контексте.

³ Обоснование концепции, согласно которой Россия-Евразия и Латинская Америка являют собой «пограничные» цивилизации планетарного масштаба, а также их сравнительный анализ см. в работах: Шемякин Я.Г. (2001) *Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*. Наука, Москва. С. 192-344.; Шемякин Я.Г. Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В.Б. Земскова. Мир России. №1. 2016. С. 154-180.

⁴ Из последних публикаций см.

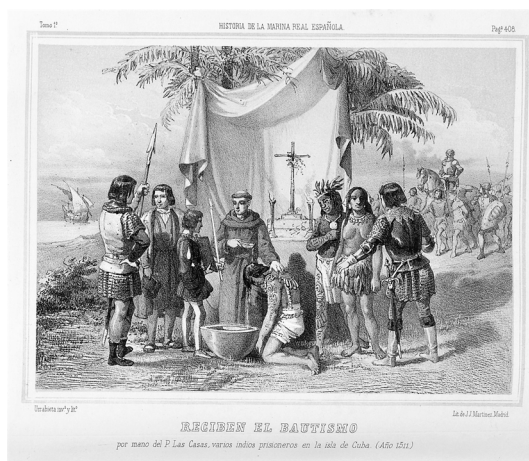
Совершенно иная картина наблюдается в цивилизационном «пограничье»: «Другой» включается в собственное жизненное пространство «пограничной» общности в качестве его неотъемлемой части (причём вне зависимости от характера отношения к нему).

Именно такой способ решения проблемы «Другого» определил главную структурную черту «пограничных» цивилизаций: доминанту многообразия, но с сохранением единства *sui generis*, обусловившего формирование особого типа социокультурной системности, качественно отличного от того, который наличествует в традиционных великих цивилизациях.

«Включающий» дискурс как духовная основа латиноамериканской цивилизации: исходные условия формирования

«Включающий» дискурс формировался постепенно, будучи одним из проявлений процесса становления латиноамериканской цивилизации. И отнюдь не беспрепятственно: вопреки контртенденции, опиравшейся на вполне определенное направление мысли и социальной практики в католическом мире, восходящее к средневековой традиции, в соответствии с которой нехристианин рассматривался как не совсем человек, или как вообще не человек, если его образ жизни особенно сильно отличался от стандартов христианской Европы [Ле Гофф, 1992: 142]. Жители открытых Колумбом земель, за которыми закрепилось название «Новый Свет», совсем не подходили под эти стандарты. Устрашающие лики индейских богов, человеческие жертвоприношения, «богомерзкие» с точки зрения правоверного католика формы сексуальной жизни, ритуальный каннибализм – все это давало основания видеть в открытом мире «царство Сатаны».

Открытие Америки стало величайшим историческим вызовом христианству. Особое значение имел тот факт, что в священных книгах христианства, Ветхом и Новом Завете, не было никаких упоминаний о существовании некой земли за «морем мрака». К тому же природа Нового Света очень резко отличалась от тех природных реалий, которые служили фоном «священной истории». По мере распространения христианства за пределы Палестины в иных природных зонах неизбежно возникало напряжение в семантическом поле между символикой священных текстов христианства и образно-символическим строем тех культур, где оно

Бартоломе де Лас Касас крестит пленных индейцев на Кубе в 1511 г.

распространялось. Причём величина этого напряжения прямо зависела от того, насколько природные и человеческие реалии того или иного региона отличались от аналогичных реалий Палестины и вообще Восточного Средиземноморья. При столкновении с действительностью Нового Света это напряжение достигло максимума.

Индейцы, поначалу «вписавшие» белых бородатых пришельцев в свою мифологическую картину мира, в очень скором времени испытали колоссальный психологический шок, наблюдая разрушение своих храмов и гибель богов, оказавшихся бессильными перед лицом ревнителей новой веры.

«Встреча миров», которая носила в реальности характер катастрофического столкновения, привела к глубочайшему кризису и перестройке сознания обоих участников «встречи», в поисках преодоления которого они открыли новые измерения в себе и новые возможности развития человечества в целом.

Одним из важнейших событий эпохи Великих географических открытий стал раскол в католическом лагере. И линия водораздела прошла по вопросу о том, являются ли жители открытого нового мира, индейцы, разумными людьми, способными воспринять слово Божье или они неполноценные существа, недочеловеки. На одном полюсе оказались их защитники, для которых открытие Америки стало открытием истоков собственной традиции и изначальной сущности христианства как мировой религии, апеллирующей ко всем людям без исключения, воплощенной в знаменитых словах апостола Павла из послания к Колоссянам: «... нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. III, 11). Все люди, где бы они ни жили и как бы они ни отличались друг от друга, равны перед лицом Бога и способны приобщиться к Божьей благодати. Именно в рамках этого направления в европейском христианстве оказались возможны такие личности, как Бартоломе де Лас Касас (Bartolomé de las Casas, 1484 – 1566) с его лапидарной формулой «все нации мира – люди» [Las Casas, 1951: 396], Мануэл да Нобрега (Manuel da Nóbrega, 1517 – 1570), заявивший, что душа индейского раба стоит столько же, сколько душа Папы Римского [Казак, 2016: 38], и их достаточно многочисленные единомышленники [Земсков, 1985: 132-261, 316-372; Шемякин, 2007: 78-92; Кофман, 2017]⁵.

Суть противоположной позиции, сторонники которой не считали индейцев за полноценных людей (либо вообще рассматривали их как нелюдей), наиболее четко выразил Хуан Хинес де Сепульведа (Juan Ginés de Sepúlveda, 1490 – 1573), главный хронист испанского короля (императора Карла I (V) (Carlos I de España y V del Sacro Imperio Romano Germánico 1516 – 1556, 1520 – 1558), знаток Аристотеля и сторонник его концепции о том, что недостаточ-

⁵ О коллизиях исторического христианства, связанных с открытием и завоеванием Америки см.

ная разумность обрекает «варваров» на роль рабов. Именно на эту логику он опирался в ходе знаменитой полемики о Новом Свете XVI в., характеризуя индейцев как «гомункулов», недолудей, которые самим Провидением предназначены на роль рабов христиан [Sepúlveda, 1941].

Перед нами не что иное, как яркое проявление «исключающего» дискурса, опирающегося на античную традицию противопоставления «эллинов» и «варваров».

Позиция Сепульведы и его единомышленников подверглась резкой критике со стороны Лас Касаса и его сторонников, самым, пожалуй, известным из которых был Франсиско де Витория (Francisco de Vitoria, ок. 1483 – 1546) – человек, заложивший первоначальные основы современных представлений о правах человека [Menéndez Pidal, 1963; Лас Касас, 1966; Лас Касас, 1968; Земсков, 1985: 174-196; Saint-Lu, 1972; Sepúlveda, 1975; Земсков, 2014: 209-226; Araujo, 2016: 280-293].

Хотя самые радикальные предложения Лас Касаса и его сторонников в конечном счете были отвергнуты королевской властью, озабоченной вопросом формирования наиболее эффективной системы эксплуатации коренного населения, в главном и основном они одержали победу: индейцы были признаны разумными людьми, способными воспринять Слово Божье, подданными короны, до которых необходимо донести свет истинной веры. Во многом подобный итог дискуссии о Новом Свете XVI в. был обусловлен тем, что «партия Лас Касаса» могла опираться на авторитет Святого престола. Исходным пунктом, с которого началось формирование латиноамериканского «включающего» дискурса стала булла Папы Александра VI (Alejandro VI, 1492 – 1503), в которой индейцы были признаны настоящими людьми, поэтому целью и оправданием конкисты была объявлена христианизация. Тем самым, как справедливо отметил А.Ф. Кофман, «папа настроил испанских монархов на всесторонний контакт с индейцами..., что в конечном счете и привело к формированию латиноамериканских этносов. И от такой линии поведения Испания уже не отступала никогда» [Кофман, 2017: 20-21].

Иберийские истоки латиноамериканского «включающего» дискурса

Утверждение «включающего» дискурса в Испанской Америке было бы, по-видимому, невозможно, без многовекового опыта взаимодействия далеких друг от друга культурно-религиозных традиций (католицизма, ислама и иудаизма) на Пиренейском полуострове, как правило, характеризуемого в испанской литературе термином «convivencia». Если переводить этот термин дословно, то он означает «совместное житьё». Но этим его смысловое содержание не ограничивается, включая такие грани смысла, как констатация факта сосуществования в течение длительного времени качественно различных конфессиональных и этнических общностей, признание «Другого» как неотъемлемой составляющей той системы взаимосвязей, в которую включены все участники взаимодействия. «Convivencia» стала решающим факто-

ром формирования иберийской «пограничной» цивилизации. Этот феномен всегда вызывал пристальное внимание исследователей [Sánchez Albornóz, 1975; Mitre Fernández, 1988; Vivian B. Mann et al., 1992; Варьяш, 2001; Луцицкая, 2016; Martínez García, 2021].

И хотя, казалось бы, после известных событий 1492 г. и возникновения единого испанского христианского государства был официально взят курс на исключение иноверцев (прежде всего мусульман и иудеев) из формирующейся на католической основе иберийской культурно-исторической общности, традиция *convivencia*, уйдя с поверхности социально-политической жизни, «опустилась» в сферу культурного бессознательного и была перенесена испанцами за океан, обретя в Новом Свете новую жизнь.

Стадии развертывания «включающего» дискурса в Испанской Америке

Следующий после дискуссии о Новом Свете XVI в. этап становления латиноамериканского «включающего» дискурса связан с процессом американизации сознания креолов, которые начинают ощущать землю Америки как свою землю, а ее историю (в том числе и до конкисты) как собственную историю [Земсков, 1985: 401-449]⁶.

Разумеется, на разных стадиях развертывания «включающий» дискурс отличался различной степенью проявленности. Сначала (в мировоззрении рыцарей как военной, так и духовной конкисты) он предполагал включение индейцев в христианскую ойкумену, но при условии отказа от «язычества», т.е. ядра собственной традиционной культуры в рамках «иберийского колонизаторского проекта» (Л. Сеа) [Sea, 1984: 108-141]. В этом проекте четко прослеживается и противоположная по сути логика исключения: масштабы и степень приобщения индейцев к христианской культуре жестко ограничивались определенными пределами, обусловленными стремлением изолировать мир индейских общин (*república indígena*) от мира испанских городов. Однако на практике возводимые колониальной администрацией барьеры оказались проницаемыми. Изначальная установка на контакт с индейским миром обусловила возможность включения в господствующую культуру определенных элементов автохтонного наследия, прямо не противоречащих католической доктрине. К их числу относились: проявления индейской эстетики при оформлении христианских храмов, использование опыта организации индейского театра и местных танцев при организации массовых празднеств католического календаря, допущение возможности трактовки определенных сюжетов автохтонной традиции и образов индейской мифологии в католическом духе в архитектуре креольского барокко и в текстах как представителей индейской знати, принявших христианство (таких как

⁶ См., например: Obras completas de Sra. Juana Inés de la Cruz. T.1. México. Fondo de Cultura Económica. 1951.

Чимальпаин и Тесосомок), так и в произведениях монахов, изучавших индейские культуры с целью поиска адекватной американским условиям аргументации в ходе проповеди своей веры (Мотолиния, Саагун) [Benavente (Motolinía), 1941; Sahagún, 1975; Земсков, 1985: 246-247, 267-268].

Особое значение имело сохранение языков индейских народов. Как совершенно справедливо отмечал один из самых известных российских синологов, А.И. Кобзев, «естественный язык – это основание всей пирамиды человеческой культуры» [Кобзев, 2006: 190]. В языке в неявной форме проявляется свойственная той или иной традиции картина мира⁷, именно в глубинах языковой стихии скрыты те смыслы, которые представляют собой ответы, которые дают представители той или иной общности на ключевые вопросы бытия и собственного существования. Особенно важна охранная функция языка. Как писала П.П. Гайденоко, излагая концепцию М. Хайдеггера, «слово хранит бытие, а хранить – значит одновременно и являть, и таить хранимое» [Гайденоко, 1997: 376]. Именно эта функция языка позволяет как утверждать собственные, так и отвергать чуждые смыслы.

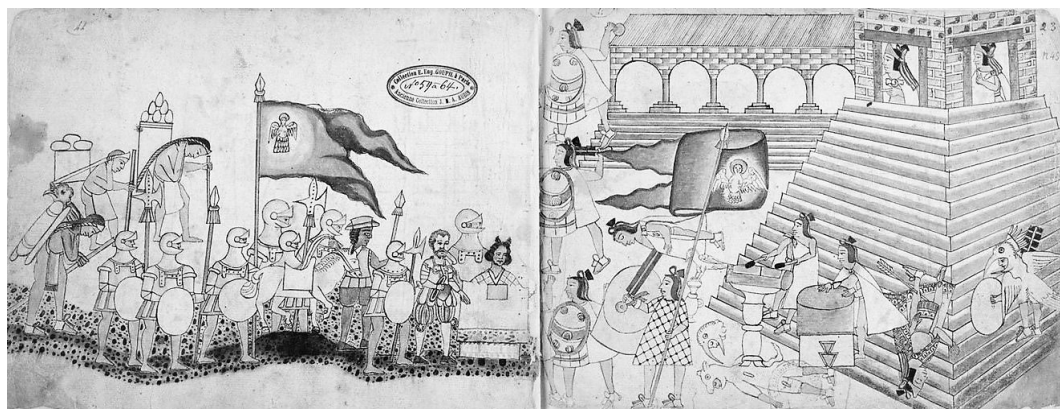
В свете этих соображений становится особенно ясно, какое значение для процесса становления латиноамериканской цивилизации имела деятельность монахов католических орденов, францисканцев (в первую очередь) и доминиканцев, отстаивавших идею о том, что индейцы способны воспринимать Слово Божье на их собственных языках. Согласно авторитетному свидетельству М.У. Руса, известного гватемальского исследователя, монахи «в определенной мере помогли сохранить около трёх десятков языков семьи майя...» [Рус, 1996: 84-85]. В результате, по словам М. Галича, «в течение столетий древний майяский лингвистический ствол пышно разветвился, и в настоящее время многочисленные ветви этого дерева являются живыми языками, на которых говорят миллионы индейцев» [Галич, 1990: 131]. Разумеется, нельзя не помнить о том, какое количество памятников письменности майя было сожжено теми же монахами. И тем не менее: «Многое из того, что было записано в сожжённых книгах, осталось в устной традиции и оттуда перекопывало в новые книги, созданные при помощи латиницы на европейский манер, но на языке носителей древней культуры. Это те самые книги, которые ныне тщательно восстановлены, переведены, изданы...» [Галич, 1990: 153]. Подчеркивая значение разработанных миссионерами XVI века особых алфавитов для обращённых в христианство индейцев Мексики и Перу, Ю.В. Кнорозов, которому мы обязаны расшифровкой майяской письменности, отмечал, что, хотя в основу этих алфавитов был положен латинский алфавит, «однако многие буквы произносились и не по-латински, и не по-испански, а приспосабливались к фонетическому строю индейских языков» [Кнорозов, 1990: 26].

⁷ Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т.IV. Москва. Мысль. 2001. С. 507-508.

Пример майя – наиболее яркое проявление того процесса повсеместного возрождения и увеличения значимости языков и культур автохтонных народов, который принято называть «индейским ренессансом» и который получил бурное развитие на рубеже XX – XXI вв. [Ракуц, 2018].

Как следует из результатов исследования академика Г.В. Степанова, в целом ряде случаев индейские языки стали фактором дифференциации испанской речи, оказав тем самым воздействие на процесс формирования в Латинской Америке особых вариантов испанского языка, отличающихся от классического образца [Степанов, 1963: 33-35]. Наиболее впечатляющие примеры – та роль, которую сыграли наuatль в Мексике и гуарани в Парагвае [Кофман, 2017: 209].

Очевидный факт взаимного влияния испанского и наиболее значимых индейских языков является свидетельством того, что основной формой организации лингвистической сферы в латиноамериканском цивилизационном «пограничье» стал, несмотря на все противоречия и вопреки неоднократно предпринимавшимся попыткам унифицировать языковую сферу, языковой союз [Шемякин, 2019b]⁸. Мне уже приходилось отмечать условность этого термина, который фиксирует степень прочности взаимосвязи контактирующих языков, не обусловленную общим происхождением. При этом подобная взаимосвязь может носить различный характер, не исключая возможности конфликтов, в том числе и самых острых. Тем не менее языковой союз по своему своему характеру предполагает формирование диалогической ткани бытия на основе принятия «Другого» в свое жизненное пространство. Он представляет собой форму проявления в языковом космосе свойственной «пограничной» реальности доминанты многообразия.

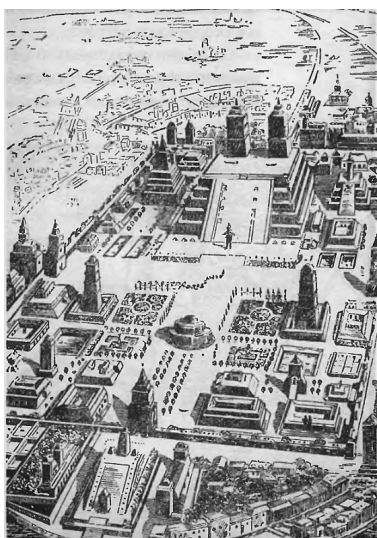

Въезд Кортеса в Уитцилан. Миниатюра из Кодекса Ацкатитлана. Мексика, XVI в.

⁸ См. подробное обоснование этого вывода в работе.

Индейские народы (и, как свидетельствуют приведённые выше высказывания М.У. Руса, Ю.В. Кнорозова, М. Галича, майя здесь – самый яркий пример) сумели превратить активное восприятие испанского языка и, следовательно, интенсивные с ним контакты на протяжении веков в средство защиты и сохранения собственной самобытности.

Одним из важных факторов, способствовавших постепенному становлению «включающего» дискурса, стала сложившаяся в ходе контактов с индейским миром положительная психологическая установка в отношении творений местных культур, которые прямо не противоречили католической доктрине, проявившаяся в высокой оценке произведений автохтонного искусства и ремесла, памятников индейской архитектуры. Достаточно вспомнить в этой связи восхищение, с которым Кортес описывал Теночтитлан, а падре Мотолиния (Toribio de Benavente, 1482 – 1569) – индейское искусство, особенно – использование местной эстетики при организации католических праздников [Земсков, 1998: 73-92, 120-126].

Вид на Теночтитлан.
Реконструкция

В этой связи нельзя не отметить ещё раз, что «включающий» дискурс утверждался через преодоление препятствий, в том числе и прежде всего – в душах самих конкистадоров: восхищение Теночтитланом не помешало Кортесу его разрушить. Тем не менее «включающий» дискурс утверждался прежде всего на уровне повседневной жизни.

Особенности процесса самоидентификации у разных участников «встречи миров»: конкистадоры, монахи, индейцы

В результате исследований последних лет я пришёл к выводу о том, что процесс самоидентификации у испанских конкистадоров и наследовавших им владельцев эстансий существенно отличался в зависимости от той конкретной человеческой среды, в которой он разворачивался. Так, находясь на богослужении в католическом храме и общаясь с людьми своего круга, они определенно ощущали и осознавали себя носителями истинной веры и подданными великой католической державы. Но, возвратившись к повседневной жизни в своих домах и асьендах, они неизбежно вступали в постоянный контакт со своими индейскими слугами и наложницами, в которых продолжало жить наследие автохтонных культур. И наследие это чем дальше, тем больше оказывало воздействие на укоренившихся в Новом Свете испанцев именно на уровне повседневности: в организации быта, использовании местных традиций в приготовлении пищи, в одежде и т.д. [Кофман, 2006; Кофман, 2007; Кофман, 2009; Кофман, 2012;

Кофман, 2017]⁹. В реальной жизни испанский конкистадор отождествлял себя не с одной лишь иберокатолической традицией, а с процессом взаимодействия этой традиции с автохтонным началом.

То же самое касается и католических монахов. Организуя массовые праздники христианского календаря и активно используя при этом опыт организации индейского театра, ауто и колокио, традиционные танцы, изучая индейские языки, они неизбежно испытывали воздействие местной культурной среды. Следы этого воздействия видны в использовании средств местной изобразительной традиции при трактовке христианских образов (черты индейских божеств, проступающие сквозь лики христианских святых, отчетливый местный колорит в интерпретации образа Девы Марии, особенно ясно видный в культе Девы Гваделупской, которая, как правило, изображалась смуглянкой), в пристальном внимании к местной духовной традиции, в упорном поиске аргументов, позволяющих интерпретировать индейское наследие в христианском духе, в неизменном подчеркивании возможности такой интерпретации, отчётливо проявившемся в произведениях таких выдающихся первооткрывателей духовного космоса доколумбовой Америки, как уже упоминавшиеся выше Мотилиния и Бернардино де Саагун (Bernardino de Sahagún, ок. 1499 – 1590). Так что и здесь имело место отождествление не с одной лишь католической системой ценностей, а с процессом взаимодействия этой системы с местным наследием. Максимальной силы эта черта достигла в произведениях двух людей, в которых был осуществлен творческий синтез иберокатолической и местной традиций и которые можно считать первыми образцами подобного синтеза: Инки Гарсиласо де ла Веги (Inca Garcilaso de la Vega, 1539 – 1616) и Фернандо де Альвы Иштлильшочитля (Fernando de Alva Ixtlilxóchitl, ок. 1568 – 1650) [Земсков, 1985: 174-196, 242, 252, 270-271; Земсков, 2014: 209-226].

Аналогичная ситуация имела место и с индейцами, которые, будучи в большинстве своём (на уровне сознания) уже верующими католиками¹⁰, продолжали одновременно придерживаться древних обычаев в том, что касается бытовой сферы, опыта приспособления к окружающим природным реалиям, веры в реальность персонажей местной мифологии, сохранявшейся наряду с усвоенными элементами христианской доктрины. Тем самым и здесь на практике происходила идентификация с процессом взаимодействия разнородных культурных начал [Шемякин, 2022: 32-37].

⁹ Прекрасной иллюстрацией этого утверждения может служить цикл книг А.Ф. Кофмана, посвященный эпохе конкисты.

¹⁰ Разумеется, за исключением тех, кто либо открыто выступил против христианизации, либо имитировал обращение в католическую веру, на деле продолжая поклоняться своим старым богам.

Главным результатом интенсивного общения конкистадоров с индейскими женщинами на уровне повседневности стало появление новой разновидности рода человеческого – метисов, в которых слилась испанская и индейская кровь и которые стали главной «биологической» средой зарождения новой культуры, не испанской и не индейской, а латиноамериканской.

Межцивилизационное взаимодействие в Новом Свете в контексте антропологии тела

В этой связи хотелось бы обратить внимание на один особый сюжет в рамках общей проблематики межцивилизационного взаимодействия в Новом Свете, осмыслению которого, по-моему, до сих пор не уделялось должного внимания в отечественной латиноамериканистике. Речь идёт об антропологии тела.

Конкретно – человеческого тела как фактора этого взаимодействия. В конечном счёте главный его субъект – конкретный живой человек во всем многообразии своих проявлений, как духовных, так и телесных. Пытаясь осмыслить теоретический аспект этой темы, я несколько неожиданно нашёл наиболее четкий ответ у В.Н. Топорова. Рассматривая тему пространства и текста, он отмечал, что она «имеет органическое продолжение в другой, более интенсивно формулируемой теме соотносённости пространства и тела..., которое выступает не только как его часть, но и (в известных пределах) как преформирующий пространство смысл... в соотношении Я –пространство особую роль играет тело. Оно не только то средостение – матрица, которое позволяет судить о пространстве: обратным образом оно даёт пространству “язык”, чтобы говорить о самом Я – о его целостности, соподчинённости ему частей...» [Топоров, 2005: 95-96].

Подобный ход рассуждений практически полностью соответствует по содержанию тем выводам, к которым пришли представители одного из влиятельных направлений современной научной мысли, разрабатывающие проблематику «антропологии телесной памяти». Они акцентируют значимость тела конкретного живого человека именно как «физического» носителя памяти (причём не только персональной, но и коллективной) и, тем самым, как ключевого фактора обеспечения преемственности поколений [Fuchs, 2012: 9-22; Воробьева, Зверева, 2020: 79-80].

Едва ли не самой яркой иллюстрацией тезиса о том, что человеческое тело – это действительно «средостение и матрица», несущая в себе смысл, та материальная среда, в рамках которой, собственно, и происходит взаимодействие культур, может служить вся история Латинской Америки от конкисты до наших дней и прежде всего, разумеется, метисация – процесс, начавшийся как «бурная симфония крови» (Э.П. Агости) и быстро переросший в «симфонию духа», рождавшуюся в хаосе столкновения качественно различных традиций. Именно метисация определила основу цивилизационной идентичности Латинской Америки. И она была бы абсолютно невозмож-

на без того отношения к «Другому», которое предполагал «включающий» дискурс.

Условием осуществления человеческим телом его культурно-исторической функции являлось обеспечение необходимых физико-биологических условий его существования, прежде всего – питания. В этой связи нельзя не упомянуть о том, что вместе с открытием нового континента было открыто множество новых животных и растений и, что самое важное, произошло резкое увеличение размеров и разнообразия продовольственной базы. Ф. Бродель отмечал в этой связи, что распространение кукурузы и, в особенности, картофеля в Европе имело характер «продовольственной революции» (в полной мере она развернулась в XVIII в.), которая решила проблему массовых голодовок [Бродель, 1986: 179-189]. Взаимодействие культур не ограничивалось духовной сферой.

Несмотря на все трагические стороны этого события, открытие Америки было и открытием возможности обмена достижениями, по крайней мере в области сельского хозяйства: «Растения Старого Света достигают Нового, и наоборот, растения Нового Света добираются до Старого. В одном направлении двигались рис, пшеница, сахарный тростник, кофейное дерево, в другом – кукуруза, картофель, фасоль, томаты, маниока, табак...» [Бродель, 1986: 179-189].

Открытие Америки и исторические судьбы автохтонных культур

До сих пор в центре внимания автора статьи находилась иберийская составляющая межкультурного взаимодействия в Новом Свете. И это оправдано, поскольку именно эта составляющая сыграла решающую роль в создании Латинской Америки. Индейская проблематика затрагивалась лишь в связи с теми процессами, которые происходили с представителями иберокатолической традиции.

Поэтому картина будет неполной, если не добавить ряд существенных моментов, касающихся судеб коренного населения. И все эти моменты сводятся к попытке ответить на вопрос: означало ли для индейских народов открытие Америки что-либо иное, кроме разрушения их культур, гибели массы людей и первоначально насильственного обращения в новую веру, разительно отличающуюся от их традиционной картины мира? Учитывая ограничение объема, вынужден сказать об этом предельно кратко.

Хотя индейские культуры в ходе конкисты были разрушены до основания, но само это основание, их матрица сохранилась в общинной организации, языке, формах мышления и способах восприятия мира.

В результате изучения этого вопроса я пришёл к выводу, что наиболее крупные индейские народы смогли сохранить основу своей идентичности в силу того, что они приобрели «пограничный» характер, превратившись в неотъемлемую составляющую той коалиции культур, которую являет собой «пограничная» латиноамериканская цивилизация. Идентификационным ст-

режем-инвариантом как самой этой цивилизации, так и изоморфных ей по своей структуре автохтонных культур стал процесс взаимодействия разнородных составляющих, в чем нашла своё проявление главная отличительная черта данного цивилизационного типа – доминанта многообразия [Шемякин, 2021b]¹¹. Как уже отмечалось, эта доминанта была прямо обусловлена тем способом формирования диалогической ткани социальности, который предполагал включение «Другого» в собственный мир каждого из участников взаимодействия на всех уровнях. Без этого не были бы возможны ни метисация, ни само существование Латинской Америки как особого мира, огромное разнообразие которого является одновременно и отрицанием, и условием его единства.

Что касается индейских культур, то в результате катастрофического столкновения миров они открыли в себе одновременно поразительные внутренние резервы сопротивления, позволившие им сохранить свою базовую матрицу в условиях «пограничного» существования, и не менее впечатляющую способность к приспособлению к меняющейся исторической ситуации, к выработке способов сосуществования с первоначально совершенно чуждой им культурой. Тем самым они открыли для себя, несмотря на все ужасы и разрушения эпохи конкисты, совершенно новые жизненные перспективы. В том числе – возможность творческого диалога-спора с западной культурой.

Противостояние дискурсов и специфика построения идентификационной сферы латиноамериканской цивилизации

Одна из наиболее значимых черт цивилизационного «пограничья» состоит в том, что в условиях доминанты многообразия ни одна из тенденций, формирующих исторический облик цивилизации, не может полностью подавить иные тенденции в ее духовном космосе, которые продолжают в той или иной мере сохраняться как элементы этого многообразия. Выше уже отмечался тот факт, что включающий дискурс утверждался через преодоление противоположной тенденции в духовном космосе Нового Света.

В целом становление и развитие латиноамериканской цивилизации является собой картину противостояния «включающего» и «исключающего» дискурсов. Причём последний нашёл своё главное проявление не в кратко охарактеризованной выше его иберийской составляющей, а в европоцентризме и оказался связан не столько с наследием колониального периода в истории Ибероамерики, сколько с западным влиянием. Следует отметить, что европоцентризм на протяжении всей истории региона оказывал очень сильное влияние на латиноамериканскую общественную мысль и социальную практику [Wagner de la Reyna, 1954; Andrés Pérez et al., 1977: 127-128, 133; Miro Quesada, 1978; Roa Bastos, 1986: 22; Шемякин, 1987: 174-175]¹².

¹¹ Подробное обоснование данной концепции см. в статье.

¹² Borges J.R. Obras completas: Discusión. Argentina. Buenos Aires. Emecé Editores. 1972. P. 160-162. El Nacional, 22 enero 1978.

Исключающий дискурс не исчерпывался и не исчерпывается европоцентризмом. Он нашёл убежденных сторонников и в индейской среде. Ярким его проявлением является ультраиндеанизм – от Л. Валькарселя до Ф. Рейнаги и его единомышленников – участников «полемики о Новом Свете» XX в., развернувшейся в связи с 500-летием открытия Америки [Reinaga, 2007; Rincón Soto, 2014]¹³.

Противостояние дискурсов обусловило специфику построения идентификационной сферы. Все многообразие позиций по проблеме латиноамериканской идентичности тяготеет к двум полюсам. На одном концентрируются сторонники «исключающего» дискурса, для которых Латинская Америка – это не новый мир, а поле продолжающейся уже больше пяти веков борьбы миров, абсолютно несовместимых друг с другом. На другом находятся те, кто убежден, что процесс метисации определил сущностную основу Латинской Америки как принципиально нового человеческого сообщества, не похожего ни на какое другое, ни в прошлом, ни в настоящем. Здесь линия преемственности протягивается от сторонников Лас Касаса в полемике о Новом Свете XVI в. к деятелям латиноамериканского Просвещения XVIII в., С. Боливару, Х. Марти, многим мыслителям и общественным деятелям XX – начала XXI вв., среди которых я бы особо выделил Л. Сеа и его школу. Этому мексиканскому мыслителю принадлежат слова, в которых сконцентрирована вся суть латиноамериканского «включающего» дискурса: «Проблема нашей расовой и культурной метисации столь сложна, что, утверждая одну культуру с тем, чтобы отвергнуть другую, мы тем самым отрицаем самих себя» [Сеа, 1984: 37].

Обратим внимание на одно очень интересное обстоятельство: ряд наиболее ярких представителей «исключающего» дискурса в духовном космосе Латинской Америки объединяет одна общая черта: отвергая на уровне идеологических деклараций других участников межкультурного диалога, на деле они также отождествляют себя не с одной, ими самими рьяно утверждаемой традицией, а с процессом ее взаимодействия с этими самыми «другими». Так, главный идеолог «цивилизаторского» проекта Д.Ф. Сармьенто является одновременно одним из основоположников концепции культурной самобытности как создатель образа гаучо, ставшего одним из главных символов этой самобытности как на родине Сармьенто, в Аргентине, так и в Латинской Америке в целом. Символом, воплотившим опыт взаимодействия испанского и индейского начал. Сармьенто включил «Другого» в собственное духовное пространство на уровне образно-художественного освоения латиноамериканской реальности, отвергая его на уровне сознания.

Другой пример (и другой тип «исключающего» дискурса) – главный идеолог экстремистского крыла индейских движений Ф. Рейнага, стоящий на позиции тотального отрицания западной цивилизации. Это отрицание не

¹³ Valcárcel L.E. Tempestad en los Andes. Peru. Lima. Minerva. 1927.

мешает ему, однако, признавать необходимость усвоения западных новаций в том, что касается технологии (главным образом) и организации (отчасти). Тем самым в действительности он отождествляет себя не с индейской традицией как таковой, а с процессом ее взаимодействия с остальными участниками межкультурного контакта, включая западную традицию.

Иными словами, идентификационный стержень-инвариант, в качестве которого выступает процесс взаимодействия разнородных составляющих латиноамериканского «мира миров» (М. Гефтер), пронизывает на глубинном уровне и духовное пространство наиболее выдающихся представителей «исключающего» дискурса. И это – косвенное подтверждение того, что именно «включающий» дискурс определил главные черты исторического лица Латинской Америки.

Латиноамериканский ракурс темы «Великих географических открытий»: открытие всемирно-исторической роли цивилизационного «пограничья»

Оправдана ли в контексте темы статьи акцентировка проблематики цивилизационного «пограничья»? Дело в том, что в последние годы стала общим местом констатация того факта, что на рубеже XX – XXI вв. весь мир вступил в переходное, «пограничное» состояние, характеризующееся крайней неустойчивостью всех сложившихся доселе структур. Главная содержательная характеристика этого состояния – преобладание начала многообразия над началом единства. Но ведь подобная характеристика была и остаётся отличительной чертой цивилизаций «пограничного» типа на всем протяжении истории этих цивилизаций. Их исторический опыт сохранения и утверждения единства *sui generis* в условиях доминанты многообразия приобретает поэтому в условиях современной «фронтиризации» «мира людей» исключительное значение для человечества. Латинская Америка, появившаяся на свет в результате Великих географических открытий, занимает особое место в цивилизационном «пограничье» мировой истории в силу того, что она продемонстрировала возможность создания совершенно нового человеческого мира в ходе взаимодействия изначально крайне далеких друг от друга, качественно различных традиций в условиях глобализации, имеющей западное цивилизационное содержание и ориентированной на унификацию человечества по западным стандартам.

И в этом смысле эпоха Великих географических открытий стала и эпохой открытия всемирно-исторической роли цивилизационного «пограничья» в условиях глобализации и вопреки ей.

Список литературы:

- Бахтин М.М. (2013) *Эстетика словесного творчества*. Книга по Требованию, Москва. 444 с.
- Бродель Ф. (1986) *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное*. Прогресс, Москва. 622 с.
- Варьяш О.И. (2001) Проблема границы в пограничной культуре (пиренейский вариант). *Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания*. Общественное объединение Союз Писателей Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург. С. 62-69.
- Воробьева О.В., Зверева Г.И. (ред.) (2020) *Когнитивные науки и историческое познание*. Аквилон, Москва. 371 с.
- Вебер М. (1990) *Избранные произведения*. Прогресс, Москва. 808 с.
- Гайденко П.П. (1997) *Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века*. Республика, Москва. 495 с.
- Галич М. (1990) *История доколумбовых цивилизаций*. Мысль, Москва. 408 с.
- Земсков В.Б. (ред.) (1985) *История литератур Латинской Америки. От древнейших времен до начала Войны за независимость*. Наука, Москва. 674 с.
- Земсков В.Б. (ред.) (1998) *Хроники открытия Америки. 500 лет. Антология*. Наследие, Москва. 272 с.
- Земсков В.Б. (ред.) (2009) *Iberica Americans. Латиноамериканская культура в дискуссиях XX - начала XXI веков*. ИМЛИ РАН, Москва. 463 с.
- Земсков В.Б. (2014) *О литературе и культуре Нового Света*. Центр гуманитарных инициатив, Гнозис, Москва, Санкт-Петербург. 592 с.
- Казак Е.А. (ред.) (2016) *Язык в глобальном контексте: Латинская Америка сегодня как культурно-языковой феномен*. ИНИОН РАН, Москва. 116 с.
- Кнорозов Ю.В. (1990) Мануэль Галич и его книга. М. Галич *История доколумбовых цивилизаций*. Мысль, Москва. 408 с.
- Кобзев А.И. (2006) О противостоянии Запад-Восток. *История и современность*. № 2. С. 188-202.
- Кофман А.Ф. (2006) *Рыцари Нового Света*. Пан пресс, Москва. 261 с.
- Кофман А.Ф. (2007) *Кортес и его капитаны*. Пан Пресс, Москва. 352 с.
- Кофман А.Ф. (2009) *Конкистадоры. Три хроники завоевания Америки*. Симпозиум, Санкт-Петербург. 606 с.
- Кофман А.Ф. (2012) *Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности*. ИМЛИ РАН, Москва. 304 с.
- Кофман А.Ф. (2017) *Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров*. Издательство «Крига», Санкт-Петербург. 1032 с.
- Лас Касас Б. де. (1966) *К истории завоевания Америки*. Наука, Москва. 228 с.
- Лас Касас Б. де. (1968) *История Индии*. Наука. Ленинград. 472 с.
- Ле Гофф Ж. (1992) *Цивилизация средневекового Запада*. Издательская группа «Прогресс», «Прогресс – Академия», Москва. 376 с.
- Лучицкая С.И. (ред.) (2016) *Ритуалы и религиозные практики иноверцев во взаимных представлениях*. ИВИ РАН, Москва. 524 с.

Ракуц Н.В. (2018) *Культура индейских народов и политика государства (южноамериканские реалии)*. ИЛА РАН, Москва. 264 с.

Рус М.У. (1996) Народы майя: пятьсот лет сопротивления. *Американские индейцы: новые факты и интерпретации*. Наука, Москва. С. 69-93.

Сеа Л. (1984) *Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки*. Прогресс, Москва. 352 с.

Степанов Г.В. (1963) *Испанский язык в странах Латинской Америки*. Издательство литературы на иностранных языках, Москва. 202 с.

Топоров В.Н. (2005) *Исследования по этимологии и семантике. Т.1: Теория и некоторые частные ее приложения*. Языки славянской культуры. Наука, Москва. 915 с.

Шемякин Я.Г. (1987) *Латинская Америка: традиции и современность*. Наука, Москва. 192 с.

Шемякин Я.Г. (2001) *Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории*. Наука, Москва. 391 с.

Шемякин Я.Г. (2007) Вера и рацию в духовном космосе латиноамериканской цивилизации. *Латинская Америка*. № 3. С.78-92.

Шемякин Я.Г. (2016) Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В.Б. Земскова. *Мир России*. № 1. С. 154-180.

Шемякин Я.Г. (2018) Глобальное, универсальное, локальное: соотношение понятий и соотношение реальностей. *Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе*. Аквилон, Москва. С.12-48.

Шемякин Я.Г. (2019а) Идентичность как способ бытия культуры: латиноамериканский опыт. *Ибероамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации*. ИЛА РАН, Москва. С. 34-66.

Шемякин Я.Г. (2019b) Язык как фактор обеспечения целостности цивилизационной системы. Опыт ибероамериканского социокультурного «пограничья» в сравнительно-историческом контексте. *Вопросы Иbero-романистики. Вып.17*. МАКС Пресс, Москва. С.114-128.

Шемякин Я.Г. (2021а) Культурный трансфер как взаимодействие идентичностей: опыт различных цивилизационных типов в универсальном контексте. *Цивилизации. Вып. 12: Трансферы в истории и теории цивилизаций*. Наука, Москва. С. 137-184.

Шемякин Я.Г. (2021b) «Пограничность» как способ сохранения и утверждения идентичности. Исторический опыт индейских культур Латинской Америки в универсальном контексте. *Латинская Америка*. № 9. С. 83-96.

Шемякин Я.Г. (2022) Культура как способ бытия Латинской Америки. Характер и формы культурной детерминации латиноамериканской действительности. *Ибероамерика: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности*. ИЛА РАН, Москва. С. 20-78.

Andrés Pérez C. et al. (1977) *América Latina: conciencia y Nación*. Equinoccio, Caracas, Venezuela. 301 p.

Araujo R.J. (2016) Foundations of Human Right: The Work of Francisco de Vitoria, OP. *Democracy, Culture, Catholicism. Voices from four continents*. Fordham University Press, New York, USA. P. 280-293.

Benavente (Motolinía) Fray Toribio de. (1941) *Historia de los indios de la Nueva España*. Salvador Chavés Hoyhoe, México, México. 320 p.

- Castro A. (1975) *La realidad histórica de España*. Porrúa, México, México. 439 p.
- Fuchs T. (2012) Phenomenology of Body Memory. *Body Memory. Metaphor and Movement*. Ed. by S.C. Koch, T. Fuchs, M. Summa, C. Müller. John Benjamin's Publishing Company, Amsterdam, Netherlands. P. 9-22.
- Las Casas B. de. (1951) *Historia de las Indias*. T. 2. Fondo de Cultura Económica, México, México. 611p.
- Martínez García P. (2021) *Alteridad Ibérica: el Otro en la Edad Media*. Sociedad Española de Estudios Medievales, Murcia, España. 199 p.
- Menéndez Pidal R. (1963) *El padre las Casas: su doble personalidad*. Espasa-Calpe, Madrid, España. 410 p.
- Miro Quesada F. (1978) *Impacto de la metafísica en la ideología latinoamericana*. UNAM, México, México. 21 p.
- Mitre Fernández E. (1988) *Cristianos, musulmanes o hebreos. La difícil convivencia de la España medieval*. Anaya D.L., Madrid, España. 128 p.
- Paz O. (1986) *One Earth, Four or Five Worlds. Reflections on Contemporary History*. A Harvest/HBJ book, San Diego, New York, London. USA, UK. 213 p.
- Vivian B. Mann, Thomas F. Glick, Jerrilynn Denise Dodds, Jewish Museum (New York, N.Y.) (1992) *Convivencia: Jews, Muslims and Christians in Medieval Spain*. George Braziller in Association with the Jewish Museum, New York, USA. 263 p.
- Reinaga F. (2007) *La revolución india*. WA-GUI, La Paz, Bolivia. 511 p.
- Rincón Soto L. (2014) Fausto Reinaga y su pensamiento amáutico: su crítica a la filosofía occidental. *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. Vol. 25(2). P. 15-31.
- Roa Bastos A. (1986) El dilema de la integración iberoamericana. *Cuadernos Hispanoamericanos*. № 427. P. 21-41.
- Sahagún B. (1975) *Historia general de las cosas de la Nueva España*. Ed. por A.M. Garibay. Porrúa, México, México. 1093 p.
- Saint-Lu A. (1974) *Estudios sobre Fray Bartolomé de las Casas*. Universidad de Sevilla, Sevilla, España. 351 p.
- Sánchez Albornóz Cl. (1973) *España – un enigma histórico*. T. 1-2. EDHASA, Barcelona, España. 1: 719 p. 2: 793 p.
- Sepúlveda J.G. (1941) *Tratado sobre las justas causas de la guerra contra los indios*. Fondo de Cultura Económica, México, México. 179 p.
- Sepúlveda J.G. (1975) *Fray Bartolomé de las Casas. Apología*. Ed. por A. Losada. Ed. Nacional, Madrid, España. 417 p.
- Wagner de Reyna A. (1954) *Destino y vocación de Iberoamérica*. Cultura Hispánica, Madrid, España. 124 p.

References:

- Bakhtin M.M. (2013) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Art], Kniga po Trebovaniyu, Moscow, Russia. (In Russian)
- Braudel F. (1986) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. T.1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Civilization and Capitalism, 15th-18th Century, Vol. I The Structure of Everyday Life: The Limits of the Possible], Progress, Moscow, Russia. (In Russian)

Var'yash O.I. (2001) Problema granitsy v pogranichnoi kul'ture (pireneiskii variant) [The Problem of the Frontier in Frontier Culture (Iberian Version)], *Pogranichnye kul'tury mezhdu Vostokom i Zapadom: Rossiya i Ispaniya* [Frontier Cultures between East and West: Russia and Spain], Obshchestvennoe ob»edinenie Soyuz Pisatelei Sankt-Peterburga, Saint-Petersburg, Russia, pp. 62-69. (In Russian)

Vorobyeva O.V., Zvereva G.I. (ed.) (2020) *Kognitivnye nauki i istoricheskoe poznanie* [Cognitive sciences and historical study], Akvilon, Moscow, Russia. (In Russian)

Weber M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Progress, Moscow, Russia. (In Russian)

Гайдено П.П. (1997) *Proryv k transtsendentnomu: novaya ontologiya KhKh veka* [Breaking Through to the Transcendent: A New Ontology for the Twentieth Century], Respublika, Moscow, Russia. (In Russian)

M. Galich (1990) *Istoriya dokolumbovykh tsivilizatsii* [History of Pre-Columbian Civilizations], Mysl', Moscow, Russia. (In Russian)

Zemskov V.B. (ed.) (1985) *Istoriya literatur Latinskoi Ameriki. Ot drevneishikh vremen do nachala Voyny za nezavisimost'* [History of Latin American Literatures. From Ancient Times to the Beginning of the War of Independence], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Zemskov V.B. (ed.) (1998) *Khroniki otkrytiya Ameriki. 500 let. Antologiya* [Chronicles of the Discovery of America. 500 years. Anthology], Nasledie, Moscow, Russia. (In Russian)

Zemskov V.B. (ed.) (2009) *Iberica Americans. Latinoamerikanskaya kul'tura v diskussiyakh XX - nachala XXI vekov* [Iberica Americans. Hispanic Culture in the Discussions of the Twentieth and Early Twenty-First Centuries], IMLI RAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Zemskov V.B. (2014) *O literature i kul'ture Novogo Sveta* [On the Literature and Culture of the New World], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Gnozis, Moscow, Saint-Petersburg, Russia. (In Russian)

Kazak E.A. (ed.) (2016) *Yazyk v global'nom kontekste: Latinskaya Amerika segodnya kak kul'turno-yazykovoii fenomen* [Language in a Global Context: Latin America Today as a Cultural and Linguistic Phenomenon], INION RAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Knorozov Yu.V. (1990) Manuel' Galich i ego kniga [Manuel Galich and his book], M. Galich *Istoriya dokolumbovykh tsivilizatsii* [M. Galich History of Pre-Columbian Civilizations], Mysl', Moscow, Russia. (In Russian)

Kobzev A.I. (2006) O protivostoyanii Zapad-Vostok [On the West-East confrontation] *Istoriya i sovremennost'*, no. 2, pp. 188-202. (In Russian)

Kofman A.F. (2006) *Rytsari Novogo Sveta* [Knights of the New World], Pan-Press, Moscow, Russia. (In Russian)

Kofman A.F. (2007) *Kortes i ego kapitany* [Cortés and His Captains. Moscow], Pan-Press, Moscow, Russia. (In Russian)

Kofman A.F. (2009) *Konkistadory. Tri khroniki zavoevaniya Ameriki* [Three Chronicles of the Conquest of America], Symposium, Saint-Petersburg, Russia. (In Russian)

Kofman A.F. (2012) *Ispanskii konkistador. Ot teksta k rekonstruktsii tipa lichnosti* [Spanish Conquistador. From Text to the Reconstruction of the Personality Type], IMLI RAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Kofman A.F. (2017) *Pod pokrovitel'stvom Sant'yago. Ispanskoe zavoevanie Ameriki i sud'by znamenitykh konkistadorov* [Under the Patronage of Santiago. The Spanish Conquest of America and the Fate of the Famous Conquistadors], Izdatel'stvo «Kriga», Saint-Petersburg, Russia. (In Russian)

las Casas B. de. (1966) *K istorii zavoevaniya Ameriki* [A Short Account of the Destruction of the Indies], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

las Casas B. de. (1968) *Istoriya Indii* [History of the Indies], Nauka, Leningrad, Russia. (In Russian)

Le Goff J. (1992) *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [Medieval civilization], Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Progress – Akademiya», Moscow, Russia. (In Russian)

Luchitskaya S.I. (ed.) (2016) *Rituary i religioznye praktiki inovertsev vo vzaimnykh predstavleniyakh* [Rituals and Religious Practices of Non-Believers in Reciprocal Representations], IVI RAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Rakuts N.V. (2018) *Kul'tura indeiskikh narodov i politika gosudarstva (yuzhnoamerikanskie realii)* [Indian Culture and State Policy (South American Realities)], ILA RAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Rus M.U. (1996) *Narody maiya: pyat'sot let soprotivleniya* [The Maya People: Five Hundred Years of Resistance], *Amerikanskie indeitsy: novye fakty i interpretatsii* [American Indians: New Facts and Interpretations], Nauka, Moscow, Russia, pp. 69-93. (In Russian)

Zea L. (1984) *Filosofiya amerikanskoi istorii. Sud'by Latinskoi Ameriki* [The Philosophy of American History. The Fates of Latin America], Progress, Moscow, Russia. (In Russian)

Stepanov G.V. (1963) *Ispanskii yazyk v stranakh Latinskoi Ameriki* [Spanish in Latin America], Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, Moscow, Russia. (In Russian)

Toporov V.N. (2005) *Issledovaniya po etimologii i semantike. T.1: Teoriya i nekotorye chastnye ee prilozheniya. Yazyki slavyanskoi kul'tury* [Studies in Etymology and Semantics. Vol. 1: Theory and Some Particular Applications. Languages of Slavic Culture], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Shemyakin Ya.G. (1987) *Latinskaya Amerika: traditsii i sovremennost'* [Latin America: Traditions and Modernity], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Shemyakin Ya.G. (2001) *Evropa i Latinskaya Amerika: Vzaimodeistvie tsivilizatsii v kontekste vsemirnoi istorii* [Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Shemyakin Ya.G. (2007) *Vera i ratsio v dukhovnom kosmose latinoamerikanskoi tsivilizatsii* [Faith and rationality in the spiritual cosmos of Latin American civilization], *Latin America*, no. 3, pp.78-92. (In Russian)

Shemyakin Ya.G. (2016) *Rossiya i Latinskaya Amerika kak tsivilizatsii: popytka sravneniya. Razmyshleniya nad knigami V.B. Zemskova* [Russia and Latin America as civilizations: an attempt at comparison. Reflections on the books by V.B. Zemskov], *Mir Rossii*, no. 1, pp. 154-180. (In Russian)

Shemyakin Ya.G. (2018) *Global'noe, universal'noe, lokal'noe: sootnoshenie ponyatii i sootnoshenie real'nostei* [The global, the universal, the local: the relation of concepts and the correlation of realities], *Tsivilizatsionnye vyzovy vo vsemirno-istoricheskoi perspektive* [Civilizational challenges in a world-historical perspective], Akvilon, Moscow, Russia, pp. 12-48. (In Russian)

Shemyakin Ya.G. (2019a) *Identichnost' kak sposob bytiya kul'tury: latinoamerikanskii opyt* [Identity as a way of being of culture: the Latin American experience], *Iberoamerika: kul'turnaya identichnost' v epokhu globalizatsii* [Iberoamerica: cultural identity in an era of globalization], ILA RAN, Moscow, Russia, pp. 34-66. (In Russian)

Shemyakin Ya.G. (2019b) *Yazyk kak faktor obespecheniya tselostnosti tsivilizatsionnoi sistemy. Opyt iberoamerikanskogo sotsiokul'turnogo «pogranich'ya» v sravnitel'no-*

istoricheskom kontekste [Language as a factor in ensuring the integrity of the civilizational system. The experience of the Ibero-American socio-cultural “borderland” in a comparative-historical context], *Voprosy Ibero-romanistiki*. Vyp.17, MAKS Press, Moscow, Russia, pp. 114-128. (In Russian)

Shemyakin Ya.G. (2021a) Kul'turnyi transfer kak vzaimodeistvie identichnostei: opyt razlichnykh tsivilizatsionnykh tipov v universal'nom kontekste [Cultural Transfer as Interaction of Identities: The Experience of Different Civilization Types in a Universal Context], *Tsivilizatsii*. Vyp. 12: *Transfery v istorii i teorii tsivilizatsii*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 137-184. (In Russian)

Shemyakin Ya.G. (2021b) «Pogranichnost'» kak sposob sokhraneniya i utverzhdeniya identichnosti. Istoricheskii opyt indeiskikh kul'tur Latinskoi Ameriki v universal'nom kontekste [“Borderland” as a way of preserving and asserting identity. The historical experience of the Native American cultures of Latin America in a universal context], *Latin America*, no 9, pp. 83-96. (In Russian)

Shemyakin Ya.G. (2022) Kul'tura kak sposob bytiya Latinskoi Ameriki. Kharakter i formy kul'turnoi determinatsii latinoamerikanskoi deistvitel'nosti [Culture as a way of being of Latin America. The nature and forms of cultural determination of Latin American reality], *Iberoamerika: rol' kul'tury v formirovanii i evolyutsii natsional'noi identichnosti* [Iberoamerica: the role of culture in the formation and evolution of national identity], ILA RAN, Moscow, Russia, pp. 20-78. (In Russian)

Andrés Pérez C. et al. (1977) *América Latina: conciencia y Nación*, Equinoccio, Caracas, Venezuela.

Araujo R.J. (2016) Foundations of Human Right: The Work of Francisco de Vitoria, OP, *Democracy, Culture, Catholicism. Voices from four continents*, Fordham University Press, New York, USA, pp. 280-293.

Benavente (Motolinía) Fray Toribio de. (1941) *Historia de los indios de la Nueva España*, Salvador Chavés Hoyhoe, México, México.

Castro A. (1975) *La realidad histórica de España*, Porrúa, México, México.

Fuchs T. (2012) Phenomenology of Body Memory, in S.C. Koch, T. Fuchs, M. Summa, C. Müller (ed.) *Body Memory. Metaphor and Movement*, John Benjamin's Publishing Company, Amsterdam, Netherlands, pp. 9-22.

Las Casas B. de. (1951) *Historia de las Indias*. T.2, Fondo de Cultura Económica, México, México.

Martínez García P. (2021) *Alteridad Ibérica: el Otro en la Edad Media*, Sociedad Española de Estudios Medievales, Murcia, España.

Menéndez Pidal R. (1963) *El padre las Casas: su doble personalidad*, Espasa-Calpe, Madrid, España.

Miro Quesada F. (1978) *Impacto de la metafísica en la ideología latinoamericana*, UNAM, México, México.

Mitre Fernández E. (1988) *Cristianos, musulmanes o hebreos. La difícil convivencia de la España medieval*, Anaya D.L., Madrid, España.

Paz O. (1986) *One Earth, Four or Five Worlds. Reflections on Contemporary History*, A Harvest/HBJ book, San Diego, New York, London. USA, UK.

Vivian B. Mann, Thomas F. Glick, Jerrilynn Denise Dodds, Jewish Museum (New York, N.Y.) (1992) *Convivencia: Jews, Muslims and Christians in Medieval Spain*, George Braziller in Association with the Jewish Museum, New York, USA.

Reinaga F. (2007) *La revolución india*, WA-GUI, La Paz, Bolivia.

Rincón Soto L. (2014) Fausto Reinaga y su pensamiento amáutico: su crítica a la filosofía occidental, *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, vol. 25(2), pp. 15-31.

Roa Bastos A. (1986) El dilema de la integración iberoamericana, *Cuadernos Hispanoamericanos*, no. 427, pp. 21-41.

Sahagún B. (1975) *Historia general de las cosas de la Nueva España*, Ed. por A.M. Garibay, Porrúa, México, México.

Saint-Lu A. (1974) *Estudios sobre Fray Bartolomé de las Casas*, Universidad de Sevilla, Sevilla, España.

Sánchez Albornóz Cl. (1973) *España – un enigma histórico*. T.1-2, EDHASA, Barcelona, España.

Sepúlveda J.G. (1941) *Tratado sobre las justas causas de la guerra contra los indios*, Fondo de Cultura Económica, México, México.

Sepúlveda J.G. (1975) *Fray Bartolomé de las Casas. Apología*, Ed. por A. Losada, Ed. Nacional, Madrid, España.

Wagner de Reyna A. (1954) *Destino y vocación de Iberoamérica*, Cultura Hispánica, Madrid, España.

«Все дело в шляпе» Роль головного убора в самоидентификации латиноамериканских народов

© Ю.В. Давтян, 2023

Давтян Юлия Владимировна, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД России.
119454, Москва, проспект Вернадского, 76
ORCID: 0000-0002-5917-0632 E-mail: yu.slivchikova@my.mgimo.ru

Аннотация. Разнообразие латиноамериканских головных уборов определяется климатическими и географическими особенностями местности проживания того или иного народа, а также социально-экономическими факторами, однако ключевую роль играют меж- и внутриэтнические связи, исторически накопленный культурный опыт этноса, который находит отражение в национальном костюме. Целью данного исследования является обоснование тезиса о том, что головной убор помимо защитной, информационной, эстетической и других функций, обладает функцией самоидентификации и, как следствие, воспитательной функцией, заключающейся в передаче из поколения в поколение знаний о национальной культуре и истории, а также в формировании в подсознании младших поколений этнодифференцирующих и этноконсолидирующих признаков. Для достижения поставленной цели используются классические для культурологического исследования методы описания, сравнения и наблюдения, а также применяется гипотетико-дедуктивный метод. На основе изучения истории возникновения и особенностей бытования головных уборов в ряде стран Латинской Америки, а также их сравнительного анализа, делается вывод о том, что латиноамериканский головной убор концентрированно отражает мироощущение и мировоззрение народа. Он является неким культурным метазнаком, посредством которого происходит передача духовных ценностей и сохраняется механизм этнокультурной самоидентификации народа. Будучи элементом национального костюма, одной из форм общественного сознания, он отражает действительность, но особым способом, являясь носителем как национальных, так и личных, а также классовых культурных значений. Ношение шляпы является не просто традицией для эквадорцев, боливийцев, мексиканцев, колумбийцев и других народов региона. Головной убор представляет собой символ общности нации.

Ключевые слова: этнокультурология, головной убор, шляпа, национальная самоидентификация, национальный костюм

Для цитирования: Давтян Ю.В. (2023) «Все дело в шляпе». Роль головного убора в самоидентификации латиноамериканских народов. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 68–80. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-68-80

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

El papel del tocado en la autoidentificación de los pueblos latinoamericanos

© Iu.V. Davtian, 2023

Iuliia V. Davtian, PhD (Letras), Profesora titular del Departamento de Español de la MGIMO.
119454, Rusia, Moscú, avenida Vernadsky, 76
ORCID: 0000-0002-5917-0632 E-mail: yu.slivchikova@my.mgimo.ru

Resumen. La diversidad de los tocados latinoamericanos está determinada por las características climáticas y geográficas de la zona donde viven los pueblos, así como por factores socioeconómicos, pero los vínculos interétnicos, las experiencias culturales históricamente acumuladas de la etnia, que se reflejan en el traje nacional, juegan un papel clave. El objetivo de este estudio es justificar la tesis de que el tocado, además de tener funciones de proteger, informar, decorar entre otras, tiene la función de autoidentificación y, como consecuencia, la función educativa que consiste en transmitir de generación en generación el conocimiento de la cultura y la historia nacionales, así como la formación en el subconsciente de las generaciones más jóvenes de rasgos etnodiferenciales y etnoconsolidarios. Para lograr el objetivo, se utilizan técnicas clásicas para el estudio cultural: descripción, comparación y observación, y también aplica el método hipotético-deductivo. Al examinar la historia de la aparición y las peculiaridades de los tocados en varias zonas de América Latina, y al compararlos entre sí, se concluye que el tocado latinoamericano refleja de manera concentrada la visión del mundo del pueblo. Es una especie de metasímbolo cultural a través del cual se produce la transmisión de valores espirituales y se mantiene el mecanismo de autoidentificación etnocultural del pueblo. Al ser un elemento del vestuario nacional, una forma de conciencia social, refleja la realidad, pero de manera especial, siendo portador tanto de significados culturales nacionales como personales, así como de significados de clase. Llevar sombrero no es solo una tradición para ecuatorianos, bolivianos, mexicanos, colombianos y otros pueblos de la región. El tocado representa el símbolo de la unidad de una nación.

Palabras clave: etnología, tocado, sombrero, autoidentificación nacional, traje nacional

Para citar: Davtian Iu.V. (2023) El papel del tocado en la autoidentificación de los pueblos latinoamericanos. *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 68–80. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-68-80

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

The role of hat in the self-identification of Latin American peoples

© Iu.V. Davtian, 2023

Iuliia V. Davtian, PhD (Philology), Senior Lecturer at Spanish language department, Moscow State Institute of International Relations.

119454, Russia, Moscow, prospect Vernadskogo, 76

ORCID: 0000-0002-5917-0632 E-mail: yu.slivchikova@my.mgimo.ru

Abstract. The diversity of Latin American hats is determined by the climatic and geographical characteristics of the area of residence of different nations, as well as socio-economic factors, however, inter-ethnic ties play a key role, as well as the historically accumulated cultural experience of the ethnic group, which is reflected in the national costume. The purpose of this study is to substantiate the thesis that the headdress, in addition to protective, informational, aesthetic and other functions, has a function of self-identification and, as a result, an educational function, which consists in transferring from generation to generation the knowledge about national culture and history, as well as in the formation in the subconscious of younger generations of ethnodifferentiating and ethno-consolidating signs. To achieve this goal, methods of description, comparison and observation, classic for cultural research, as well as a hypothetical-deductive method are used. Studying the history of the emergence and peculiarities of hat-wear in a number of countries in Latin America, as well as comparing them with each other, it is concluded that the Latin American hats concentratively reflects the worldview of the people. It is a kind of cultural metasymbol, through which the transfer of spiritual values takes place and the mechanism of ethnocultural self-identification of the people is preserved. Being an element of the national costume, one of the forms of public consciousness, it reflects reality, but in a special way, being a carrier of both national and personal, as well as class cultural values. Wearing a hat is not just a tradition for Ecuadorians, Bolivians, Mexicans, Colombians and other peoples of the region. The headdress represents a symbol of the commonality of the nation.

Keywords: ethnocostumology, headdress, hat, national self-identification, national costume

For citation: Davtian Iu.V. (2023) The role of hat in the self-identification of Latin American peoples. *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 68–80. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-68-80

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Одежда, обладая информационной и визуально-коммуникативной функциями, во все времена и у всех народов являлась частью невербального общения, позволявшего без лишних языковых усилий получать и передавать достаточно большой объём информации за короткий отрезок времени. Костюм как знак кодовой системы, понятной определённому коммуникативному сообществу, может содержать значительное количество смыслов. Среди прочего он способен рассказать о национальной и этнической, а также религиозной принадлежности своего хозяина, его социальном статусе, профессии, увлечениях. Немаловажной функцией одежды является идентифицирующая, позволяющая участникам дискурса разделить ещё до начала какой бы то ни было коммуникации адресатов в рамках оппозиции «свой-чужой», от чего, очевидно, зависит ход и успех всего последующего обмена информацией. С такого угла зрения одежда предстаёт как некая метонимия человеческой личности во всей её многогранности.

Головной убор вплоть до XX в. являлся неотъемлемой частью костюма. Со временем в большинстве развитых стран он потерял свою значимость и превратился в средство художественного самовыражения личности. Некогда важный инструмент классовой идентификации и обязательный элемент этикета становится исключительно модным аксессуаром. Однако на уровне национального и религиозного самоопределения в ряде стран головной убор продолжает быть существенным знаком. Примером тому является богатое разнообразие шляп, позволяющих различить между собой народы латиноамериканского региона.

Изучение костюма с точки зрения его этнокультурного значения является *актуальной* темой исследования, о чём говорят многочисленные работы зарубежных и отечественных учёных, анализирующих костюм в аспекте диахронии [Андросова, 2006; Вардугин, 2001; Войтеховская, 2008] и в ретроспективном плане [Каримова, 2010; Митрягина, 2005; Якушев, 2007]. Особого внимания в данном контексте заслуживает диссертационное исследование С.П. Исенко, в котором автор выделяет этнокостюмологию как «подотрасль культурологии, развивающуюся на стыке этнологии, этнопсихологии, искусствознания, эстетики, семиотики» и целью которой является «освоение и трансляция социокультурного опыта», нашедшего отражение в народном костюме [Исенко, 1999: 25].

Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые в отечественной этнокультурологии проводится анализ головного убора как элемента национальной самоидентификации народов Латинской Америки. Собранный автором исследования материал имеет *практическую значимость* для преподавания испанского языка, а также подготовки специалистов-международников, ориентированных на работу в латиноамериканском регионе. Данная работа также может послужить образцом для аналогичных исследований других элементов костюма как в выбран-

ном автором регионе, так и в других странах. *Теоретическая значимость* состоит в расширении операционного аппарата этнокультурологии и, шире, этнокультурологии.

В современном нам обществе, в котором стремительно рушатся коренные духовно-нравственные ценности и социокультурные традиции, растёт потребность сохранения традиционных образов культуры, одним из важнейших элементов которой является национальный костюм. В нём «аккумулируется и посредством семиотической системы транслируется социокультурный опыт, важный как для этноса, так и всего человечества» [Исенко, 1999: 4]. Интерес к традиционным костюмам объясняется их восприятием в качестве памятников культуры, этнических символов, которые не только выражают менталитет нации, но и способны активизировать этнокультурное самосознание и сплотить представителей самых разных социальных групп [Исенко, 1999: 4]. Народный костюм создаётся под влиянием природно-географических, социально-экономических факторов, меж- и внутриэтнических связей, которые находят своё отражение в гармонично согласованных элементах вестиментарного ансамбля: одежде, украшениях, обуви, головном уборе, причёске и гриме. «Идейно-образное содержание традиционного костюма обусловлено многообразием его функций, мировоззрением и мировосприятием народа» [Исенко, 1999: 24]. Таким образом, костюм концентрированно отражает сам национальный характер. То, что человек, соотносит себя и окружающих с одеждой, придаёт костюму, а вместе с тем и головному убору, функцию национальной самоидентификации, формируя в подсознании этнодифференцирующие и этноконсолидирующие признаки.

Буэльтияо (vueltaio) в Колумбии, когольо (cogollo) в Венесуэле, канотье (canotier) на Кубе, чарро (charro) в Мексике, чупалья (chupalla) в Чили, гаучо (gaucho) в Аргентине, чонэтэ (chonete) в Коста Рике, котелок (bombín) в Боливии, чульо (chullo) в Перу. Это далеко не полный список головных уборов, по которым можно узнать жителей той или иной страны или местности в Латинской Америке. Не потому лишь, что шляпа является незаменимым аксессуаром в условиях латиноамериканского климата, она остаётся востребованным элементом как национального, парадного, праздничного, так и повседневного костюма? Рассмотрим примеры.

Символ национальной идентичности эквадорцев панамская шляпа или сомбреро де паха токилья (sombrero de paja toquilla), также известная как хипихапа (jipijapa) и монтекристи (montecristi), в 2012 г. была включена в Список нематериального наследия ЮНЕСКО. Любопытно, что закрепившееся за национальной шляпой Эквадора название «панамская» вводит в заблуждение носителя русской культуры. Впрочем, справедливости ради, следует заметить, что заблуждаются на этот счёт не только наши соотечественники. Панамская шляпа стала популярной и приобрела мировую известность в годы строительства Панамского канала, однако её происхождение к Панаме отношения не имеет.

История возникновения панамской шляпы уходит своими корнями в доиспанский период Эквадора. Найденные документы свидетельствуют о том, что самым древним местом плетения шляп в Эквадоре была провинция Манаби. Сейчас это ремесло также бережно передаётся из поколения в поколение в провинциях Монтекристи, Манта и Портобьехо¹. При раскопках в районе современной провинции Манаби были найдены многочисленные глиняные фигурки, головы которых были украшены своеобразными уборами. Учитывая то, что, по существующим данным, местные племена плели корзины и прочую утварь из волокон пальмы, можно предположить, что и головные уборы изготавливались из этого материала ещё до нашей эры.

В 1534 г. священник Хосе Мария Кобос, сопровождавший Себастьяна де Беналькаса (Sebastián de Belalcázar, 1480 – 1551) в походе на Кито, отметил, что жители местности, ныне входящей в состав провинции Манаби, носили на своих головах украшения в форме крыльев летучей мыши, защищавшие их от солнца. Он также отметил, что сделаны они были из пальмы, растущей в данной местности. В 1630 г. Франсиско Дельгадо де Панама, прибыв к берегам Манаби, был также впечатлён качеством головных уборов, которые индейцы использовали для защиты от солнца. Однако он предложил заменить «крылья летучей мыши» на привычные европейцам поля. В эпоху завоевания Латинской Америки, стремясь защитить себя от изнуряющих солнечных лучей, испанцы использовали головные уборы (*la toca*), вид которых варьировался в зависимости от рода деятельности хозяина. Простой лёгкой тканью покрывали свои головы священнослужители, колпак использовали простые люди, шляпа же служила защитой от солнца, украшением и отличительным знаком принадлежности к благородному сословию. Качество господских шляп подтолкнуло местных ремесленников к созданию более утончённых изделий. Шляпы, созданные из тонких волокон, которые можно было сложить в карман, украшенные лентами и другими материалами, стали называть *toquillas* [Chiluiza et al., 2003: 30]. Их производством занялись в основном ремесленники из Монтекристи и Хипихапы. Именем этих провинций и стали называть *сомбреро де паха токилья* (*sombrero de paja toquilla*). Эти названия закрепились за ней вплоть до момента строительства Панамского канала, когда шляпа получила мировую известность и стала называться панамской.

Для создания панамской шляпы используются особым способом вымоченные, высушенные и отбеленные волокна карлюдовики пальмовидной (*Carludovica palmata*), что делает хипихапу целиком и полностью ремес-

¹ Tejido del sombrero de paja toquilla. Patrimonio Cultural Inmaterial de la Humanidad. Instituto Nacional de Patrimonio Cultural Ecuador. 2012. URL: <https://amevirtual.gob.ec/wp-content/uploads/2018/04/Folleto-manibi-sombrero.pdf> (accessed: 23.01.2023).

ленным изделием. Любопытно название вышеупомянутого растения. Оно получило имя в честь испанской королевской четы, Карла IV (Carlos IV, 1788 – 1808) и его супруги королевы Марии-Луизы, которые способствовали созданию ремесленных артелей, в том числе занимающихся плетением из листьев *Carludovica palmata*, и отменили для них непосильные налоги. Сложность и трудоёмкость плетения, благодаря которому рождается элегантный аксессуар, пользующийся популярностью по всему миру, определяют сроки его изготовления. На создание одной панамской шляпы уходит от 4 до 6 месяцев кропотливого труда. При этом ремесленник не может помогать своей семье в сельском хозяйстве, поскольку от тяжёлой работы чувствительность подушечек пальцев, необходимая для плетения, теряется. Ношение хипихапы является не просто традицией для эквадорцев. Это символ общности нации, дань уважения предкам и людям, которые посвящают свою жизнь плетению шляп, передавая свои знания из поколения в поколение.

Даже тот, кто никогда не был в Боливии, без сомнения узнает по шляпе её коренных обитателей. Прообразом знаменитой боливийской шляпы стал котелок, который впервые увидел свет в Лондоне в 1849 г. Он стал визитной карточкой многих знаменитостей. Среди прочих он украшал головы Чарли Чаплина и Уинстона Черчилля. В конце XIX в. котелки стали появляться в Боливии благодаря английским строителям железных дорог. Согласно легенде, котелки, произведённые в Англии, оказались малы местным мужчинам. (По другой легенде, бракованная партия поступила из Италии). Поэтому находчивые предприниматели, чтобы распродать большую партию, создали рекламную кампанию, которая рассказывала о том, как женщины в Европе наравне с мужчинами носят котелки. Реклама, разумеется, подействовала, и модницы боливийской столицы, большей частью испанского происхождения, начали носить котелок. Со временем распространился слух о том, что женщины, которые носят котелок, не имеют проблем с зачатием, и «мода» стала повсеместной. Котелки стали носить и чолитас (*cholitas*) – местные метиски. Смесь кровей, культур, религий естественным образом отразилась в одежде, и костюм их стал узнаваем по всему миру: разноцветные шали и юбки – наследие Анд – и котелки – подарок Европы. Таким интересным образом головной убор, который распространился как модный аксессуар, в силу культурного взаимодействия двух континентов стал частью национального костюма.

Чолита

Шляпы чолит стоят недёшево, поэтому их обладательницы заботятся об их чистоте и сохранности. Процесс украшения шляпы является для

чолит способом самовыражения. Интересно, что положение котелка на голове говорит о семейном статусе хозяйки. Располагая шляпу по центру головы, чола сигнализирует о том, что она замужем. Если же женщина не замужем или овдовела, то шляпу сдвигают набок².

Головной убор не только служит элементом, позволяющим определить национальную принадлежность, как мы отмечали выше, но также может заключать в себе информацию о происхождении его обладателя на уровне местности внутри самой страны. Так, например, по сомбреро можно безошибочно определить среди прочих латиноамериканцев мексиканца. Однако мало кто знает, что форма сомбреро также говорит о многом.

Сомбреро – это традиционная мексиканская шляпа с широкими полями, которую в большинстве своём носят крестьяне и представители среднего класса. Некоторые мексиканцы носят сомбреро по праздникам. Сомбреро обладает превосходной защитной функцией, оберегая своего обладателя от знойных солнечных лучей. Сомбреро, или харано, носят и женщины, хотя в основном его используют всё-таки мужчины. Шляпа в мексиканской культуре, как и во многих других, олицетворяет образ жизни народа.

История сомбреро вызывает много споров. В настоящее время слово «сомбреро» ассоциируется у большинства именно с мексиканским головным убором с широкими полями, однако история сомбреро начинается

Кордовская шляпа

в Испании. Уже в XVII в. испанцы носили «sombrero cordobés», кордовскую шляпу, другими словами, шляпу с очень широкими полями. О том, кто же «установил моду» на подобного рода головные уборы в Мексике, нет единого мнения. Одни считают, что сомбреро начали производить метисы, работавшие на юге США и в Мексике, другие, что широкополая шляпа распространилась благодаря всадникам из Гвадалахары, столицы штата Халиско. Третьи убеждены, что именно техасские ковбои первыми использовали в Северной Америке испанские шляпы такого дизайна, чтобы избежать

солнечных ожогов. Следует упомянуть, что сомбреро также распространено в Колумбии, особенно среди представителей народа сену, но колумбийское сомбреро обладает рядом отличительных особенностей, о которых речь пойдёт ниже. Примечательно, что филиппинцы также используют сомбреро. Традиция эта появилась под влиянием торговых отношений между

² Conoce la historia detrás de los sombreros típicos de Bolivia que usan las cholitas. Univision noticias. 02.10.2017. URL: <https://www.univision.com/explora/conoce-la-historia-detras-de-los-sombreros-tipicos-de-bolivia-que-usan-las-cholitas> (accessed: 23.01.2023).

Манилой и Акапулько между 1565 и 1815 гг. Здесь уместно заметить, что развитие национального костюма в целом и головного убора в частности является отражением исторического пути народа и некоторым образом позволяет лучше понять отдельные процессы эволюции культуры, взаимодействия народов на определённом этапе.

Сомбреро чарро начинает свою историю в Сан-Луис-Потоси, где чичимеки производят его из листьев пальмы. В наши дни чарро делают из фетра, ржаной соломы и кроличьей кожи. Это сомбреро носят пастухи, которых также называют чарро (charro). Отличительными особенностями чарро являются четыре углубления в тулье, а также широкие поля, сильно приподнятые с задней стороны. Крестьянская шляпа чарро, наверное, является наиболее известной во всём мире разновидностью сомбреро благодаря её популяризации в кино. Однако это вовсе не означает, что только она популярна среди мексиканцев. Разнообразие форм мексиканского сомбреро определяется климатическими и географическими особенностями той или иной местности, однако всех их объединяет то, что они являются продуктом ремесленного производства.

Сомбреро чарро

В красивом местечке Бекаль на севере от Кампече создаётся знаковая мексиканская хипихапа. Как гласит легенда, первая шляпа из растительного волокна была сделана здесь в 1872 г. С этого времени сотни местных семей сделали своим бизнесом создание таких шляп, которые стали продаваться по всей стране. Хипихапа имеет окантовку из чёрной ленты, которая выделяет её из других сомбреро.

Сомбреро калентано (calentano - живущий в тёплых краях) типичны для штатов Мичоакан, Герреро и Мехико, которые славятся своим жарким климатом. Производство калентано зародилось в селении Тлапеуала в Герреро. Там местные умельцы начали мастерить шляпу из королевской пальмы. Её тулья высокая и прямая, в то время как широкие поля стремятся вверх к характерной чёрной ленте.

Техасское сомбреро распространено на севере Мексики. Его изготавливают из вельвета, шкуры кролика, шиншиллы или бобра. Этот вид сомбреро называют ещё «нортеньо», и он является характерным для любителей музыки в стиле кантри.

Сомбреро харочо носят в Веракрусе. От других сомбреро харочо отличается форма тульи с четырьмя углублениями. Харочо принято украшать перьями, разноцветными или чёрными лентами. Высокую концентрацию веракрусцев в харочо можно заметить на танцах и празднествах, которые проходят непременно под аккомпанемент музыки в одноимённом жанре.

Сомбреро костеньо или «прибрежное сомбреро» традиционно производится и используется в Герреро. Его часто можно заметить на головах музыкантов, политиков и крестьян. Оно сделано из очень плотных листьев пальмы, что делает такого рода шляпу устойчивой к любым капризам погоды. Его поля широкие, толстые и полукруглые. В нём также предусмотрены отверстия для вентиляции.

Сомбреро являются не только инструментом самоидентификации мексиканцев как носителей своей национальной культуры, но также несут в себе функцию определения классовой принадлежности. Крестьяне могут позволить себе лишь недорогие соломенные шляпы, в то время как богатые люди выбирают их аналоги из фетра.

Колумбийцы также выбрали в качестве национальной шляпы сомбреро, но их буэльтияо имеет ряд отличительных особенностей и, конечно, свою неповторимую историю. Корни этой истории следует искать в муниципалитете Тучин, в котором находится резервация индейцев сену.

Для сену сохранение искусства создания сомбреро – это символ противостояния агрессивному навязыванию чужой культуры, которое началось в эпоху конкисты и продолжается и по сей день. Традиция плетения – настоящая гордость индейцев, отражение их самобытности и самодостаточности. Это, к сожалению, пожалуй, то немногое, что удалось сохранить индейцам от своих далёких предков.

Сомбреро буэльтияо изготавливают из волокон, полученных из листьев тростника вида гинериум стреловидный (*Gynerium sagittatum*) или са́а флеча. Легенда гласит, что когда-то все шляпы индейцев сену были белыми. Но со временем шляпы стали расписывать, чтобы отличить одну семью от другой. В наше время существует более 1000 специфических рисунков. Раньше, когда сену заключали брак, они не объединяли рисунки на шляпах, а создавали новый. Рисунки эти символичны. В них зашифрованы индейские имена: черепаший глаз, рыбий глаз, ослиный зуб, зуб агути, цветок маракуйи. Видно, что рисунки имеют тесную связь с местной флорой и фауной. Процесс метисации почти полностью уничтожил эту красивую традицию. В Тучине всего 8 семей имеют свой собственный рисунок на шляпах. Но сами узоры сохранились. И это неким образом восполняет горькую утрату индейцами сену собственного языка. Сомбреро буэльтияо было признано культурным символом нации на законодательном уровне в 2004 г.

В Перу летом 2021 г. жители увлечённо следили за инаугурацией своего нового президента. Церемония изобиловала знаками, понятными как для самих перуанцев, так и для латиноамериканцев в целом. Символично был выбран день инаугурации, который совпал с днём провозглашения независимости Перу от испанского владычества – 28 июля 1821 г. Символичен был и образ Педро Кастильо (Pedro Castillo, 2021 – 2022): костюм с этническими элементами, похожими на одежду президента Боливии Эво Моралеса (Evo

Бывший президент Перу Педро Кастильо
в сомбреро чотано

ведливость в стране. В том же году всё в той же шляпе Кастильо выступил с речью на заседании ООН, подчеркнув необходимость борьбы за права и свободы всех без исключения людей, за уважение к коренным индейским народам.

Головной убор П. Кастильо небезосновательно напоминает знаменитую шляпу легендарного никарагуанского революционера Аугусто Сандино (Augusto C. Sandino, 1895 – 1934), который в 1926 г. поднял восстание против проамериканского правительства, в результате которого войска США в 1933 г. были вынуждены покинуть страну. Образ национального героя Сандино впоследствии стал символом борьбы против диктатуры клана Сомоса, вылившейся в Сандинистскую революцию 1979 г., результатом которой стало свержение режима диктатора Анастасио Сомосы (Anastasio Somoza Debayle, 1967 – 1972, 1974 – 1979). На немногих уцелевших изображениях, позже широко растиражированных, Сандино неизменно предстаёт в шляпе, которая сама по себе является и по сей день символом сопротивления и борьбы против колониальной политики, проводимой США в странах Латинской Америки с конца XIX в.

В случае со шляпой президента П. Кастильо мы наблюдаем два параллельных семиозиса. Первый заключается в том, что шляпа из инструмента самоидентификации жителей определённой местности Перу превращается в символ единения всех коренных перуанских народов. Линия второго семи-

Morales, 2006 – 2019), и, конечно, шляпа (sombbrero chotano или bambamarquino), типичная для региона Кахамарка, подчёркивавшая крестьянское происхождение нового президента. Своим внешним видом он как бы подкреплял клятву верности, обращённую к братьям из коренных народов Перу: кечуа, аймара, шипибо, конибо и др., своё намерение отстаивать их интересы, восстановить социальную справедливость в стране.

Герой повстанческого движения
Никарагуа Аугусто Сандино
(1895 – 1934 гг.)

отического процесса заставляет воспринимать головной убор не как некий национальный знак, а как символ, объединяющий все латиноамериканские народы в своей борьбе за независимость и самобытность.

* * *

Костюм в целом и головной убор в частности концентрированно выражает мироощущение и мировоззрение народа. Он является неким культурным метазнаком, посредством которого происходит передача духовных ценностей и сохраняется механизм этнокультурной самоидентификации народа. Костюм, наряду с религией, философией, наукой, правом, как часть народного искусства, является формой общественного сознания. Как и другие формы общественного сознания, он отражает действительность, но особым способом, являясь носителем как национальных, так и личных, а также классовых культурных значений.

Развитие традиционного головного убора следует изучать как в разрезе внутриэтнического взаимодействия, так и с учётом влияния иноэтнических элементов. Национальный головной убор на обширных пространствах Латинской Америки выступает как средство общения. Он не только несёт большое количество информации, способствующее взаимопониманию людей внутри этноса и между разными латиноамериканскими народами, но и гарантирует преемственность исторического и художественного опыта от поколения к поколению. А это значит, что наряду с эстетической, познавательной, политической и прочими функциями следует особо выделить его воспитательную функцию.

Список литературы:

Андросова Э.М. (2006) *Социокультурные основы восприятия цвета в костюме как проявление национального своеобразия: историко-культурный контекст*. Дис. ... канд. культурологии. Челябинск. 179 с.

Вардугин В.И. (2001) *Русская одежда: история народного костюма от скифских до советских времен*. Дет. книга, Саратов. 352 с.

Войтеховская Т.В. (2008) *Белорусский народный костюм: особенности развития*. Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. № 10. С. 38-42.

Исенко С.П. (1999) *Этнокостюмология в контексте современной культуры*. Дис. ... д-ра культурологии. Москва. 373 с.

Каримова Р.Р. (2010) *Элементы убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация)*. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа. 205 с.

Митрягина Т.А. (2005) *Русский народный костюм как ценностно-культурная парадигма*. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород. 23 с.

Якушев С.В. (2007) *Национальный костюм центральной Руси в период формирования единого российского государства как выражение российских цивилизационных особенностей (вторая половина XIV - первая половина XV вв.)*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва. 28 с.

Chiluiza García V.H., Rodríguez Santos M.I. (2003) *El sombrero de paja toquilla como atractivo cultural y su propuesta: la ruta del sombrero*. Tesis de grado, Guayaquil, Ecuador.

References:

Androsova E.M. (2006) *Sotsiokul'turnye osnovy vospriyatiya tsveta v kostyume kak proyavlenie natsional'nogo svoeobraziya: istoriko-kul'turnyi kontekst* [Sociocultural foundations of color perception in a suit as a manifestation of national originality: historical and cultural context], PhD. Thesis, Chelyabinsk, Russia. (In Russian)

Vardugin V.I. (2001) *Russkaya odezhda: istoriya narodnogo kostyuma ot skifskikh do sovetskikh vremen* [Russian clothes: the story of the dress from Scythian to Soviet times], Det. kniga, Saratov, Russia. (In Russian)

Voitehovskaya T.V. (2008) *Belorusskii narodnyi kostyum: osobennosti razvitiya* [Belarusian folk costume: features of development], *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no.10, pp. 38-42. (In Russian)

Isenko S.P. (1999) *Etnokostyumologiya v kontekste sovremennoi kul'tury* [Ethnocostumology in the context of modern culture], D. Sc. Thesis, Moscow, Russia. (In Russian)

Karimova R.R. (2010) *Elementy ubranstva i aksessuary kostyuma kochevnikov Zolotoi Ordy (tipologiya i sotsiokul'turnaya interpretatsiya)* [Elements of decoration and accessories of the costume of the nomads of the Golden Horde (typology and sociocultural interpretation)], PhD. Thesis, Ufa, Russia. (In Russian)

Mitryagina T.A. (2005) *Russkii narodnyi kostyum kak tsennostno-kul'turnaya paradigma* [Russian folk costume as a value-cultural paradigm], Abstract of PhD. dissertation, Belgorod, Russia. (In Russian)

Yakushev S.V. (2007) *Natsional'nyi kostyum tsentral'noi Rusi v period formirovaniya edinogo rossiiskogo gosudarstva kak vyrazhenie rossiiskikh tsivilizatsionnykh osobennostei (vtoraya polovina XIV - pervaya polovina XV vv.)* [National costume of central Russia during the formation of a single Russian state as an expression of Russian civilizational features (the second half of the XIV - the first half of the XV centuries)], Abstract of PhD. dissertation, Moscow, Russia. (In Russian)

Chiluiza García V.H., Rodríguez Santos M.I. (2003) *El sombrero de paja toquilla como atractivo cultural y su propuesta: la ruta del sombrero*, Tesis de grado, Guayaquil, Ecuador.

Русский след в причудливой мозаике аргентинской идентичности

© Д.В. Рыкова, 2023

Рыкова Дарья Владимировна, атташе Департамента лингвистического обеспечения МИД России, преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД России.

119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34

119454, Москва, проспект Вернадского, 76

E-mail: daria.v.rykova@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется влияние на Аргентинскую Республику русской иммиграции и деятельности Русской православной церкви Московского Патриархата. Цель статьи – выяснить, какой вклад внесли русские мигранты в формирование и историю аргентинской нации.

С 1881 по 1914 гг. в Аргентину переселилось более чем 4,2 млн мигрантов, на четвертом месте по численности были русские. Доля прибывших к 1914 г. доходила до 30% (3,9% – русские), и Аргентина формировалась как страна иммиграции. Сейчас Аргентина, напротив, превращается в страну эмиграции: наблюдается вызывающий беспокойство отток человеческого капитала. В этом контексте представляется полезным вспомнить и оценить позитивный потенциал русских мигрантов в Аргентине. Методологическую основу статьи составляют индукция, логико-интуитивный метод, метод периодизации, историко-интерпретационный метод, институциональный подход. Рассматривается аргентинская политика по привлечению мигрантов, её причины и ответ на эту политику в виде шести волн миграции в Аргентину из России. Анализируется вклад представителей этих волн в развитие производственной и интеллектуальной сфер жизни Аргентины, влияние иммиграционных потоков на идентичность страны. Проводится анализ исторического и современного влияния Русской православной церкви на религиозное поле Аргентины. Делается вывод о том, что русская миграция способствовала освоению аргентинских земель и становлению сельского хозяйства, развитию культуры и науки, духовному обогащению, внесла вклад в идентичность Аргентины как открытой для мира, полиэтнической и поликультурной страны, высокомерной и недовольной собой. В этом контексте выделяется важная роль Русской православной церкви, которая как исторически сосредотачивала вокруг себя культурную жизнь русской диаспоры, так и на современном этапе предпринимает многочисленные культурные и религиозные инициативы, что способствуют диалогу культур.

Ключевые слова: миграция, Аргентина, идентичность, Русская православная церковь, диаспора, культура

Для цитирования: Рыкова Д.В. (2023) Русский след в причудливой мозаике аргентинской идентичности. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 81–98. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-81-98

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Благодарность: Автор благодарит Астахову Елену Васильевну и Астахова Евгения Михайловича за материалы и советы.

Huella rusa en el peculiar mosaico de la identidad argentina

© D.V. Rykova, 2023

Daria V. Rykova, Agregada del Departamento de la Asistencia Lingüística del Ministerio de Asuntos Exteriores de Rusia, Profesora del Departamento de Español de la MGIMO.

119200, Moscú, Smolenskaya-Sennaya plaza, 32/34

119454, Rusia, Moscú, avenida Vernadsky, 76

E-mail: daria.v.rykova@gmail.com

Resumen. El artículo analiza el impacto de la inmigración rusa y de las actividades de la Iglesia Ortodoxa Rusa en la República Argentina. El objetivo del artículo consiste en evaluar la contribución aportada por los inmigrantes rusos a la formación y la historia de la nación argentina. De 1881 a 1914, más de 4,2 millones de migrantes se trasladaron a Argentina, siendo los rusos el cuarto grupo más numeroso. En 2014, los migrantes constituían un 30% de la población (un 3,9% eran los rusos), y Argentina se estaba consolidando como un país de inmigración. Actualmente, al contrario, Argentina se está convirtiendo en un país de emigración: se observa una preocupante fuga del capital humano. En vista de ello, conviene recordar y valorar el potencial positivo de la inmigración rusa a Argentina. La base metodológica del artículo está integrada por la inducción, el método lógico e intuitivo, el método de periodización, el método histórico e interpretativo y el enfoque institucional. El artículo examina la política argentina encaminada a atraer a migrantes, sus causas y la respuesta a esta política en forma de seis olas migratorias de Rusia hacia Argentina. Se aborda la contribución de los representantes de estas olas al desarrollo de los ámbitos industrial e intelectual argentinos y el impacto de los flujos migratorios en la identidad del país. Se hace un análisis de la influencia histórica y contemporánea de la Iglesia Ortodoxa Rusa en el panorama religioso de Argentina.

Se concluye que la migración rusa contribuyó al desarrollo agrícola y urbano argentino, hizo un aporte a la cultura y la ciencia, enriqueció espiritualmente al país, así como fomentó la identidad de Argentina como un país multiétnico y multicultural, arrogante y autocrítico. La Iglesia Ortodoxa Rusa históricamente ha sido el centro de la vida cultural de la diáspora rusa y en la actualidad realiza numerosas iniciativas que contribuyen al diálogo de culturas.

Palabras clave: migración, Argentina, identidad, Iglesia Ortodoxa Rusa, diáspora, cultura

Para citar: Rykova D.V. (2023) Impacto ruso en el peculiar mosaico de la identidad argentina. *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 81–98. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-81-98

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Agradecimientos: El autor agradece a Elena V. Astakhova y Evgeny M. Astakhov los materiales y consejos.

Russian imprint in the peculiar mosaic of Argentine identity

© D.V. Rykova, 2023

Daria V. Rykova, Attaché of the Department of Linguistic Support of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Lecturer at Spanish language department, Moscow State Institute of International Relations. 119200, Russia, Moscow, Smolenskaya-Sennaya square, 32/34
119454, Russia, Moscow, prospect Vernadskogo, 76
E-mail: daria.v.rykova@gmail.com

Abstract. The article deals with the impact of the Russian immigration and the activities undertaken by the Russian Orthodox Church on the Argentine Republic. The aim of the article is to assess the contribution made by the Russian migrants to the formation and history of the Argentine nation. From 1881 to 1914, more than 4.2 million migrants moved to Argentina, with the Russians being the fourth largest group. By 1914, the migrants accounted for 30% of the population (3.9% were Russians); thus, Argentina was developing as a country of immigration. Today, by contrast, Argentina is becoming a country of emigration, as there is a worrying human capital outflow. Therefore, it is useful to recall and evaluate the positive potential of the Russian migration to Argentina. The methodological basis of the article comprises the induction, the logical intuitive method, the method of periodization, the historical interpretative method and the institutional approach. The article examines Argentina's policy of attracting migrants, its reasons and the response to this policy in the form of six waves of migration from Russia to Argentina. It analyses the contribution of the representatives of the waves to the industrial and intellectual areas in Argentina, and the impact of the immigration flows on the country's identity. It also considers the historical and contemporary influence of the Russian Orthodox Church on the Argentine religious field. It is concluded that the Russian migration contributed to the development of the Argentine rural and urban areas, culture and science, as well as reinforced Argentina's identity as a multi-ethnic and multicultural, arrogant and self-critical country. The Russian Orthodox Church historically has been the centre of the Russian diaspora's cultural life in Argentina, and at present it has undertaken numerous cultural and religious initiatives facilitating the intercultural dialogue.

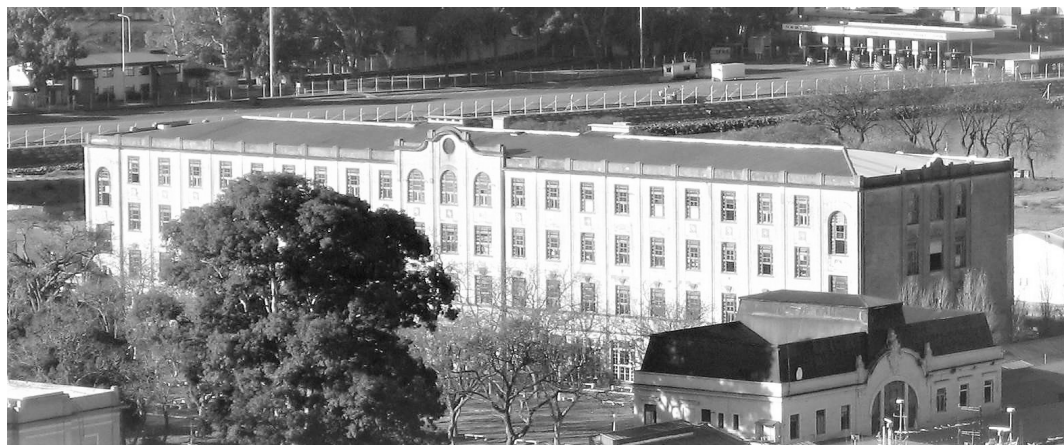
Keywords: migration, Argentina, identity, Russian Orthodox Church, diaspora, culture

For citation: Rykova D.V. (2023) Russian impact in the peculiar mosaic of Argentine identity. *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 81–98. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-81-98

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Acknowledgements: The author expresses her gratitude to Elena V. Astakhova and Evgeny M. Astakhov for materials and advice.

Аргентина – государство, на становление которого серьезное влияние оказала миграция. С 1881 по 1914 гг., в эпоху массовой миграции в Аргентину, в стране поселилось более чем 4,2 млн мигрантов, среди них 2 млн итальянцев, 1,4 млн испанцев, 170 тыс. французов и 160 тыс. русских. К 1914 г. доля прибывших из-за рубежа доходила до 30%, из них 3,9% составляли мигранты из Российской империи¹.

Павильон для иммигрантов в Буэнос-Айресе.
В настоящее время – Национальный музей иммиграции

На современном этапе миграционные тренды в стране кардинально меняются. Доля мигрантов снизилась до 4,2% населения и теперь представлена преимущественно выходцами из соседних латиноамериканских государств: Парагвая, Боливии, Чили, Перу. Аргентина превращается из страны иммиграции в страну эмиграции: 47% аргентинцев, согласно опросам, рассматривают возможность отъезда². Эти изменения вызывают беспокойство, поскольку страну покидает человеческий капитал – тот ресурс, который Аргентина целенаправленно привлекала и благодаря которому развивалась и росла. В то время как в XIX – XX вв. предки современных аргентинцев приезжали в Аргентину и связывали с ней свою судьбу и надежды, неустанно трудясь для будущего блага своих детей и внуков, сейчас их потомки уезжают, «предавая историю своей страны» [Gálvez, 2003: 455]. В этом контексте представляется своевременным вспомнить и проанализировать историю иммиграции, тот вклад, который внесли, в частности, русские мигранты в развитие Аргентины.

¹ IOM Migration Profile for Argentina Reveals a Country in Search of New Horizons. IOM, UN Migration. 10.08.2009. URL: <https://www.iom.int/news/iom-migration-profile-argentina-reveals-country-search-new-horizons> (accessed: 13.02.2023).

² Berensztein S. ¿Se convirtió la Argentina en un país de emigrantes? La Nación. 30.07.2021. URL: <https://www.lanacion.com.ar/opinion/se-convirtio-la-argentina-en-un-pais-de-emigrantes-nid30072021/> (accessed: 13.02.2023).

«Управлять – значит заселять»³

Почему Аргентинская Республика пошла по пути становления в качестве страны иммиграции? В XIX в. в Аргентине при достижении политической и экономической стабильности, обилии земель и природных богатств, ощущалась нехватка рабочей силы. Аргентинские власти хотели «заселить пустыню» [Kleidermacher, González, 2020: 60]. Кроме того, гражданские войны и преобладание скотоводства в экономике не позволяли сформироваться среднему классу – двигателю развития страны, возникала необходимость заполнить и этот вакуум [Gálvez, 2003: 16]. Соответственно, был взят курс на привлечение мигрантов.

В частности, в 1812 г. был принят декрет о содействии иммиграции, предоставивший мигрантам широкие льготы при переезде, гарантировавший им равенство в правах с аргентинцами, освобождавший от воинской повинности. Переселенцы могли взять землю в рассрочку и получить помощь в приобретении скота и орудий [Шейнбаум, 1984: 100]. Даже в Конституции 1953 г. в статье 25 было закреплено обязательство правительства содействовать переселению земледельцев и не ограничивать миграционный приток [Кудеярова, 2017: 78].

Несмотря на щедрые льготы, мигранты столкнулись с серьезными трудностями: они были вынуждены развивать с нуля земледелие в пампе, где местные традиционно занимались только скотоводством, более того, им приходилось бороться с намерениями крупных землевладельцев взять их в батраки на своих хозяйствах [Шейнбаум, 1984: 102]. Из-за взаимного недоверия и незнания возникал антагонизм между мигрантами и местными [Gálvez, 2003: 19].

С 1876 г. и до Первой мировой войны действовал Закон об иммиграции и колонизации, который вводил льготные условия предоставления работы для иммигрантов, облегчал проезд на пассажирских судах [Ермолаев, 1961: 214]. Однако опять же, земельная олигархия препятствовала реализации инициатив, скупая земли для продажи, взвинчивая на них цены, в резуль-

Иммиграция в Аргентину

³ Лозунг аргентинского политического деятеля Хуана Баутиста Альберди (Juan Bautista Alberdi, 1810 – 1884).

тате чего мигранты не могли реализовать свои мечты о земельном наделе, были вынуждены селиться в городах или покидать страну.

Таким образом, в то время как на законодательном уровне миграционная политика благоприятствовала миграции, действительность разительно отличалась от обещанного в документах, правительство не осмеливалось остановить произвол крупных землевладельцев.

С начала XX в. усилились внутриэкономические проблемы, и миграционная политика Аргентины стала более строгой, были приняты, в частности, Закон о пребывании иностранцев и Закон о социальной защите. Тем не менее прописанные в законодательстве льготы сохранялись.

Политику в области содействия миграции проводил президент Аргентины Хуан Доминго Перон (Juan Domingo Perón, 1946 – 1955, 1973 – 1974). В 1948 г. он лично выступил с инициативой по приему 10 тыс. русских, вне зависимости от их возраста и материального положения. Тогда в Аргентину прибыли советские эмигранты, проживавшие до войны в Западной Европе, и бывшие советские военнопленные с территории Германии [Нечаев, 2009: 21].

Во время военной диктатуры (1976 – 1983) миграция была ограничена. Важная инициатива того периода – Закон № 22439 – носила двойной характер: поощряла миграцию и в то же время вводила понятие «нелегального мигранта» и возможность его депортации без права обжалования решения в суде [Аршин, 2021: 54].

В 1990-е гг. Аргентина предоставляла облегченные условия выдачи временного вида на жительство на год с возможностью его продления и затем получения постоянного вида на жительство после 3 лет проживания [Рязанцев, Гребенюк, 2014: 26].

Шесть волн миграции из российского пространства

На фоне аргентинской политики, дружелюбной к переселенцам, подданные Российской империи, граждане Советского Союза и Российской Федерации уезжали в Аргентину в силу внутренних экономических, социальных, политических и идеологических причин.

Первыми в Аргентину начали прибывать немцы-меннониты, которые проживали в России по указу Екатерины II от 1762 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». По религиозным

Семья иммигрантов из России

убеждениям меннониты отказываются брать в руки оружие, поэтому, когда в России в 1874 г. была введена всеобщая воинская повинность, значительное их число переселилось в Аргентину, где она была введена позже, в начале XX в. (к 1910 г. в Аргентине насчитывалось 45 тыс. русских немцев) [Нечаев, 2009: 3].

В Аргентине, традиционно скотоводческой стране, поволжские немцы покупали земельные участки и засевали их зерновыми, в том числе высокоурожайной русской пшеницей и льном, которые впоследствии стали ведущими аргентинскими экспортными продуктами. Немцы-меннониты смогли превратить маленькое поселение Олаваррия в процветающий город и крупный железнодорожный узел. Эти успехи открыли путь для дальнейшей миграции из российского пространства.

Вторая волна миграции берет свое начало с 1890 г., когда в Аргентину устремились подданные еврейской национальности из западных областей Российской империи (к 1914 г. 100 тыс. евреев из России проживало в Аргентине) [Нечаев, 2009: 3]. Их приезд был организован «Обществом для помощи еврейской колонизации», учрежденным в Лондоне в 1891 г. бароном Морисом де Гиршем [Астахов, 2015: 60], который поставил задачу создать ряд обществ, направленных на повышение материального статуса евреев в Европе⁴. Замысел Мориса де Гирша состоял в том, чтобы переселить из России в Аргентину евреев-торговцев, превратив их в земледельцев.

В определенной степени план потерпел неудачу. Несмотря на то, что «обществу» было предписано отбирать для переселения евреев с опытом в сельском хозяйстве, на практике в Аргентину прибывали люди, не способные и не желающие приспособливаться к новым условиям. Многие бросали фермерскую жизнь: из 1333 семей, занятых в фермерстве в начале 1891 г., уже к концу 1891 г. остались 1023 семьи [Зальцберг, 2014: 17].

Однако план Мориса де Гирша принес определенные плоды: были созданы еврейские сельскохозяйственные колонии, и к 1910 г. их площадь охватывала уже 500 тыс. гектаров. По инициативе администратора колонии Люсьенвиль Леона Борисовича Немировского в 1900 г. был основан первый аргентинский сельскохозяйственный кооператив «Primera Sociedad Agrícola Israelita», и кооперативное движение стало распространяться по всей стране [Зальцберг, 2014: 20]. В настоящее время еврейская община в Аргентине насчитывает около 200 тыс. человек и является самой многочисленной в Латинской Америке и одной из крупнейших в мире [Зальцберг, 2014: 20].

Третья волна хлынула в Аргентину в последней четверти XIX в.: русские, белорусы и украинцы из западных областей России отправились в качестве сезонных работников на заработки в Аргентину [Астахов, 2014: 17]. Однако

⁴ Gottheil R., Schwarzfeld E. Jewish Colonization Association. The unedited full-text of the 1906 Jewish Encyclopedia. URL: <http://www.jewishencyclopedia.com/articles/8633-jewish-colonization-association#1068> (accessed: 13.02.2023).

из-за Первой мировой войны и революции 1917 г. трудовые мигранты были вынуждены остаться в Латинской Америке. Если изначально переселенцы обосновывались в сельскохозяйственных районах с тяжелыми условиями жизни, то потом большая часть старалась переехать в крупные города, такие как Буэнос-Айрес.

Четвертая волна была связана с событиями Гражданской войны в России 1917 – 1922 гг. и была де-юре оформлена Декретом советского правительства «О лишении прав граждан некоторых категорий лиц, проживающих за границей» от 05.12.1921 г. Поток мигрантов состоял из людей самого разного происхождения и профессий: студенты, писатели, ученые, помещики, духовенство, военнослужащие белых армий [Сизоненко, 2013: 369]. Селились они преимущественно в столице, где у них была возможность найти работу, соответствующую их положению.

Русская свадьба в сельве, провинция Мисионес.
1925 г.

Пятая волна миграции – послевоенная. С 1945 по 1950 гг. в Аргентину массово бежали бывшие военнопленные из Германии, дезертиры из Красной Армии, опасавшиеся наказания в СССР за «сотрудничество с врагом» [Нечаев, 2009: 21]. Переезжали также проживавшие до войны в Европе русские белые эмигранты, которые после революции поначалу обосновались в Югославии, Болгарии, Чехословакии, Германии и Франции [Курганский, 2009: 5].

В 1950 – 1980-х гг., между пятой и шестой волнами миграции, основным каналом переезда выступал брак: русские девушки выходили замуж за обучающихся в Советском Союзе аргентинских студентов и после выпуска уезжали с ними.

Шестая волна состояла из жителей России и стран постсоветского пространства, которые в 1990-х гг. после распада Советского Союза отправлялись в Аргентину в надежде заработать [Астахов, 2014: 18]. Переселение было организовано фирмами, которые специализировались на отправке русских (преимущественно с Урала, из Сибири и Дальнего Востока) в страны Латинской Америки. Пользуясь правовой неосведомленностью, фирмы нещадно обманывали мигрантов: за немалые деньги продавали годовую визу, выдавая её за вид на жительство, не оказывали содействие при поиске жилья и работы [Рязанцев, Храмова, 2016: 9].

На современном этапе миграцию в Аргентину нельзя назвать приоритетной, что обусловлено удаленностью латиноамериканского региона, культурными, лингвистическими и климатическими различиями. Прибывают отдельные специалисты по контракту (врачи, учителя, инженеры) и родственники соотечественников. Миграции содействует отмена визового режима в 2009 г.

Наблюдается и обратная тенденция – возвращение эмигрантов на Родину. Еще при Н.С. Хрущеве в конце 1950 – 1960-х гг. в Советском Союзе стала проводиться линия на репатриацию. В результате сейчас в Москве проживает около 6 тыс. репатриантов из Аргентины [Нечаев, 2009: 26].

Влияние русской миграции на культуру и науку

Вклад русской миграции в развитие Аргентины не ограничился описанными выше нововведениями в сельском хозяйстве и развитием городов. Заметен был он и в сфере культуры и науки.

Белоэмигранты в Аргентине были представлены целым рядом выдающихся фамилий: в стране проживали и проживают потомки князей Долгоруких, генерала Первой мировой войны, принимавшего отречение Николая II Михаила Васильевича Алексева, русского полководца и государственного деятеля Михаила Илларионовича Кутузова, героя Отечественной войны 1812 г. декабриста Сергея Григорьевича Волконского, предпринимателя и мецената Саввы Ивановича Мамонтова, композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова, художника Александра Николаевича Бенуа, а также потомки последнего канцлера Российской империи, министра иностранных дел Александра Михайловича Горчакова. В Буэнос-Айресе жила и писала свои мемуары великая княгиня, дочь императора Павла I Мария Павловна Романова [Астахов, 2015: 67].

В результате переезда известных людей в Аргентину было привезено немало предметов искусства из России: сейчас в Буэнос-Айресе можно найти картины Зинаиды Евгеньевны Серебряковой, Марка Захаровича Шагала, Константина Алексеевича Коровина и Леона Николаевича Бакста, русские иконы и фарфор. Проживающие в Аргентине потомки последнего фаворита Екатерины II Платона Александровича Зубова передали в аргентинский музей коллекцию русской живописи и изделий из слоновой кости [Астахов, 2015: 67].

Велик вклад русских эмигрантов в развитие науки и промышленности Аргентины. Андрей Владимирович Книрша и Юрий Алексеевич Герцог участвовали в постройке аэродрома Буэнос-Айреса «Эсейса», инженер Богданович руководил постройками Фонда «Эва Перон», а инженер Ракитин работал в ведомстве государственных шоссе. Александр Николаевич Барбицкий участвовал в расчетах постройки высотных зданий и портовых сооружений столицы. Олег Александрович Михно занимался производством аргентинских ракет, в то время как Николай Колдомасов сделал расчеты для здания

Национальной библиотеки Буэнос-Айреса. Военный инженер, специалист в области фортификации генерал Алексей Владимирович Шварц преподавал в Высшей Военной Школе Буэнос-Айреса будущему президенту Аргентины Хуану Доминго Перону [Сизоненко, 2013: 370].

Помимо множества талантливых специалистов в инженерной области, в Аргентине работали морской биолог Степан Димитриевич Болтовский, специализирующийся на плотинах учёный Александр Данилевский, биолог Анастасия Ивановна Ракитская [Сизоненко, 2013: 371]. Прибывший в конце XIX в. русский ученый-ботаник Николай Михайлович Альбов провел значительные исследования Огненной Земли [Сизоненко, 2013: 369]. Владимир Викторович Добровольский в 1924 г. возглавил первую аргентинскую экспедицию в Антарктику [Астахов, 2015: 67].

Прибывший в Аргентину в конце 1920-х гг. русский балет заложил балетную традицию, на которой строится работа в театре «Колон» [Сизоненко, 2013: 370], а режиссер и театральный критик Галина Ивановна Толмачева познакомила аргентинцев с театральной системой Станиславского [Астахов, 2015: 67].

На современном этапе, в сравнении со значительным импульсом четвертой волны миграции, потенциал русской диаспоры ограничен. Она представлена средним классом [Fonseca, Rouvinski, 2019], её экономическое, политическое, культурное влияние незначительно. Более того, русская диаспора расколота и недостаточно организована, что связано с историческими различиями и неприязнью между разными волнами миграции («белой миграцией» и «трудовой миграцией»), с нежеланием некоторых волн сохранить идентификацию с русской культурой (поволжские немцы, евреи) или постепенной её потерей в ходе смены поколений.

Тем не менее, говоря об институциональной структуре, можно отметить, что монархическая часть диаспоры выпускает свою русскоязычную газету «Наша страна», а симпатизирующие советскому прошлому мигранты объединены в рамках Федерации Клубов Бывшего СССР Беларуси, Украины и России (FICIBRU), которая включает в себя Клуб Белинского, Клуб Горького и многие другие организации.

Миграция и идентичность

Интенсивные миграционные потоки не могли не оказать влияние на идентичность Аргентины. Миграцию выделяют как второй, наравне с прибытием испанцев, основополагающий фактор, трансформировавший аргентинское общество [Gálvez, 2003: 13]. Изменился облик населения: если до миграции оно было представлено индейцами, испанцами, креолами и мулатами, то после к ним присоединились другие европейские народы (в том числе итальянцы, немцы, французы, шведы, бельгийцы, русские), арабы и евреи. С 1857 по 1930 гг. население увеличивалось вдвое каждые 20 лет [Gálvez, 2003: 13]. В результате Аргентина сформировалась как полиэтническое и поликультурное

государство, сложилось её мозаичное общество, полное разнообразных традиций, верований, обычаев, идей.

Аргентинский философ Виктор Массух выделил три вклада мигрантов (среди них, разумеется, были русские мигранты) в аргентинскую идентичность:

1. создание образа Аргентины как страны, открытой миру, которая принимает тех переселенцев, которые «стремятся возделывать землю, развивать промышленность и заниматься наукой и искусством» [Gálvez, 2003: 22];

2. формирование образа Аргентины как государства, устремленного в будущее, поскольку мигранты делают ставку на будущее благосостояние, разрывают с прошлыми и создают новые традиции;

3. утверждение в Аргентине культурного плюрализма и космополитизма, так как в условиях смешения наций, религий, языков аргентинцы учатся сосуществовать с чужой культурой, у них формируется планетарное мышление [Gálvez, 2003: 22].

Иммиграция способствовала усилению такой черты, приписываемой аргентинцам, как высокомерие. Согласно аргентинской консалтинговой компании Iceberg, 68% латиноамериканцев считают аргентинцев самым высокомерным народом в Латинской Америке⁵. Этот стереотип нашел отражение в шутовском замечании мексиканского юмориста о том, что «лучшая сделка – это купить аргентинца за те деньги, которых он стоит, и продать его за деньги, которых он, по его мнению, стоит»⁶.

Действительно, аргентинцы склонны противопоставлять себя другим латиноамериканцам, гордясь своим европейским происхождением и культурой. Житель Буэнос-Айреса будет очень рад, если его примут за итальянца или француза⁷. Аргентинцы верят, что они лучше других латиноамериканцев, потому что мигранты из Европы привили их обществу такие ценности, как любовь к порядку, стремление к получению образования, ловкость и трудолюбие [Kleidermacher, González, 2020: 61].

Высокомерие связано также с тем, что средний уровень образования в Аргентине выше, чем по региону в целом. В том числе это объясняется проживанием в Буэнос-Айресе самой крупной в Латинской Америке общины евреев и потомков мигрантов других национальностей. Высокий уровень жизни: половина населения идентифицирует себя как средний класс [Kleidermacher, González, 2020: 61].

⁵ Baudino M. ¿Son los argentinos los más arrogantes de América Latina? Iceberg Cultural Intelligence. 12.12.2015. URL: <https://icebergconsulting.wordpress.com/2015/12/12/son-los-argentinos-los-mas-arrogantes-de-america-latina/> (accessed: 13.02.2023).

⁶ de los Reyes I. La obsesión argentina por ser un país normal. BBC Mundo. 03.03.2015. URL: https://www.bbc.com/mundo/noticias/2015/03/150211_fooc_argentina_obsesion_pais_normal_irm (accessed: 13.02.2023).

⁷ Elías J. La extraña fama de los argentinos en el exterior. La Nación. 07.09.1998. URL: <https://www.lanacion.com.ar/el-mundo/la-extrana-fama-de-los-argentinos-en-el-exterior-nid109799/> (accessed: 13.02.2023).

Однако идентичность аргентинцев не так однозначна. Считая себя лучше других и расхваливая свою страну, они также склонны жестко её критиковать, называя себя «ненормальными». Почему? Во-первых, в связи с идеализацией прошлого. Современные аргентинцы воспринимают Аргентину времен массовой европейской иммиграции конца XIX – начала XX вв. как мировую державу, как «европейскую страну в неправильном месте»⁸. По прошествии века, после крушения надежд на ведущую роль Аргентины в результате череды внутренних кризисов этот период прошлого кажется аргентинцам более славным и великим, чем он был на самом деле. Во-вторых, в связи с неправильным проведением сравнения с Европой. Аргентинцы, склонные равняться на Европу, сравнивают себя не с настоящим европейским регионом со всеми его проблемами и кризисами, а с воображаемой Европой, лишенной каких-либо недостатков. Поэтому в этом сравнении они обречены всегда проигрывать.

Соответственно, русские мигранты представляют собой частичку этой мозаики аргентинской идентичности, привносят в нее свои собственные культурные, лингвистические, религиозные особенности, подтверждая образ открытой, нацеленной на будущее, плюралистичной, одновременно высокомерной и недовольной собой Аргентины.

Православие в религиозном поле Аргентины

Аргентина – традиционно католическое государство, где католики составляют 41% населения, евангелисты – 5,5%, лица, не исповедующие религию – 33%. Православные на этом религиозном поле составляют незначительный процент и входят в 1,4% лиц, принадлежащих к другим религиям⁹. Несмотря на эту скромную долю православных верующих среди населения, Русская православная церковь Московского Патриархата (РПЦ МП) в Аргентине вносит свой вклад в культурное разнообразие, расширяет горизонты духовной жизни страны, население которой придает больше значение религии (48% населения, согласно опросам, считают религию важным фактором жизни)¹⁰.

Появление православия в Аргентине тесно связано с прибытием на континент русских переселенцев. Первая православная церковь в Латинской Америке открылась в Буэнос-Айресе в 1888 г. в результате обращения местных православных к Александру III [Нечаев, 2009: 6]. Однако, внешний вид

⁸ de los Reyes I. La obsesión argentina por ser un país normal. BBC Mundo. 03.03.2015. URL: https://www.bbc.com/mundo/noticias/2015/03/150211_fooc_argentina_obsesion_pais_normal_irm (accessed: 13.02.2023).

⁹ Romero T. Argentina: religion affiliation share 2020, by type. Statista. 21.06.2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1066875/religious-affiliation-argentina/> (accessed: 13.02.2023).

¹⁰ Marshall J. World's most committed Christians live in Africa, Latin America - and the U.S. Pew Research Center. 22.08.2018. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/08/22/the-worlds-most-committed-christians-live-in-africa-latin-america-and-the-u-s/> (accessed: 13.02.2023).

церкви, занимавшей две небольшие комнаты в частном доме, был неудовлетворительным и требовал дальнейшей постройки православного храма [Архимандрит Августин, 2001: 33].

Ключевую роль в создании первого храма в Латинской Америке сыграл молодой и активный настоятель Константин Гаврилович Изразцов, который лично занимался сбором средств на храм, объезжая с проповедями и воззваниями российские города. В 1889 г. на постройку храма пожертвовали Николай II и другие члены императорской фамилии. В результате, в 1901 г. была освящена Свято-Троицкая церковь в Буэнос-Айресе [Архимандрит Августин, 2001: 34]. Невероятной красоты храм стал центром русской культуры в Аргентине, и сам К.Г. Изразцов занялся культурной деятельностью.

Свято-Троицкий собор в Буэнос-Айресе

Примечательно, что, когда в 1900 г. российская дипломатическая миссия была перенесена из Буэнос-Айреса в Рио-де-Жанейро и в Аргентине некому было представлять интересы русской диаспоры, Свято-Троицкая церковь была де-факто наделена ролью российского представительства. При храме работали потребительская лавка и приют для нуждающихся, велся сбор финансовых средств для помощи бедствующим, была организована библиотека и культурно-просветительский кружок [Архимандрит Августин, 2001: 32-36]. Отдельная дипломатическая миссия России была создана в Аргентине только в 1911 г. [Сизоненко, 2015].

В связи с революционными событиями в России и прибытием на континент белоэмигрантов Свято-Троицкая церковь с 1922 г. перешла под юрисдикцию Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ). С 1922 по 1941 гг. все приходы русской православной церкви в Латинской Америке находились под омофором РПЦЗ.

Начало деятельности Русской православной церкви Московского Патриархата в Аргентине было связано с событиями Второй мировой войны. Нападение Германии на СССР привело к расколу в рядах эмигрантов: одна часть поддержала нацистскую Германию в надежде на её победу над коммунизмом и большевистской Красной Армией, другая встала на сторону Родины – Советского Союза [Сизоненко, 2015]. В Свято-Троицкой церкви по просьбе ряда белоэмигрантов священник выступил с призывом оказать поддержку А. Гитлеру. Этот акт вызвал возмущение и разрыв с церковью патристической части русских мигрантов. В 1943 г. в Советском Союзе было восстановлено патриаршество и появилась возможность создать Аргентинское

викариатство Алеутской и Североамериканской епархии Московского Патриархата, где и стали окормляться эти мигранты. В 1946 г. была учреждена Аргентинская епархия,¹¹ а в 1947 г. был освящен кафедральный Благовещенский собор.

Сейчас в Аргентине действует 12 приходов Аргентинской и Южноамериканской епархии Русской православной церкви Московского патриархата и 13 приходов Южноамериканской епархии Русской православной церкви за рубежом.

Как и в рамках всего латиноамериканского континента, трудности православных епархий в Аргентине связаны, во-первых, с особенностями религиозного поля: распространением протестантизма и неопротестантских сект, сугубо формальным взаимодействием между РПЦ МП и РПЦЗ, существованием раскольников во главе с митрополитом Агафангелом. Так, в Южноамериканской епархии Русской православной церкви за рубежом ушедшие в раскол клирики и миряне составляют большинство¹² и епархия находится в кризисном состоянии, крайне редко проводятся культурные мероприятия.

Во-вторых, сложности работы приходов обусловлены удаленностью Аргентины от России и, следовательно, нехваткой ресурсов: малым количеством икон, церковной утвари, религиозной литературы, священников, переводчиков, редким проведением служб.

Тем не менее деятельность Русской православной церкви Московского Патриархата в Аргентине можно охарактеризовать как активную. В 2008 г. прошли масштабные Дни России в странах Латинской Америки (в том числе в Аргентине) с нашедшими позитивный отклик у публики выступлениями хора Сретенского монастыря и выставкой «Православная Россия», что содействовало взаимообогащению русской и аргентинской культур, знакомству аргентинцев с православием.

При митрополите Аргентинском и Южноамериканском Игнатии (2016–2020) удалось нарастить деятельность РПЦ МП: в Благовещенском соборе в Буэнос-Айресе проводились акция «Ночь в храме» и фестиваль «Право-

Благовещенский кафедральный собор
в Буэнос-Айресе

¹¹ Аргентинская и Южноамериканская епархия. Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <http://www.pravenc.ru/text/75858.html> (accessed: 13.02.2023).

¹² К 15-летию примирения между Московской Патриархией и РПЦЗ: Интервью с епископом Иоанном, Каракасским и Южноамериканским. Южноамериканская епархия РПЦЗ. 17.05.2022. URL: <https://iglesiarius.info/?p=3734> (accessed: 13.02.2023).

славная книга», епархия принимала участие в аргентинском фестивале «Ма-тушка Русь», был создан передвижной лекторий «Духовные основы русской культуры». Еще до пандемии митрополит Игнатий перевел епархиальное взаимодействие в электронный формат, активно вел социальные сети, что позволило решить проблему больших расстояний между приходами. Были открыты богословские интернет-курсы и заложена основа базы испаноязычной литературы «Интернет-семинария». Было создано и активно работает миссионерское общество «Южный крест», оказывающее помощь приходам РПЦ МП в латиноамериканском регионе.

Сейчас при епископе Леониде (с 2020 г.) продолжается реализация инициатив: прошла выставка икон «Святые лики», создан фильм об Александре Невском, епархия участвует в Рождественских чтениях и в фестивале «Я живу Рождеством мира», регулярно встречается молодежная группа епархии¹³.

Важность, которую придает Аргентине Русская православная церковь Московского Патриархата, была продемонстрирована в ходе недавнего визита в Буэнос-Айрес (в феврале 2023 года) делегации Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата во главе с митрополитом Антонием и организации круглого стола «Русская православная церковь и соотечественники». По словам митрополита, Аргентина была выбрана не случайно как место проведения круглого стола, на ее территории располагается центр епархий РПЦ МП и РПЦЗ в Южной Америке и проживает крупнейшая в регионе русская диаспора¹⁴.

Что касается случаев перехода в православие местного населения, в настоящее время они единичны¹⁵ и в большинстве обусловлены заключением смешанных браков с русскими православными, теплой и дружественной атмосферой в православных храмах, влиянием русской культуры и литературы. Невысокий процент переходов в православие

Воскресное богослужение и крещение
в г. Мар-дель-Плата, Аргентина

¹³ Новости епархии. Аргентинская и Южноамериканская епархия РПЦ МП. URL: <http://southamerica.cerkov.ru/category/novosti/> (accessed: 13.02.2023).

¹⁴ Председатель ОБЦС возглавил работу круглого стола, посвященного соработничеству Русской Православной Церкви и соотечественников, проживающих в странах Латинской Америки. Аргентинская и Южноамериканская епархия РПЦ МП. 09.02.2023. URL: <http://southamerica.cerkov.ru/2023/02/09/predsedatel-ovcs-vozglavil-rabotu-kruglogo-stola-posvyashhennogo-sorabotnichestvu-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-i-sootchestvennikov-prozhivayushhih-v-stranax-latinskoj-ameriki/> (accessed: 13.02.2023).

¹⁵ Воскресное богослужение и крещение в Мар-дель-Плата (Аргентина). Аргентинская и Южноамериканская епархия РПЦ МП. 04.11.2021. URL: <http://southamerica.cerkov.ru/2021/11/04/voskresnoe-bogosluzhenie-i-kreshchenie-v-mar-del-plata-argentina/> (accessed: 13.02.2023).

можно объяснить расстановкой приоритетов Русской православной церкви Московского Патриархата, которая в Латинской Америке в первую очередь занимается окормлением уже имеющейся православной паствы и в условиях главенства Римско-католической церкви на континенте не ставит перед собой задачу заниматься прозелитизмом. В этом контексте влияние Русской православной церкви Московского Патриархата на аргентинское общество и культуру преимущественно связано с культурными инициативами РПЦ МП, со знакомством местных с православием, с духовным диалогом.

Таким образом, миграционные процессы из Российского государства со второй трети XIX в. по настоящее время оказали комплексное влияние на становление Аргентины: русские мигранты внесли определенный вклад в развитие сельской местности и городов, в культурный и научно-технический потенциал Аргентины. Деятельность Русской православной церкви Московского Патриархата обогатила её духовную и культурную жизнь. В контексте миграции, в том числе русской, происходило становление идентичности Аргентины как страны, открытой миру, смотрящей в будущее, плюралистичной и космополитичной, высокомерной и недовольной собой.

Список литературы:

- Архимандрит Августин (Никитин) (2001) Русский храм в Буэнос-Айресе. К столетию со времени освящения. *Посев*. № 10. С. 32-36.
- Аршин К. (2021) Миграционная политика Аргентины: современные тенденции. *Латинская Америка*. № 12. С. 50-66.
- Астахов Е.М. (2014) Аргентинская проекция «Русского мира». *Иberoамериканские тетради*. № 3(5). С.14-23.
- Астахов Е.М. (2015) Русский мир в Аргентине. *Латинская Америка*. № 2. С.59-68.
- Ермолаев В.И. (1961) *Очерки истории Аргентины*. Соцэкгиз, Москва. 574 с.
- Зальцберг Э. (2014) Сельскохозяйственные колонии евреев из России в Аргентине. *Заметки по еврейской истории*. № 3(173). С. 15-25.
- Кудярова Н.Ю. (2017) Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: глобализация vs локализация. *Латинская Америка*. № 2. С. 76-91.
- Курганский К.С. (2009) Белая эмиграция в Латинской Америке: попытка сохранения русской культуры, традиционного быта и православной веры (на примере Аргентины и Парагвая). *Культурная жизнь Юга России*. № 4. С. 5-7.
- Нечаев С.Ю. (2009) *Русские в Латинской Америке*. Вече, Москва. 320 с.
- Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. (2014) *Наши за границей: русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию*. Институт социально-политических исследований РАН, Москва. 238 с.
- Рязанцев С.В., Храмова М.Н. (2016) Современное состояние и перспективы русскоговорящих общин в странах Латинской Америки. *Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право*. № 6. С. 5-14.
- Сизоненко А.И. (2013) Русская диаспора в Южной Америке. *Иberoамериканские тетради*. № 1. С.369-373.

Сизоненко А.И. (2015) Россия - Аргентина: юбилейная годовщина. *Латинская Америка*. № 10. С. 20-25.

Шейнбаум Л.С. (1984) *Аргентинский этнос: Этапы формирования и развития*. Наука, Москва. 168 с.

Fonseca B., Rouvinski V. (2019) Los rusos de América Latina. *Military Review. Edición Hispanoamericana*. Segundo Trimestre 2019. P. 59-67.

Gálvez L. (2003) *Historias de inmigración: Testimonios de pasión, amor y arraigo en tierra argentina (1850-1950)*. Grupo Editorial Norma, Buenos Aires, Argentina. 461 p.

Kleidermacher G., González A. (2020) Propuesta teórico-metodológica para analizar las representaciones sobre migrantes y nacionales. *Si Somos Americanos*. Vol. 20, № 2. P. 38-66.

References:

Archimandrite Avgustin (Nikitin) (2001) Russkii khram v Buenos-Airese. K stoletiyu so vremeni osv'yashcheniya [Russian church in Buenos Aires. Marking the centenary of the consecration], *Posev*, no. 10, pp. 32-36. (In Russian)

Arshin K. (2021) Migratsionnaya politika Argentiny: sovremennye tendentsii [Migration policy of Argentina: current trends], *Latin America*, no. 12, pp. 50-66. (In Russian)

Astakhov E.M. (2014) Argentinskaya proektsiya «Russkogo mira» [Argentine projection of the «Russian world»], *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 3, pp. 14-23. (In Russian)

Astakhov E.M. (2015) Russkii mir v Argentine [Russian world in Argentina], *Latin America*, no. 2, pp. 59-68. (In Russian)

Ermolaev V.I. (1961) *Ocherki istorii Argentiny* [Essays of the History of Argentina], Sotsekgiz, Moscow, Russia. (In Russian)

Fonseca B., Rouvinski V. (2019) Los rusos de América Latina, *Military Review. Edición Hispanoamericana*, Segundo Trimestre 2019, pp. 59-67.

Gálvez L. (2003) *Historias de inmigración: Testimonios de pasión, amor y arraigo en tierra argentina (1850-1950)*, Grupo Editorial Norma, Buenos Aires, Argentina.

Kleidermacher G., González A. (2020) Propuesta teórico-metodológica para analizar las representaciones sobre migrantes y nacionales, *Si Somos Americanos*, vol. 20, no. 2, pp. 38-66.

Kudeyarova N.U. (2017) Epokha massovykh migratsii v Latinskoi Amerike: globalizatsiya vs lokalizatsiya [The mass migration epoch in Latin America: globalization vs. localization], *Latin America*, no. 2, pp. 76-91. (In Russian)

Kurganskiy K.S. (2009) Belaya emigratsiya v Latinskoi Amerike: popytka sokhraneniya russkoi kul'tury, traditsionnogo byta i pravoslavnoi very (na primere Argentiny i Paragvaya) [White émigrés in Latin America: an attempt to preserve the Russian culture, traditional life and Orthodox faith (cases of Argentina and Paraguay)], *Cultural life of Southern Russia*, no. 4, pp. 5-7. (In Russian)

Nechaev S.Yu. (2009) *Russkie v Latinskoi Amerike* [Russians in Latin America], Veche, Moscow, Russia. (In Russian)

Ryazanczev S.V., Grebenyuk A.A. (2014) Nashi za granitse: russkie, rossiiane, russkogovoryashchie, sootchestvenniki: rasselenie, integratsiya i vozvratnaya migratsiya v Rossiyu [Our people abroad: Russians, Russian citizens, Russian speakers, compatriots: settlement, integration and repatriation to Russia], Institut sotsial'no-politicheskikh issledovaniy RAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Ryazanczev S.V., Xramova M.N. (2016) Sovremennoe sostoyanie i perspektivy russkogovoryashchikh obshchin v stranakh Latinskoi Ameriki [Current status and prospects of Russian-speaking communities in Latin America], *Nauchnoe obozrenie. Ser. 1. Ekonomika i pravo*, no. 6, pp. 5-14. (In Russian)

Shejnbaum L.S. (1984) Argentinskii etnos: Etapy formirovaniya i razvitiya [Argentine ethnos: Stages of formation and development], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Sizonenko A.I. (2013) Russkaya diaspora v Yuzhnoi Amerike [The Russian diaspora in South America], *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 369-373. (In Russian)

Sizonenko A.I. (2015) Rossiya - Argentina: yubileinaya godovshchina [Russia – Argentina: Anniversary year], *Latin America*, no. 10, pp. 20-25. (In Russian)

Zalcberg È. (2014) Sel'skokhozyaistvennye kolonii evreev iz Rossii v Argentine [Agricultural colonies of the Jews from Russia in Argentina], *Zametki po evreiskoi istorii*, no. 3, pp. 15-25. (In Russian)

Лиссабонское фаду и его изучение в контексте истории Португалии

© М.Е. Кабицкий, 2023

Кабицкий Михаил Евгеньевич, канд. ист. наук, доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и центра социальной антропологии РГГУ. 119192, Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4
125047, Москва, Миусская пл., 6, корп. 2
ORCID: 0000-0003-2878-1067 E-mail: kabitski@yahoo.es

Аннотация. В статье рассматривается лиссабонское фаду и его развитие в историческом контексте и в контексте его научного изучения. Фаду, иногда называемое португальским городским романсом, представляет собой культурный феномен, значение которого далеко выходит за рамки такого определения и вообще за рамки музыкальной сферы. Оно стало важной частью традиционной культуры Португалии, знаковым элементом образа страны, пройдя за свою относительно короткую (чуть менее чем двухвековую) историю несколько фаз эволюции. Возникнув и бытуя на начальном этапе как элемент фольклора городских низов Лиссабона, фаду в дальнейшем подверглось культурной апроприации со стороны аристократии и буржуазии, видевших в нем черты народного духа и выражение менталитета португальцев. С ним, в частности, связывались такие свойства национального характера, которые обобщены в понятии «саудади» – меланхолической или трагической тоски по далекому, недостижимому, часто – ушедшему в прошлое. С другой стороны, фаду подвергалось осуждению и стигматизации как низкий жанр, ассоциирующийся с маргинальными слоями, а также с отсталостью и упадком страны. В первой половине XX в. происходит профессионализация и повышение престижа фаду, оно проникает на театральную сцену, получает популярность у широкой публики, становится известным за рубежом. В значительной мере это происходит благодаря новациям нового поколения авторов и исполнителей, в частности, Алфреду Марсенейру, Эрминии Силвы и Амалии Родригиш, иногда объединяемых под названием «треугольника фаду». Значимость фаду для португальской и мировой культуры была отмечена включением его в 2011 г. в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: фаду, нематериальное наследие, история Португалии, национальная идентичность португальцев

Для цитирования: Кабицкий М.Е. (2023) Лиссабонское фаду и его изучение в контексте истории Португалии. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 99–112. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-99-112

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

O fado de Lisboa e o seu estudo no contexto da história de Portugal

© M.E. Kabitski, 2023

Mikhail E. Kabitski, PhD (História), docente na Universidade Estatal de Moscovo Lomonosov, Faculdade de História, Universidade Estatal Russa de Humanidades, Centro de Antropologia Social. 119192, Russia, Moscovo, Lomonosovsky prospekt, 27, edifício 4
125047, Russia, Moscovo, Miusskaya praça, 6, edifício 2
ORCID: 0000-0003-2878-1067 E-mail: kabitski@yahoo.es

Resumen. No artigo é examinado o fado de Lisboa e o seu desenvolvimento no contexto histórico e no do seu estudo científico. O fado, definido às vezes como romance urbano português, constitui um fenómeno cultural cuja importância ultrapassa de muito os limites desta classificação e em geral o quadro da cultura musical. Virou uma parte importante da cultura tradicional de Portugal, elemento significativo da imagem do país, atravessando durante a sua relativamente breve história várias fases de evolução. Surgindo e existindo na primeira etapa como elemento do folclore das camadas baixas da população lisboeta, foi posteriormente objeto de apropriação cultural por parte da aristocracia e burguesia que viam nele a expressão do espírito do povo, da mentalidade dos portugueses. Com ele, em particular, eram ligados os traços do carácter nacional que costumam ser resumidos no conceito de saudade, ânsia melancólica ou trágica por coisas longínquas, inacessíveis, frequentemente já pertencentes ao passado. Por outro lado, o fado era amiúde condenado e estigmatizado como um género baixo associado com as classes marginais e com o atraso e a decadência do país. Na primeira metade do séc. XX produz-se uma profissionalização do fado e um aumento do seu prestígio, ele penetra no palco teatral, ganha popularidade junto do público mais amplo, fica conhecido no estrangeiro. Em grande medida isto acontece graças às inovações duma nova geração de autores e intérpretes, em particular, de Alfredo Marceneiro, Hermínia Silva e Amália Rodrigues, às vezes reunidos sob a denominação de “triângulo do fado”. A importância do fado para a cultura portuguesa e universal foi reconhecida pela sua inclusão em 2011 na lista do Património imaterial da UNESCO.

Palabras clave: fado, património Imaterial, história de Portugal, identidade nacional dos portugueses

Para citar: Kabitski M.E. (2023) O fado de Lisboa e o seu estudo no contexto da história de Portugal. *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 99–112. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-99-112

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

The Lisbon fado and its study in the context of the history of Portugal

© M.E. Kabitski, 2023

Mikhail E. Kabitski, PhD (History), docent at Moscow Lomonosov State University, Faculty of History, and at Russian State University for Humanities, Centre of Social Anthropology.
119192, Russia, Moscow, Lomonosovsky prospekt, 27, building 4
125047, Russia, Moscow, Miuskaya square, 6, building 2
ORCID: 0000-0003-2878-1067 E-mail: kabitski@yahoo.es

Abstract. Fado, sometimes called Portuguese urban romance, is a cultural phenomenon whose meaning goes far beyond this definition and generally beyond the framework of musical culture at all. It has become an important part of the traditional culture of Portugal, an iconic element of the image of the country, having gone through several phases of evolution in its relatively short (slightly less than two centuries) history. Having arisen and being at the initial stage an element of the folklore of the urban lower classes of Lisbon, fado later underwent cultural appropriation by the aristocracy and the bourgeoisie, who saw in it the features of the national spirit and the expression of the mentality of the Portuguese. In particular, it was associated with such properties of the national character, which are generalised in the concept of «saudade» – melancholic or tragic longing for the distant, unattainable, often gone into the past. On the other hand, fado was condemned and stigmatised as a low genre associated with marginal strata, as well as with the backwardness and decline of the country. In the first half of the 20th century, the professionalisation and prestige of the fado is increasing, it penetrates the theatre scene, grows popular with the general public, becomes famous abroad. To a large extent, this is due to the innovations of a new generation of authors and performers, in particular, Alfredo Marceneiro, Herminia Silva and Amália Rodrigues, sometimes defined as the «fado triangle». The significance of fado for Portuguese and world culture was marked by its inclusion in the UNESCO Intangible Cultural Heritage List in 2011.

Keywords: fado, intangible heritage, history of Portugal, national identity of the Portuguese

For citation: Kabitski M.E. (2023) The Lisbon fado and its study in the context of the history of Portugal. *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 99–112. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-99-112

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Фаду – яркое и самобытное явление португальской культуры, которое уже давно рассматривается в Португалии как выражение национального духа народа, по сути как важный символ, составная часть образа страны, образа португальской культуры.

Постепенно оно стало известным и за пределами Португалии и в последнее время получает все большее признание в мире. Крупнейшие фадисты (исполнители фаду) пользуются растущей популярностью в самых разных странах, появляются фадисты-иностранцы, а в 2011 г. фаду было включено ЮНЕСКО в список нематериального культурного наследия человечества.

Однако не всегда фаду встречало такое признание. В нашей стране, например, еще встречается ошибочное представление о фаду как о веселом танце (!), возникшее, вероятно, на почве неверной интерпретации песни из кинофильма «Возраст любви» (*La edad del amor*, 1954) в исполнении Л. Торрес. Но и в самой Португалии долгое время фаду, хотя и было, конечно, лучше известно, встречало гораздо менее позитивное восприятие. Какое же место занимает это явление в новейшей культурной истории страны и с чем связаны разные подходы и подчас полярные оценки феномена фаду в разное время у разных авторов? Для понимания ответов на эти вопросы обратимся к сути и эволюции фаду в XIX – XX вв. и начале нового века.

Прежде всего следует отметить, что, когда фаду для простоты определяют как «португальский городской романс», такое определение грешит чрезмерно общим характером и неточностью. Во-первых, фаду – явление, возникшее не вообще в португальской городской культуре, а именно в Лиссабоне¹, с которым оно тесно связано (как говорится в одном фаду, «нет Лиссабона без фаду, нет фаду без Лиссабона»). Во-вторых, оно исключительно своеобразно по своим музыкальным и поэтическим особенностям. Наконец, в-третьих, его своеобразие состоит также в особенностях его бытования, в его роли и месте в социокультурной жизни Португалии.

Изучение фаду позволяет также переосмыслить некоторые привычные представления и взгляды на явления культуры, в частности, конкретно культуры традиционной. Принято считать, что традиция предполагает многовековую передачу некоего неизменного достояния. Не раз высказывалась также мысль, что культурные явления возникают в «высокой» культуре элит, «спускаются» в народ, где хранятся и передаются от поколения к поколению в застывшем виде.

В этом отношении фаду представляет собой явление неожиданное и в чем-то парадоксальное, так что видный португальский этнолог Ж. Пайш ди Бриту называет его «ярким примером того, как слово “традиция” может обозначать нечто неточное и неоднозначное» [Brito, 1991: 165]. Ведь вопре-

¹ И в другой, очень отличной форме – в Коимбре.

ки описанным выше представлениям, здесь мы имеем дело с элементом, который именно в народной культуре возник, распространялся, изменялся и лишь с проникновением в «высокую» культуру постепенно рафинировался и кристаллизовался, став «классикой». Точнее сказать, история фаду – это история многочисленных «снижений и поднятий», причем история относительно недолгая (этому явлению нет и 200 лет).

Возникновение его датируется довольно точно – в конце 30-х – 40-х гг. XIX в. фаду в современном смысле слова уже исполнялось среди лиссабонской городской бедноты. Надо отметить, что фаду – изначально музыка именно низших (зачастую маргинальных) слоев населения Лиссабона. А Лиссабон в Португалии занимает совершенно особое место. Это не просто столица, а единственный действительно крупный город (глобальный город по современной классификации) в маленькой стране². В португальской колониальной империи первой половины XIX в. – это ворота метрополии, ведущие в африканские, азиатские колонии и в Бразилию, ставшую независимой лишь за несколько лет до этого.

Почти все исследователи фаду так или иначе обращаются к теме его происхождения, и хотя единого решения этого вопроса нет, большинство признает влияния трех частей света: Европы, Африки и Америки. Один из первых португальских этнографов Теофилу Брага склонялся к арабской версии, однако более популярна версия (вторичного) импорта из Бразилии таких форм как *модинья* и *лундун*. Модинья была очень популярна в аристократических кругах конца XVIII – первой половины XIX вв. Затем она популяризируется, «спускается в народ» и исчезает в Португалии, но сохраняется в Бразилии. Калдашу Барбозе (Caldas Barbosa, 1740 – 1800), сыну португальца и ангольской рабыни, приписывается соединение модиньи и «нежного плачущего лундуна» (*doce lundum chorado*). Лундун – это танец, сопровождаемый пением, который некоторые считают первой афро-бразильской фольклорной формой, предшественником самбы.

Таким образом, разные версии происхождения фаду признают влияние культур других частей света, хотя как таковое оно складывается уже в Лиссабоне, в его народных кварталах, таких как Моурария, Алфамы, Мадрагоа и Байрру-Алту. Здесь его исполняют как грустную меланхоличную песню под аккомпанемент португальской гитары – похожего на мандолину инструмента, известного в стране задолго до этого, но затем ставшего символом фаду. В дальнейшем наиболее типичным становится исполнение фаду под аккомпанемент так называемой *парельи* (*parelha*) – дословно «пары», состоящей из португальской и классической гитары (*viola*).

² Население Большого Лиссабона составляет сегодня более четверти населения Португалии.

К периоду появления фаду (30-е – 40-е гг. XIX в.) относится также деятельность одной из первых известных фадисток – Марии Северы (Maria Severa Onofriana, 1820 – 1846). Эта фигура воплощает в себе все то, что характерно для раннего фаду: маргинальность (ее отец был цыганом, мать занималась проституцией), социальное неблагополучие и трагическую судьбу (в совсем молодом возрасте певица умерла в нищете от туберкулеза), но также и еще одну черту, ставшую в дальнейшем характерной – благодаря своей связи с аристократом графом Вимиозу (Francisco de Paula de Portugal e Castro, 13° Conde de Vimioso, 1817 – 1865) Севера стала первым примером проникновения фаду в высшие слои общества.

Именно это явление впервые отметил исследователь фаду Пинту ди Карвалью как проявление нового этапа его истории [Carvalho, 1982: 93]. Если первую половину XIX в., время Северы, он определяет как «стихийный народный период», то во второй половине столетия фаду приобретает популярность в привилегированных кругах общества, происходит его своеобразное «присвоение» представителями социальных верхов, такими как граф Вимиозу и другие аристократы-*мариалвы*³.

Вообще в то время в образованных и имущих слоях возрос романтический интерес к народу, поиски «экзотики дома» [Brito, 2006: 27]. В особенности это стало характерно после 1890 г., когда в условиях ультиматума со стороны Великобритании, воспринятого в Португалии как национальное унижение, усилились патриотические и националистические настроения, обострились дискуссии об исторической судьбе португальского народа [Кабичкий, 2015: 374].

«Португальскость», народность воплощалась, в частности, в фольклорных элементах, явлениях народной культуры. Исследователи отмечают, что те сферы жизни, где аристократы вступали в контакт с народом: верховая езда, корриды, так называемые *эшперы* (традиция встречать утром быков, пригоняемых в город, и дразнить их) – все это часто становится темой фаду. Но также его героями остаются городские низы: торговки, матросы, уличные мальчишки и пр. При этом низкое происхождение фаду и его персонажей даже акцентируется, так как это привлекает, создавая определенный ореол экзотики.

Появляются партитуры фаду для фортепьяно (очевидно, что среди народных низов спроса на них быть не могло). Аристократы и буржуа учатся играть на португальской гитаре; издаются самоучители (так называемые *métodos*). Например, автором одного из них был народный виртуоз гита-

³ Так называли в Португалии представителей высшего сословия, интересовавшихся ради развлечения теми или иными (обычно наиболее яркими и живописными) элементами народной культуры, по имени одного из них – маркиза Мариалвы.

рист Жуан-Мария дуз Анжуш (João Maria dos Anjos, 1856 – 1889). Он давал уроки гитары самому королю Карлу (Карлушу) I (Carlos I, 1863 – 1908)⁴.

Фаду появляется сначала в «ретиру» (retiros) – своего рода загородных «клубах» для отдыха. Потом возникают уже постоянные и расположенные в городе «типичные дома» (casas típicas), в дальнейшем эволюционировавшие в дома фаду.

Уже не только народные сочинители, но и представители «высокой» культуры пишут тексты и музыку для фаду. В наше время в репертуаре фадиста редко можно встретить пометку «composição popular» (музыка/слова народные), большинство фаду – авторские.

Гитаристы («парелья») и певица («кантадейра») в «Доме фаду»

Однако в конце XIX – начале XX вв. уже усиливается противоположная тенденция (мы говорим «усиливается», так как она всегда присутствовала) – негативная, стигматизирующая. «Фадист» может быть ругательным словом. Одна из первых вспышек острых идейных дискуссий второй половине XIX в. – т. н. «Коимбрский вопрос» 1870 г. – была связана в частности, с выступлением молодых поэтов против мэтра Антониу Фелисиану ди Каштилью (António Feliciano de Castilho, 1800 – 1875), который писал, в том числе, тексты для фаду. Также характерно неприятие прогрессивными литераторами (позиционировавшими себя как представителей передовых идей в политике и культуре) творчества Жулиу Данташа (Júlio Dantas, 1876 – 1962) (автора пьесы «Севера»⁵, во многом благодаря которой трагическая фигура ранней фадистики стала легендарной).

Особое место в осмыслении фаду в контексте истории и культуры португальского народа занимает этнограф и публицист Роша Пейшоту и его очерк «Жестокое и печальное фаду» [Reixoto, 1997: 332]⁶. Определяя португальцев как «единственный народ, воспевающий судьбу» или «поющий фаду» (que canta o fado), автор использует это понятие как ключевое для характеристики национального менталитета. Инертность, суеверие, фа-

⁴ В связи с этим нельзя не вспомнить фаду «Человек, закутанный в плащ» (Embuçado), повествующее о том, как незнакомец регулярно посещал заведение, где исполнялось фаду. И когда от всех присутствующих потребовали открыть лицо, оказалось, что это никто иной как король.

⁵ Dantas J. A Severa. Lisboa. Kessinger. 1901.

⁶ «O cruel e triste fado», можно перевести и как «жестокая и печальная судьба».

тализм – вот черты, которые он снова и снова подмечает в невеселых раздумьях об исторической судьбе португальцев. Финальным аккордом становится рассказ о встрече с фадистами – неприглядного вида людьми, которые заунывно тянули нестройными голосами банальный куплет. Р. Пейшоту подытоживает символической и печальной фразой: «Это родина проходит».

Португальские интеллектуалы конца XIX – начала XX вв. все глубже осознавали отсталость, слабость страны, недостаточную успешность попыток модернизации; первоначальный романтический взгляд на народ и его культуру уступал место гораздо более мрачному и пессимистичному восприятию [Leal, 1995: 126-127].

Существенными для восприятия фаду стали идеи другого видного мыслителя и публициста начала века – Тейшейры ди Пашкуайша. Благодаря ему утвердилось представление о связи фаду с *саудади* (saudade) – ключевым понятием национального менталитета португальцев, своеобразной ностальгией, тоской о несбыточном, недостижимом, возможно, навсегда утраченном [Pascoaes, 1988]. Конечно, и раньше саудади постоянно упоминалось в контексте фаду, но это относилось к личным переживаниям героев, а теперь оно становится общим местом, символом национального характера. «Фаду и саудади соединились, чтобы упрочить нашу национальную идентичность», – пишет современная исследовательница [Silvestre, 2015: 11; Торощина, 2015a]⁷.

Неоднозначный взгляд на фаду проявился и в изобразительном искусстве. Прежде всего надо упомянуть картину художника Жозе Мальоа (José Malhoa, 1855 – 1933) «Фаду» (1910), «самую португальскую из картин, написанных маслом», как говорится в посвященном ей «Фаду Мальоа». Это популярное изображение многократно обыгрывалось в афишах, гравюрах, даже в традиционных изречениях (азулежу). Как пишет Т.П. Каптерева, «Мальоа лишил образ фаду романтического ореола, как бы снизил сюжет до бытового и плебейского уровня, обнажил его незатейливую простонародную стихию» [Каптерева, 1990: 332]. Можно сопоставить с этой трактовкой и работу

Фадисты.

Гравюра Рафаэла Бордалу Пиньейру

⁷ Специально рассматривает концепт «саудади» применительно к фаду Т.Г. Торощина.

известного графика и карикатуриста Рафаэла Бордалу Пиньейру (Rafael Bordalo Pinheiro, 1846–1905) «Фадисты», который показывает своих персонажей без прикрас, иронично, но не зло. Такой образ фаду традиционен, но любопытно то, что как раз в это время он начинает уходить в прошлое.

Упомянутая выше монография Пинту ди Карвалью «История фаду» была издана первый раз в 1903 г. Поэтому автор не имел возможности рассмотреть те изменения, которые происходят с фаду в первой половине XX в. В продолжение двух выделенных им периодов мы сегодня можем добавить применительно к этому времени третий период – профессионализации. Личность фадиста и занятие фаду приобретает больший социальный престиж. Авторы музыки и текстов фаду перестают быть анонимными. И если известнейший народный композитор, поэт и импровизатор Фредериду ди Бриту (Бритинью) (Frederico de Brito, 1894 – 1977) зарабатывал себе на жизнь как таксист, то его современник поэт Жуан Линьяриш Барбоза (João Linhares Barbosa, 1893 – 1965) гордился тем, что получает по 30 эскудо за текст.

В процессе профессионализации важное место занимает так называемый «Треугольник фаду»: Алфреду Марсенею (Alfredo Marceneiro, 1891 – 1982), Эрминия Силва (Hermínia Silva, 1907 – 1993) и Амалия Родригиш (Amália Rodrigues, 1920 – 1999). С деятельностью этих фадистов связан ряд поворотных моментов в репертуаре, музыкальной стороне и общественном признании фаду.

Алфреду Дуарти, прозванный Марсенею (порт. marceneiro – плотник) прожил долгую жизнь (91 год) и застал как ранний, «плебейский» период существования фаду, так и эру звукозаписи и телевидения; он олицетворял собой преемственность традиции и в то же время те огромные перемены, которые произошли за это время. Признанный мастер стилизации, он стал автором многих новых композиций на основе «базовых» фаду, с более гармоничным сочетанием музыки и поэтического текста.

Эрминия Силва вывела фаду за пределы того узкого социального круга, где оно бытовало, в первую очередь принесла его в театр, тем самым открыв более широкой публике и дав новые музыкальные возможности. Возникает «фаду музикаду», сочиняемое профессиональными композиторами, имеющими музыкальное образование. Любопытно, что при этом фаду сохраняет свою специфику, португальская гитара занимает центральное место в оркестре.

Наконец, третья вершина треугольника – Амалия Родригиш, пожалуй, самая известная фадистка в мире, признанная «королева фаду». Если Эрминия вывела фаду за пределы узкой социальной среды, то Амалия вынесла его за границы Португалии. Начиная с соседней Испании, близкой по языку и культуре Бразилии, А. Родригиш объездила множество стран, везде имея огромный успех. Французский писатель Андре Моруа говорил: «Амалия – явление, сравнимое только с Нижинским».

Амалия Родригиш (1920-1999 гг.)

Голос Амалии символизирует новый период профессионализации и повышения престижа фаду. Раньше голос фадиста «нес отпечаток асоциального образа жизни». Возможно, Э. Силва была последней великой фадисткой с таким голосом – хриплым, грубоватым. Теперь настало время чистых голосов, безупречных в музыкальном отношении. Эта новая эстетика воплотилась в прекрасном голосе Амалии.

Вместе с тем с ее именем связан и поворот в репертуаре, темах, содержании. Амалии удалось привнести много нового, что сначала не принималось. Например, положить на музыку фаду поэзию Луиша де Камоэнса (Luís de Camões, ок. 1524 – 1580).

«Камоэнс для меня – великий фадист, – говорит певица. – Есть ли что-нибудь более португальское и

более фадистское, чем у Камоэнса: “Com que voz cantarei meu triste fado?”»⁸ Альбом на стихи Камоэнса «Com Que Voz» был выпущен в 1969 г. в сотрудничестве с композитором Аленом Ульманом (Alain Oulman, 1928 – 1990).

К тому же периоду профессионализации и повышения престижа относится и выход значительной части литературы о фаду. Бурные дискуссии сторонников и противников фаду первых десятилетий XX в. сменяются безоговорочным признанием. Исследования сосредотачиваются на происхождении и истории данного явления (работы Г. Сампаю и М. ди Андради, позднее к этой теме обратились М. Баррету и Ф. ди Фрейташ [Sampaio, 1923; Andrade, 1934; Barreto, 1970; Freitas, 1973]), хотя уже и не имеют того широкого охвата и глубокого анализа, которые отличали монографию Пинту ди Карвалью (рассматривавшего феномен фаду на фоне социальной и культурной жизни Лиссабона XIX в.).

Другой темой служит фигура фадиста, иногда это целые галереи портретов («Идолы фаду» В. Машаду [Machado, 1937]), есть работы, посвященные одной личности (например, «Севера» Ж. Кошты [Costa, 1936]). Ряд авторов обращаются к фаду в более широком контексте, например, в контексте пор-

⁸ «Каким голосом я буду петь о моей печальной судьбе (мое печальное фаду)?»

тугальской народной музыки (как выдающийся композитор Ф. Лопиш Граса [Graça, 1944] и английский дипломат и этнофольклорист Р. Гэллоп [Gallor, 1960]). Кстати, для этого периода характерно появление интереса к фаду со стороны иностранцев и выход соответствующих изданий [Pellerin, 2003; Торощина, 2014; Торощина, 2015а; Торощина, 2015b]⁹. Всего библиография о фаду, составленная Ж. Л. Рибейру ди Алмейдой, включает около 100 наименований, не считая работ о португальской гитаре [Месхидзе, 2008]¹⁰. Серьезные этнологические исследования фаду вновь появляются в 70-е – 80-е гг., что связано уже с новым этапом его развития. Здесь прежде всего следует отметить работы Ж. Пайша ди Бриту [Brito, 1991; Brito, 2006].

В период диктатуры Салазара – Каэтану фаду, как и многие другие явления традиционной народной культуры, стало элементом идеологического воздействия на население, его воспитания в националистическом, традиционалистском духе, отвлечения от насущных социальных и политических проблем. Говорили о «трех Ф», которые использовал режим: фаду, Фатима (Богоматерь Фатимская), футбол.

Поэтому после революции 1974 г. имеет место определенная реакция, направленная против традиционного фаду. Некоторые даже высказывали обвинения против А. Родригиш в сотрудничестве с режимом. С другой стороны, это время характеризуется новым поворотом в его эволюции: в фаду проникают новые темы, новые формы.

Возникает явление, называемое «новое фаду» или «фаду-песня» («fado canção», противопоставленное фаду традиционному, «коренному» – «fado raiz»), иногда весьма радикально отходящее от канонов. Примером может служить песня «Старьевщик» (O Ferro Velho) из репертуара Карлуша ду Карму (Carlos do Carmo, 1939 – 2021). Музыка Жуана Мануэля Серрата (Joan Manuel Serrat, р. 1943), представителя каталонской «Новой песни», очень далека от традиционного стиля фаду. Но зачастую современные авторы вносят новые темы все же с сохранением принятой стилистики. История фаду продолжается.

Карлуш ду Карму (1939–2021 гг.)

⁹ В нашей стране фаду рассматривается как музыкально-поэтическое произведение в контексте фольклора в статьях и диссертации Т.Г. Торощиной.

¹⁰ В России обзор видов традиционных португальских музыкальных инструментов в контексте истории народной музыки, и в частности португальской гитары был сделан в работе Дж. И. Месхидзе.

В заключение следует сказать несколько слов о включении фаду в список устного и нематериального наследия человечества. Кандидатура фаду была предложена муниципалитетом Лиссабона (таким образом, речь идет о лиссабонском фаду, хотя определение, данное в заявке, гласит просто: «португальская городская народная песня») и одобрена ЮНЕСКО в ноябре 2011 г.

Как ни странно, это вызвало критику из самих фадистских кругов – известная исполнительница фаду Дулси Понтиш (Dulce Pontes, р. 1969) не одобрила это решение за его избирательность: как в связи с выделением именно фаду (следовало, по ее мнению, предложить вообще португальскую народную песню), так и с выбором исполнителей, которые должны представлять заявку – К. ду Карму и Мариза (Mariza, Marisa dos Reis Nunes, р. 1973).

Безусловно, это заслуженные и яркие, но не единственные представители современного фаду (впрочем, в списке наследия персоналии никак не отражены, а на сайте ЮНЕСКО названные исполнители присутствуют наряду со многими другими).

Однако думается, что выбор был сделан все же правильно: португальская народная музыка очень многообразна, а фаду представляет собой явление более четко определенное, весьма самобытное, но которое в то же время может достойно представлять португальскую музыкально-поэтическую культуру.

* * *

В XX в. фаду стало важной частью образа Португалии, культурным символом, своеобразной «визитной карточкой» страны. Однако этот процесс не был простым: восприятие и изучение фаду шло от социально-культурного отторжения и осуждения через романтический интерес, метафорическое использование в дискурсе об идентичности и исторической судьбе португальского народа и употребление в идеологии салазаровского режима – к признанию в качестве культурного достояния страны и элемента нематериального наследия человечества.

Список литературы:

Кабицкий М.Е. (2015) Этнология и антропология иберийских стран: общие черты и особенности исторического развития. *Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность. Том 1*. Гамма, Санкт-Петербург. С. 371-379.

Каптерева Т.П. (1990) *Искусство Португалии*. Изобразит. Искусство, Москва. 400 с.

Месхидзе Дж.И. (2008) О португальской гитаре из коллекции К.Н. Посьета. *Радловский сборник*. МАЭ РАН, Санкт-Петербург. С. 439-443.

Торощина Т.Г. (2014) Жанровые разновидности фаду. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. №10-2. С. 182-190.

Торощина Т.Г. (2015a) Концепт saudade в фаду. *Концепт: грани понятия в современной науке*. Аналитика Родис, Ногинск. С. 91-114.

Торощина Т.Г. (2015b) *Фаду как объект лингвокультурологического и лингвостилистического исследования*. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва. 245 с.

Andrade Mário de. (1976) Origens do fado [1930]. *Música, doce música. Estudos da crítica e folclore*. Ed. por Oneyda Alvarenga. Livraria Martins Editora, São Paulo, Brasil. P. 95-99.

Barreto M. (1970) *Fado: Origens Líricas e Motivação Poética*. Aster, Lisboa, Portugal. 590 p.

Brito J. Pais de. (1991) O fado. *Portugal moderno. Tradições*. PoMo, Lisboa, Portugal. P. 159-165.

Brito J. Pais de. (2006) O fado: etnografia na cidade. *Antropologia urbana: cultura e sociedade no Brasil e em Portugal*. Ed. por Gilberto Velho. Jorge Zahar, Rio de Janeiro, Brasil. P. 24-42.

Carvalho Pinto de. (1982) *História do Fado*. D. Quixote, Lisboa, Portugal. 292 p.

Costa J. de Sousa e. (1936) *Severa*. Bertrand, Lisboa, Portugal. 207 p.

Freitas F. de. (1973) Fado, canção da cidade de Lisboa. Suas origens e evolução. *Língua e cultura*. №3. P. 225-237.

Gallop R. (1960) *Cantares do povo português*. Instituto de Alta Cultura, Lisboa, Portugal. 149 p.

Graça F. Lopes. (1944) *A música Portuguesa e os seus problemas*. Vol. 1. Lopes da Silva, Porto, Portugal. 253 p.

Leal J. (1995) Imagens contrastadas do povo. *Revista Lusitana*. Nova série. № 13-14. P. 143-164.

Machado V.A. (1937) *Ídolos do fado*. Tipografia Gonçalves, Lisboa, Portugal. 266 p.

Pascoes J. Teixeira de. (1988) *A Saudade e o Saudosismo*. A&A, Lisboa, Portugal. 360 p.

Peixoto A.A. da Rocha. (1997) O cruel e triste fado [1890]. *Etnográfica*. Vol. 1. № 1. P. 331-336.

Pellerin A. (2003) *Le Fado*. Chandeigne/France Culture, Paris, France. 192 p.

Sampaio G. (1923) As Origens do Fado. *A Águia*. № 9-10. P. 131-133.

Silvestre V.F. Séves de Albuquerque. (2015) *O fado e a questão da identidade*. Tese apresentada para obtenção do grau de doutor em estudos portugueses. Lisboa, Portugal. 302 p.

References:

Andrade Mário de. (1976) Origens do fado [1930], en Oneyda Alvarenga (ed.) *Música, doce música. Estudos da crítica e folclore*, Livraria Martins Editora, São Paulo, Brasil, pp. 95-99.

Barreto M. (1970) *Fado: Origens Líricas e Motivação Poética*, Aster, Lisboa, Portugal.

Brito J. Pais de. (1991) O fado, *Portugal moderno. Tradições*, PoMo, Lisboa, Portugal, pp. 159-165.

Brito J. Pais de. (2006) O fado: etnografia na cidade, en Gilberto Velho (ed.) *Antropologia urbana: cultura e sociedade no Brasil e em Portugal*, Jorge Zahar, Rio de Janeiro, Brasil, pp. 24-42.

Carvalho Pinto de. (1982) *História do Fado*, D. Quixote, Lisboa, Portugal.

Costa J. de Sousa e. (1936) *Severa*, Bertrand, Lisboa, Portugal.

- Freitas F. de. (1973) Fado, canção da cidade de Lisboa. Suas origens e evolução, *Língua e cultura*, no. 3, pp. 225-237.
- Gallop R. (1960) *Cantares do povo português*, Instituto de Alta Cultura, Lisboa, Portugal.
- Graça F. Lopes. (1944) *A música Portuguesa e os seus problemas*. Vol. 1, Lopes da Silva, Porto, Portugal.
- Kabitzky M.E. (2015) Etnologiya i antropologiya iberiiskikh stran: obshchie cherty i osobennosti istoricheskogo razvitiya [Ethnology and Anthropology of the Iberian countries: similarities and peculiarities of historical development], *Russia and Ibero-America in a Globalizing World: History and Modernity*. Vol. 1, Gamma, Saint-Petersburg, Russia, pp. 371-378. (In Russian)
- Kaptereva T.P. (1990) *Iskusstvo Portugalii* [Art of Portugal], Izobrazit. iskusstvo, Moscow, Russia. (In Russian)
- Leal J. (1995) Imagens contrastadas do povo, *Revista Lusitana*. Nova série, no. 13-14, pp. 143-164.
- Machado V.A. (1937) *Ídolos do fado*, Tipografia Gonçalves, Lisboa, Portugal.
- Meskhidze G.I. (2008) O portugal'skoi gitare iz kollektsii K.N. Pos'eta [About a Portuguese guitar from K.N. Possiet's collection], *Radlovskii sbornik*, MAE RAS, Saint-Petersburg, Russia, pp. 439-443. (In Russian)
- Pascoaes J. Teixeira de. (1988) *A Saudade e o Saudosismo*, A&A, Lisboa, Portugal.
- Peixoto A.A. da Rocha. (1997) O cruel e triste fado [1890], *Etnográfica*, vol. 1, no.1, pp. 331-336.
- Pellerin A. (2003) *Le Fado*, Chandeigne/France Culture, Paris, France.
- Sampaio G. (1923) As Origens do Fado, *A Águia*, no. 9-10, pp. 131-133.
- Silvestre V.F. Séves de Albuquerque. (2015) *O fado e a questão da identidade*, Tese apresentada para obtenção do grau de doutor em estudos portugueses, Lisboa, Portugal.
- Toroschina T.G. (2014) Zhanrovye raznovidnosti fadu [Genre varieties of fado], *The humanities and social-economic sciences*, no. 10-2, pp. 182-190. (In Russian)
- Toroschina T.G. (2015a) Kontsept saudade v fadu [The concept of saudade in fado], *Kontsept: grani ponyatiya v sovremennoi nauke* [Concept: facets of a notion in modern science], Analitika Rodis, Noginsk, Russia, pp. 91-114. (In Russian)
- Toroschina T.G. (2015b) *Fadu kak ob»ekt lingvokul'turologicheskogo i lingvostilisticheskogo issledovaniya* [Fado as an object of linguo-cultural and linguo-stylistic study], PhD. Thesis, Moscow, Russia. (In Russian)

Как в капле воды: лексика разговорного испанского Кубы на примере одного анекдота

© А.В. Садиков, 2023

Садиков Александр Викторович, канд. филол. наук, профессор кафедры устного перевода ВКИЯ МИД России.

119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34

E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Аннотация. Испанский язык Кубы, в том числе и в его разговорной разновидности, являет собой весьма своеобразное и в некотором плане уникальное явление. Порождение неповторимой истории кубинского этноса, кубинская разговорная речь запечатлела в себе влияние множества языков, а также и этнических и религиозных культур. Здесь как нигде в Западном полушарии, за исключением разве что Бразилии, было сильно воздействие африканского прошлого значительной части населения, что не могло не отразиться в языке сначала афро-кубинского сообщества, а затем и в разговорной речи всего национального варианта. Другим источником разговорного кубинского является испанское просторечие – ввиду наличия на протяжении многих лет большого количества этнических испанцев. Наконец, заметно присутствие еще двух элементов – цыганского и португальского, нашедших свое место среди самой употребительной кубинской разговорной лексики.

Ключевые слова: кубинский вариант, разговорная речь, африканский элемент, негры-рабы, нигеро-конголезские языки, тайные сообщества, мистические культы, цыганский элемент, живое языкотворчество, приемы словообразования

Для цитирования: Садиков А.В. (2023) Как в капле воды: лексика разговорного испанского Кубы на примере одного анекдота. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 113–131. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-113-131

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Como en una gota de agua: léxico del español coloquial de Cuba ejemplificado por un cuento de humor

© A.V. Sádikov, 2023

Alexándor V. Sádikov, PhD (Letras), Catedrático del Departamento de Interpretación, Escuela Superior de Lenguas Extranjeras, Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación Rusa.
119200, Moscú, Smolenskaya-Sennaya plaza, 32/34
E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Resumen. El español de Cuba, incluso en su variedad coloquial, constituye un fenómeno bien peculiar y, en cierto sentido, único. Producto de una historia sin parangón de la etnia cubana, el lenguaje coloquial de la Llave del Caribe es una amalgama de influencias de multitud de lenguas, así como de muchas tradiciones étnicas y religiosas. Aquí, como en ninguna otra parte del Hemisferio Occidental, a excepción, quizás, del Brasil, fue tan patente la impronta de la herencia africana de gran parte de su población, que repercutió en la expresión oral de la comunidad afrocubana primero, y en el lenguaje coloquial de toda la nación, después. Otra de las fuentes del mismo es el habla vulgar de los españoles nativos, debido a la presencia secular de los mismos en la Isla. Por fin, es bien notable la influencia de dos elementos más: el portugués y el gitano, puesto que ambos hallaron su nicho en el léxico más usual del español cubano.

Palabras clave: variedad nacional cubana, lenguaje coloquial, elemento africano, negros esclavos, lenguas nigero-congolesas, sociedades secretas, cultos místicos, elemento gitano, viva creación idiomática, modelos de formación de palabras

Para citar: Sádikov A.V. (2023) Como en una gota de agua: léxico del español coloquial de Cuba ejemplificado por un cuento de humor. *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 113–131. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-113-131

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Like in a Drop of Water: colloquial Cuban Spanish in just one Joke

© A.V. Sadikov, 2023

Alexander V. Sadikov, PhD (Philology), Professor at Oral Translation Department, Higher School of Foreign Languages, Ministry of Foreign Affairs of Russia.
119200, Russia, Moscow, Smolenskaya-Sennaya square, 32/34
E-mail: el_moscovita2002@bk.ru

Abstract. Cuban Spanish, its colloquial variety included, is quite a peculiar, perhaps a unique phenomenon. Fruit of the unique history of the Cuban ethnic community, the Cuban colloquial speech has become an amalgam of imprints of many languages, as well as of a host of ethnic and religious traditions. Here, as nowhere else in the Western Hemisphere, with the exception, perhaps, of Brazil, the African heritage stayed very much alive and came afloat first in the language of the Afro-Cuban community as a whole, and then in Cuban Spanish as such. And yet other sources of colloquial Cuban should also be mentioned: first, the colloquial speech of native Spaniards, which were plenty on the Island before the Revolution of 1959 and contributed a lot to the patterns of word-formation in Cuban; and, finally, two more elements: the Portuguese one and the Gipsy one, as units thereof have found a prominent place among the most commonly used Cuban colloquialisms.

Keywords: Cuban variant, colloquial speech, African element, black slaves, Niger-Congolese languages, secret societies, mystical cults, Gipsy element, real-life language creation, patterns of word-formation

For citation: Sadikov A.V. (2023) Like in a Drop of Water: colloquial Cuban Spanish in just one Joke. *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 113–131. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-113-131

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Кубинский национальный вариант испанского языка, а равно и в рамках его существующая разновидность разговорной речи (РР), уже давно стали и еще не раз станут предметом исследований, предпринимаемых кубинскими и иностранными лингвистами. Тому же предмету посвящает свои работы и автор данной статьи. Но сейчас перед нами стоит конкретная и ограниченная задача: на материале небольшого речевого произведения ввести филолога-испаниста, а также и любого студента и аспиранта, избравшего данный язык в качестве своей профессии, в курс предмета, обозначенного несколькими строками выше.

Начнем с того, что процитируем анекдот, популярный на Кубе в 50-е – 60-е гг. прошлого века.

Итак:

Llega un tipo al ta^hca de un galifardo y dice:

– Díñeme un láguer, que estoy de emergencia.

El galifa le echa un jarro y el tipo lo traga en seguida y pide otro. Y cuando ya está en su nota, le dice el gallego:

– Dos veas.

Y el curda le dice:

– No le doy ni veas, ni cojones, que estoy arrancao.

Y comienzan a fajarse, hahta que el curda agarra un botellón pa romperle el céfalo al galifa. En eso llega un prieto que, sin coger un tamaño de bola, le dice al gaita:

– Díñeme un bulto de humón, que estoy de emergencia.

Pero, al ver la fajazón, se mete a desapartarlos. En eso llega la fiana y coge a los tres y los lleva ante el juez. Y el juez le pregunta al prieto:

– ¿Qué pasó?

Y el prieto dice:

– Aquí, asere, boncó monina, por la feté de mi ocamba que me diñó por el veo, menda es un pobre niche que no tiene ni timbales que vel en esa broncomonía. Hoy surnaba en el gao de mimé, y me levanté de mi parra, y salí huyendo por la Poma hahta legal al tahca del galifa. Le pido un bulto de humón na má, pero veo que se tiene tremendo brete y que el curda apunta pal otro pa metel'le tremendo janazo en el moropo. Y me meto a desapartarlos. En eso cuela el soche y facha al niche. ¿Y qué cree sumé de tó eso?

Y el juez, que ya tiene la chola caliente, le dice:

– Dos meses del canón.

– Dos meses, ¿pa quién? ¿P'al curda? ¿P'al galifa?

– No, para usted.

– ¿Pa mí? ¿Pol qué?

Y el juez le responde:

– Por la broncomonía, y por sumé, y por encamar tan fu.

Комическая концовка всей этой истории ясна: судья, ошарашенный и выведенный из себя потоком невразумительной афро-кубинско-блатной речи героя, приговаривает его к двум месяцам тюрьмы. Но, вынося свой приговор и совершенно потеряв голову, он, сам того не сознавая, переходит на все ту же ненормативную, но понятную всей Кубе лексику.

А теперь рассмотрим по отдельности лексические единицы кубинской РР, которыми перегружен этот текст – опять-таки для достижения комического эффекта – в порядке их появления:

ta^hca – «бар»; слово заимствовано из просторечного *tasca* «забегаловка», весьма употребительного в самой Испании; возможно, его просторечностью объясняется смена грамматического рода.

galifardo – слово образовано от существительного *gallego* «галисиец», путём сложения его с существительным *fardo* «тюк; мешок». Как известно, всех испанцев на Кубе называют «галисийцами».

От рассмотренного слова образовано, путём усечения, слово *galifa*, а также и *gaita*, также встречающиеся в данном тексте. Последнее представляет собой каламбур, основанный на сходстве звучания слов *gallego* и *gaita*, что в испанском означает «1) дудка 2) разг. бледный, хилый человек».

diñar – «давать», слово цыганского происхождения, заимствованное кубинцами опосредованно, через разговорную речь живших на Кубе испанцев.

«Lager» – марка светлого пива; использован классический приём семантического словообразования – синекдоха.

estar de emergencia – «изнемогать (от голода, жажды и т.п.)»; *estoy de emergencia* – «больше нет сил терпеть»; разговорное выражение собственно-испанского происхождения.

estar en su nota – «напиться; набраться», разговорное выражение на основе метафорического переосмысления испанского *nota* «музыкальная нота».

vea – «песо» (денежная единица); происхождение неясно.

ni cojones – «хрен тебе»; чисто испанская нецензурная лексика.

estar arrancado – «быть на мели», разговорное выражение, использованное на основе метафорического переосмысления общеиспанского слова *arrancado* «ободранный».

fajarse – «драться» – слово, употребляемое в разговорной речи почти всей Латинской Америки. Происходит от испанского глагола *fajar* «наносить удар ремнем или подобным предметом».

curda – в просторечном испанском «пьяный»; от цыганского *curda* в том же значении.

céfalo – заимствовано из профессиональной терминологии врачей, где *céfalo* означает «череп». Очевидно, пришло в разговорный язык в этом значении из жаргона студентов-медиков.

prieto – «чёрный», заимствование из португальского *prêto* в том же значении.

sin coger un tamaño de bola – «не понимая, что происходит»; собственно кубинское разговорное выражение, построенное по моделям собственно-испанской РР.

bulto de humón – «стакан воды». Первое – из общеиспанского разговорного, где оно обозначает «тюк», а также «любая порция чего-либо». Второе – из африканских языков через язык секты *ньяньиго* (*ñáñigo*), на котором говорят члены религиозной секты африканского происхождения *абакуá* (*abaciá*).

desapartar – «разделить, разнять». Просторечная форма общеиспанского глагола *apartar*; образована способом префиксального словообразования.

fiana – «1) власть; 2) полиция». Слово неизвестного, скорее всего африканского происхождения.

asere – «друг», обращение африканского происхождения, употребительное в языке *ньяньиго*

boncó – «хороший; добрый»; слово того же происхождения, что и предыдущее.

monina – «добрый друг; брат» обращение того же происхождения.

feté – «правда»; слово заимствованное из цыганского (в цыганском – *fetén*).

ocamba – «1) старуха 2) мать»; заимствование из африканских языков. Соответственно:

por la feté de mi ocamba – «клянусь моей матерью».

(mi) menda – «я»; заимствование из цыганского. Часто бывает усечено до *timé*, в чем можно усмотреть аналогию с существующим в кубинском варианте архаизмом *sumé* (< *Su Merced*), что также нашло отражение в нашем тексте. То есть имеет место каламбур с оттенком иронии.

que me diño por el veo – «которая произвела меня на свет»; *diñar* – см. выше; *veo* «отверстие», слово африканского происхождения.

niche – заимствованное английское слово *nigger* «чёрный», изменённое согласно фонетическим закономерностям испанского языка.

timbal – название круглого барабана; слово африканского происхождения; выражение *ni timbales* является эвфемизмом, употребляемым вместо грубого *ni cojones*.

broncomonía – «перебранка; свара». Слово образовано приемом контаминации: *bronca* + *harmonía*. Совершенно очевидна ирония с комическим эффектом.

surñar – «спать»; заимствовано из цыганского *sornar* в том же значении.

gao – «дом; жилье»; слово цыганского происхождения.

parra – «циновка; кровать»; метафорический перенос от общеиспанского *parra* «виноградная лоза». Основание: стебли любой циновки переплетаются подобно стеблям виноградной лозы.

la Poma – «1) улица 2) город 3) Гавана»; из кубинского уголовного жаргона.

brete – «переполох, путаница»; слово образовано от общеиспанского *brete* «1) ножные кандалы 2) безвыходное положение 3) интрига 4) свара».

janazo – «сильный удар»; от кубинского слова индейского происхождения *jan* «столб; также палка».

mororo – «голова»; слово африканского происхождения, заимствованное из языка *ньяньги* (см. выше).

colar – от разговорного общеиспанского *colarse* «явиться куда-либо непрошеным».

soche – «полицейский»; очевидно, слово, образованное путём фонетического варьирования от общеиспанского *socio*. На Кубе очень употребительно в разговорном языке в значении «друг», а применительно к полиции, очевидно, в ироническом плане.

fachar – «схватить»; очевидно, из португальского *faixa* [fáiša], «пояс», поскольку поясом часто связывали пленника.

chola – «голова»; от испанского разговорного *cholla* в том же значении. В основу выражения *chola caliente* положено испанское разговорное *calentar la cabeza* «морочить голову».

canón – «тюрьма»; гипербола с использованием увеличительного суффикса *-ón*, от общеиспанского арготического *cana* в том же значении (< *canasta*).

encamar – «говорить»; слово африканского происхождения, употребительное в языке религиозной секты *абакую*.

fu – «плохо»; заимствовано из цыганского, где слово *fu*, а также *ful*, означает «1) плохой 2) злой», а также «1) плохо 2) со злым умыслом».

Источники толкований: словари А. Хименеса, Л. Бессеса, Ф. Ортиса, А. Сантиэстебана, В. Леона и Х.М. Оливера, К. Пас Переса, а также отдельные лица, послужившие информантами автору данной работы. Основания каждого толкования подвергнуты критическому анализу самим автором [Садиков, 2016: 350-400]¹.

Источники кубинской разговорной лексики.

Кубинский вариант испанского языка отражает богатую и разнообразную культуру своей страны. На его становление и развитие повлияло множество различных исторических факторов, таких как особенности процесса завоевания и заселения острова, языки индейцев, населявших остров до прихода испанцев, наложение языков африканских народов, влияния культурного характера и особенности политической, социальной и культурной истории собственно кубинского этноса. Характерные последствия

¹ В основу толкований положена также классификация способов словообразования в испанском языке, подробно изложенная в нашей более ранней работе.

этой истории мы наблюдаем и на фонетическом, и на морфосинтаксическом уровне, но наибольший интерес для нашего исследования представляет именно лексика.

Итак, каковы же слагающие лексикки кубинской РР?

1. Индейский элемент.

В отличие от ряда других американских вариантов испанского языка, индейский субстрат в кубинском варианте представлен слабо. Это – две-три сотни заимствований, в основном из аравакско-карибских, науа (ацтекского), майя и кечуа, которые за время правления испанцев распространились по всему континенту. Среди них – и такие ставшие всемирно известными слова как *caimán*, *colibrí*, *caníbal* – из аравакско-карибских, *aguacate*, *chocolate*, *tomate* – из науа, *caucho*, *cóndor*, *jaguar* – из кечуа и ряд других.

Что касается собственно Кубы, то в момент прихода испанцев ее населяли три этноса, говорившие на наречиях аравакско-карибской группы языков – гуанакатабей, сибоней и тайны (*guanajatabeyes*, *ciboneyes*, *taínos*). Гуанакатабей населяли западную часть острова, некоторые жили в пещерах, другие вели кочевой образ жизни; источниками их пропитания были охота, рыболовство и собирательство. Сибоней жили и на побережье, и в глубинных районах острова; источники существования у них были в основном те же, но они знали и начатки земледелия. По мнению историков, на наиболее высокой стадии развития находились тайны. Они также занимались охотой и рыболовством, но при этом вели оседлый образ жизни и занимались земледелием (отдельное крестьянское хозяйство называлось и ныне живым словом *hato*). При этом они умело пользовались огнем и имели развитый гончарный промысел. Основными орудиями труда им служили мотыга (*coa*), терка (*guaño*), пестик (*масана*, этим же словом обозначалась и боевая дубинка), а также и ряд других предметов, изготовлявшихся из дерева, костей или ракушек; индейские названия их не сохранились (отметим лишь слово *burén*, которое означало «глиняный кувшин»). Тайны выращивали кукурузу, маниоку, юкку, ананасы и табак. Из их языка некоторые слова – такие как *hamaca* и *tabaco* – проникли едва ли не во все языки мира.

Тайны жили в свайных постройках, а также в круглых хижинах (*bohío*), крытых пальмовыми листьями (*yagua*) или соломой, и имели достаточно развитую социальную структуру: здесь выделялись категории вождя (*cacique*), жрецов (*behiques*), которые были и врачевателями, старейшин, воинов и зависимых иноплеменников. Индейцы не знали частной собственности, все блага распределялись между членами родовой общины.

Индейцы поклонялись тотемам (*семіес*) и почитали предков. Одним из главных событий их жизни были религиозные торжества с пением и танцами – *areíto*. Эти торжества происходили на центральной площади каждого селения, которая называлась *batey*. Здесь же происходили игры в мяч, на которых присутствовала вся община; поэтому тем же словом назывались и игра, и сам мяч.

Все эти слова имеют хождение в языке Кубы и в наши дни. Но они исчисляются лишь несколькими десятками и находятся на периферии кубинской лексики. Причина – в быстром вымирании коренного населения Кубы, случившемся вскоре после появления там испанцев – в результате опустошительных эпидемий тех вирусных заболеваний, которые пришельцы, сами того не подозревая, занесли на остров и весь лежащий за ним континент. В Америке в целом эти эпидемии унесли миллионы жизней, а на Кубе от них в считанные годы вымер целый этнос с почти всем своим языковым и культурным наследием.

Из лексики коренных языков Кубы в нашем исходном тексте присутствует только слово *janazo* (< *jan*).

2. Африканский элемент.

Люди черной расы, завозившиеся с африканского континента и становившиеся рабами в Америке, сыграли значительную роль в этногенезе всех латиноамериканских наций, но в наибольшей степени – в двух из них: на Кубе и в Бразилии. Очевидно, что это тот случай, когда количество перешло в качество: сама массовость этой группы населения обусловила большой удельный вес их языков и культур в общей этнокультурной ситуации данной страны.

Представители африканской
и афроамериканской культур на Кубе

Рабов привозили из разных регионов Африки, они принадлежали к разным народностям и говорили на различных языках. По оценочным подсчетам Фернандо Ортиса, рабы говорили на примерно 300 языках и диалектах [Ortiz, 1975: 354]². В основном это были языки обширных территорий Западной Африки, простирающихся от современного Сенегала до современной Демократической Республики Конго: волоф, манде, фула, игбо, йоруба и многие другие, а кроме того – языки тропической Африки (семейство за-

² «... Говоря исключительно о языках, имеющих хождение в тех регионах, откуда негров завозили на Кубу, мы можем насчитать *grosso modo* 317 языков и диалектов». Следует иметь в виду, что Ф. Ортис, работавший над этой темой в первые десятилетия XX в., основывался на описаниях африканских языков, сделанных европейскими лингвистами во второй половине XIX в., когда эти языки были еще слабо изучены, и границы между понятиями язык, диалект и говор еще не стали предметом серьезной дискуссии.

падных банту): конго, кимбунду, овимбунду и ряд других. На уровне отдельных фактов ученые выявляют даже лексику суданских языков и восточных банту (язык мак'уа).

Чисто лингвистически все эти языки принадлежат к большому семейству нигеро-конголезских языков, разделяющемуся на 6 подсемейств, каждое из которых, в свою очередь, ветвится на десятки и сотни языков и диалектов, являющих собой богатейший предмет для изучения. К языковой предыстории Кубы имеют отношение 3 подсемейства: а) западно-атлантические языки, прежде всего – волоф, фула, мандинго, б) языки ква, прежде всего – эфик, но также и йоруба, игбо и идома, и в) языки банту, прежде всего – конго и экой.

Все эти языки являются родственными генеалогически. Но за тысячелетия своей истории они пережили сложные процессы дифференциации и в исторически близкий нам период являют собой необычайно разнообразную картину и на уровне фонологии, и в грамматических системах и, разумеется, в лексике. Так, в области грамматики агглютинативному строю языков банту (с многочисленными элементами флективности) противостоит изолирующий строй языков ква, где слова практически не имеют морфологии, а большинство значений, являющихся грамматическими в других языках, передаются лексическими средствами или порядком слов. Различны и произносительные системы. Языки ква – тональные, причем тоны в них имеют смысловозначительное значение. Тональность одновременно позволяет уменьшить длину слова до 1-2 слогов; не случайно слова афрокубинского диалекта, происходящие из этих языков являются в подавляющем большинстве одно- и двусложными. Языки банту также имеют тоны, выделяющие некоторые лексические и грамматические значения, но роль тоновых различий здесь все же вспомогательная. Так что взаимопонимание между выходцами из различных областей этого обширного региона исключено – за исключением разве что близко соседствующих этносов. Так, народы эфик и эфор, жившие рядом и постоянно воевавшие друг с другом, имеют много общих слов.

Чтобы понимать друг друга, африканцы, оказавшиеся в положении рабов в Новом Свете, должны были выработать какую-то *lingua franca*. Разумеется, в испанских колониях в этой роли мог выступить только испанский – в самой примитивной форме, с элементарной грамматикой и с небольшим набором бытовой лексики. Все остальное языковое наследие могло существовать лишь в памяти рабов и в их общении, если повезет, с бывшими соплеменниками.

Рабов первого года проживания на Кубе называли *negros bozales*. И одновременно словом *bozal* стали называть язык, на котором общались с испанцами и между собой негры-рабы первого поколения. От него не осталось реальных свидетельств, остались лишь пародии на него в документах XVI-XVIII вв., и на основании их можно заключить, что это был типичный *pid-*

жин (или *креольский язык*), т.е. смешанный язык с упрощенной испанской грамматикой и лексикой, являвшей пеструю смесь испанских и африканских элементов различного происхождения³. Среди классиков испанского Золотого Века эти пародии встречаются у Лопе де Руэды, Лопе де Веги, Гонгоры, Кеведо, Кальдерона, Хуаны Инес де ла Крус, Киньонеса де Бенаvente и многих других. Отрывки из таких произведений цитирует в своей работе Джон Липски [Lipski, 1996: 114-129].

На первый взгляд, можно легко себе представить дальнейший ход языковых процессов. Могло бы произойти нечто подобное тому, что имело место на территории США, где языковая ассимиляция была полной и где афро-американское самосознание и самобытная культура существуют и развиваются, но языковое их выражение – совершенно английское (хотя и в форме американского национального варианта и его южных говоров).

Но на Кубе события пошли по-другому. Африканский элемент отнюдь не растворился в креольском испанском, а как бы впечатался в него, придав ему своеобразный и неповторимый облик. Произошел некий языковой и культурный афро-испанский синтез, подобный испано-итальянскому синтезу в Аргентине или испано-гуаранийскому – в Парагвае.

Как это происходило и почему вообще это стало возможным?

Ни на одном из африканских языков в эпоху работорговли не было письменности, а значит – у всех этих языков почти не было шансов выжить в новых условиях. Кроме того, поначалу креольские плантаторы прилагали значительные усилия к тому, чтобы перемешать, насколько возможно, людей из разных этносов, чтобы лишить их шанса выработать какую-либо этническую солидарность и договориться о бунте. Приходится лишь удивляться тому, что такое количество отдельных фрагментов этих языков все же сохранилось. Отчасти это объясняется уже хотя бы тем, что некоторые плантаторы посчитали, что если объединить рабов в группы по этническому принципу, то производительность их труда будет выше, поскольку можно будет сыграть на соперничестве этих групп между собой. Но это лишь одно и не самое важное обстоятельство.

Другим фактором сохранения африканских элементов в языке и сознании был демографический. Как известно, эпоха расцвета рабовладельческого хозяйства на Кубе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) была отмечена высокими показателями ввоза рабов из Африки. Производство росло, а смертность среди рабов была высокой, и потери надо было восполнять. Поэтому приток населения из Африки не прекращался, а с ним и напоминание афрокубинцам об их языковых и культурных корнях.

³ Детально описаны в научной литературе такие креольские языки как *паленкero* (афро-испанский, на территории Колумбии), *папьяменту* (афро-нидерландско-португальский, в Кюрасао), *креоль* (афро-французский, на Гаити), *пиджин-инглиш* и *бич-ла-мар* (оба – афро-английские, с добавлением элементов из других языков), афро-португальский язык Кабо-Верде и некоторые другие.

Обратимся к статистике. По данным Оскара Пино-Сантоса, собранным из различных источников, за период с 1762 по 1853 гг. на Кубу было завезено – оценочно – около 523 тыс. африканских рабов [Pino-Santos, 1964: 99]. Их доля среди населения Кубы колебалась в пределах от 25% до 43%, пока в 1861 г. не стабилизировалась на уровне 26,5%. Но следует иметь в виду, что не все черное население Кубы имело статус рабов. К тому же существовала и значительная прослойка свободных мулатов, хотя их социальный статус был ниже, чем статус свободных белых.

И, наконец, важнейший фактор – этнокультурно-религиозный.

Огромную роль в передаче культурного наследия от поколения к поколению – как и всегда у бесписьменных народов – играло устное предание. Конечно, со своими хозяевами и другими креолами выходцы из Африки вынуждены были изъясняться на испанском, хотя бы и самом примитивном. Но ничто не могло помешать родителям пересказывать своим детям предания, услышанные в детстве от их собственных родителей, а старикам – рассказывать о верованиях предков всем членам общины. То же касается и магических ритуалов – исцеления, очищения, изгнания духов, приворота, порчи и т.д. – на которые у простого народа всегда был высокий спрос.

Является общим местом этнографии факт обилия на всем африканском континенте самых разнообразных языческих культов, как правило, с большой долей мистики, и исповедующих их сообществ, часто тайных. Каждое из них имеет свой пантеон богов и богинь, духов и демонов, свои ритуалы, часто сопряженные с насилием, свои празднества, часто экстатические или оргиастические. Причем один и тот же человек может состоять одновременно в нескольких сообществах. Помимо прочего, эти секты воплощают в своем сознании культ мужского начала, физической силы и агрессивности; женщины в них не допускаются, но женщины могут образовывать свои сообщества.

Разумеется, в своей исходной форме эти культы не могли сохраниться на плантациях, где поведение рабов так или иначе контролировалось. Но уже с самого начала массового использования рабского труда на Кубе стали возникать так называемые *паленке* (*palenque*, буквально – «часток») – укрепленные поселения, скрытые глубоко в джунглях или в горах, куда испанцы не очень стремились углубляться и куда стекались беглые рабы, готовые защищаться до последнего. Там они могли воспроизводить свои религиозные ритуалы, а также общаться, перенимая друг у друга слова и выражения африканского происхождения.

Но культурные и религиозные традиции африканского происхождения выживали и на плантациях. На общение, пение, танцы у рабов оставались ночи, воскресенья и праздники. Для того чтобы расширить в этом плане свои возможности, они применили метод, который в других частях Испанской Америки уже опробовали коренные народы. Поскольку подвластных испанцам людей было принято обращать в христианство – тем самым

рабовладение оправдывали заботой о спасении души рабов – то эти последние, освоившись в новой ситуации, стали с готовностью почитать христианских святых и отмечать церковные праздники. Разумеется, вчерашние африканцы выражали свою радость по поводу дня очередного святого так, как умели, т.е. шествиями, песнями и танцами в традиционной для себя манере. На эти формы эстетического самовыражения испанцы смотрели снисходительно. Они даже не догадывались, что у каждого святого было два лица: один – его христианский образ, запечатленный на иконах и хоругвях, другой же – лик того или иного африканского божества, который продолжал жить в памяти рабов и имел для них реальное значение.

Подобный синкретизм делал возможным для афрокубинцев устраивать празднества в честь своих богов в те же дни, на которые падали праздники в честь христианских святых. Церковь, плантаторы и власти не возражали против шумных церемоний и шествий, которые рабы устраивали в дни церковных праздников, когда им так или иначе полагался отдых. Церковь смотрела на них как на путь освоения выходцами из Африки христианских верований, плантаторы и власти – как на необходимую рабам психологическую разрядку. Известно, что в свое время даже на кораблях, везших груз «черного дерева» к берегам Америки, работоторговцы устраивали для невольников вечера с пеньем и танцами – очевидно, чтобы снизить вероятность бунтов и самоубийств.

Но сращиванием пантеона христианских святых и африканских богов дело не ограничилось. Этническое и религиозно-мистическое самосознание вчерашних африканцев продолжало работать, порождая формы религиозного поведения, так или иначе воспроизводившие традиции предков, хотя и в определенной степени обобщенные – ввиду необходимости согласовать между собой мифы и верования разноплеменных предков. Людей одной расы и одной судьбы надо было не разъединять, а объединять. Результатом стало появление тайных религиозных сообществ с их мистическими, а подчас и кровавыми унаследованными от предков культами.

Мы не будем подробно вдаваться в факты и вехи формирования сети тайных религиозных общин, распространившихся по всей Кубе – это дело историков, и кубинские историки весьма основательно изучают этот процесс. Достаточно сказать, что на протяжении XIX в. на Кубе сложились десятки тайных религиозных обществ, формировавшихся и по этническому признаку, и по месту проживания, о которых можно говорить как о некоей совокупности – притом, что между ними существует и множество частных различий. И эта совокупность получила общее название *абакуá* (*abacuíá*).

«Абакуá – это тайное общество, исключительно мужское по составу, самофинансируемое за счет взносов и сборов денег среди членов, имеющее сложную иерархическую организацию, предполагающую наличие чинов (*plazas*) и служителей (*asistentes*), верящее в существование потусторонних существ, имеющее эзотерический ритуал, чья тайна, ревностно хранимая,

имеет материальное воплощение в виде барабана *экуэ*, осуществляющее церемонии посвящения, обновления, очищения и смерти, сулящее своим членам блага преходящие и вечные, устанавливающее для них законы и наказания, обязательные для исполнения, имеющее тайный эзотерический язык, а также дополнительный графический язык, состоящий из надписей, печатей и священных начертаний. Это общество составляет и по сей день культурное явление, не имеющее аналогов, ... является чрезвычайно важным для познания наших традиций, наших культурных институтов, нашего фольклора» [Sosa Rodríguez, 1982: 124].

Представитель культа абакуа

Итак, *abakuá* – это обозначение культа африканского происхождения, а также тайного общества, отправляющего этот культ. Словом *ñáñigo* обозначается каждый из членов того же сообщества; соответственно, *ñáñiguismo* – синоним слова *abakuá* в первом из указанных значений.

Происхождение этих слов не совсем ясно. Среди версий происхождения выделяются две: или это сохраненное обозначение места происхождения («страна Ква»); или же оно восходит слову языка эфик *akwá*, обозначающему «смерть» – поскольку последняя занимает очень важное место в сознании адептов данного культа.

Относительно *ñáñigo* большинство исследователей согласны в том, что это – результат сращения слов [*ñáña*] – «леопард» в языке эфик, и [*ngo*] – то же самое в ряде языков банту.

Расовый состав общин различен. Одни из них пестры по составу, другие исповедуют принцип расовой чистоты (только черные). Разногласия между ними по этому вопросу не раз выливались в уличные столкновения.

Разумеется, при смешении африканских языков в лоне возникавшего афро-кубинского сообщества не могли выжить ни произносительные нормы, ни морфология каждого из них. Произношение афро-кубинского диалекта – просторечное антильско-кубинское, уходящее корнями в андалусский диалект; морфология – корневая, т.е. слова представляют собой лишь лексические морфемы; синтаксис – упрощенный испанский. А реальное пространство его существования – лексика. И эта лексика многочисленна и разнообразна. Она покрывает, прежде всего, поле религиозных верований

и ритуалов, фетиши разного рода, но также и группы понятий, относящихся к повседневной жизни: человек, его анатомия, черты характера, поведение, еда и одежда, предметы быта, растения и животные, явления природы и т.д. Большую тематическую группу составляют предметы и явления культуры, особенно музыкальной. Отметим, что значительная часть лексики африканского происхождения сохранилась именно в языке религиозных и любовных песнопений.

В составленном автором этих строк словаре афрокубинского диалекта насчитывается около 600 лексических единиц африканского происхождения, принадлежащих к отмеченным выше тематическим группам. Но уже предварительное знакомство с лексикой песенного фольклора свидетельствует, что при ее основательном анализе этот словарь может вырасти как минимум вдвое. Отправным для любого исследователя здесь должен послужить фундаментальный труд Фернандо Ортиса «Африканское начало в народной музыке Кубы» [Ortiz, 1965].

Из сказанного можно заключить, что афро-кубинский диалект мог бы быть самодостаточным как средство общения. На деле, однако, этого не происходит. В наибольшей степени его лексика сконцентрирована в текстах религиозных церемоний, молитв, заклинаний и песен; в остальных сферах жизни он проявляется как вкрапления, с большей или меньшей частотностью, в испанскую речь его носителей – как отражение, прежде всего, группового самосознания и солидарности. А за пределами сообщества *абакуá* он входит составной частью в разговорную речь кубинцев и служит одним из проявлений их на этот раз уже национального самосознания.

В процитированном нами тексте африканизмы насчитывают 10 единиц (9 слов + 1 фразеологизм), т.е. составляют 20% словарного состава.

3. Испанская разговорная речь.

Излишне говорить, что испанский язык – как в его кастильской, так и в его андалусской разновидности, сильно повлиявшей на язык всего Карибского бассейна – лег в основу кубинского национального варианта. Но нас сейчас интересует не этот самоочевидный факт, а влияние именно испанской РР на соответствующий пласт кубинской речи.

Отношения Испании и Кубы всегда были весьма тесными. Достаточно упомянуть тот факт, что когда в 10-е гг. XIX в. от Испанской империи отпадала одна американская колония за другой, Куба не сделала ни одного шага в сторону отделения. Но и после завоевания независимости связи сохранялись. По оценкам историков, накануне кубинской революции 1959 г. на Кубе проживало более 600 тыс. этнических испанцев, что составляло около 10% населения. Их уделом был мелкий и средний бизнес: бары, рестораны, небольшие магазины, мастерские и т.п. Естественно, что именно этот сектор экономики является сферой живого непосредственного общения, и именно здесь модели формирования лексики РР проникали из испанского варианта в кубинский (и наоборот).

К этим моделям относятся и приемы фонетического наращения (*galifardo*), и усечения (*galifa*), и фонетического варьирования (*soche*), и каламбура (*gaita, mimé*), и контаминации (*broncomonía*), а также и самый характерный прием семантического словообразования – метафора (*bulto, parra, brete, estar en su nota, estar arrancado*) – и прямые заимствования из общеиспанской разговорной речи – *tasca, fajarse, colarse, chola, cana* [Садиков, 2016: 350-400]⁴. Всего в приведенном нами тексте примерно треть лексических единиц происходят от общеиспанских разговорных лексем. При этом нельзя не заметить, что значительная часть подобной лексики, хотя и образована по общеиспанским моделям, но представляет собой продукт языкотворчества самих кубинцев.

И конечно, нельзя не отметить тот факт, что устная форма этого анекдота – это андалусский диалект – тот самый, что лег в основу испанского языка всего Карибского бассейна и Атлантического побережья Центральной и Южной Америки. Историческая причина – преобладание выходцев из Андалусии среди тех мигрантов, которые отправлялись за океан, чтобы найти там кусок плодородной земли, в котором им было отказано на родине. Но и команды судов, которые перевозили африканцев-рабов через Атлантический океан и были первым их языковым контактом с новой средой обитания, формировались преимущественно из андалусийцев, а также из выходцев с Канарских островов, говоривших на том же диалекте.

Этим и объясняется наличие в речи нашего героя таких произносительных единиц как *tahca* (< *tasca*), *vel* (< *ver*), *hahta* (< *hasta*), *llegal* (< *llegar*), *ná má* (< *nada más*), *metel'le* (< *meterle*), *pa* (< *para*), *pal* (*para el*), *pol* (< *por el*), *tó* (< *todo*). Подробно явления андалусизма в испанском языке Америки описаны в большом количестве работ, на которые ссылается, в частности, в своей обзорной монографии Дж. Липски [Lipski, 1996].

4. Цыганский элемент.

Выше мы говорили о наличии и роли испанского этнического элемента в составе кубинского этноса. Но цыгане на Кубе?

Эта этническая группа появляется в Испании в середине XV в. Как и в других странах Европы, принадлежащие к ней люди пребывают здесь на положении париев, лишь постепенно и частично вписываясь в социальную структуру испанского общества. Будучи маргинальным социальным слоем, они неизбежно должны были войти в тесный контакт с другим подобным слоем – преступным миром. Результатом этого длительного контакта стало, помимо прочего, языковое смешение: с одной стороны, возник смешанный язык *калó* (*caló*) – язык, цыганский по происхождению, но заимствовавший

⁴ Подробная классификация способов словообразования в современном испанском языке приводится в нашей более ранней работе.

у испанского языка ряд служебных морфем – окончания множественного числа, флексии спряжения; а с другой стороны, испанское воровское аргó вобрало в себя значительное количество цыганской лексики. Она появляется там уже в XVI в. (зафиксирована в словаре Хуана Идальго 1611 г. издания), очень употребительна, по свидетельству Л. Бессеса, на рубеже XIX-XX вв. и продолжает употребляться в настоящее время, о чем свидетельствует словарь В. Леона, составляя как бы «золотой фонд» испанской воровской речи.

К этому «золотому фонду» принадлежат, в частности, такие широко распространенные во всем ареале испанского языка слова как: *baisa* «рука», *diñar* «дать», а также *diñarla* в значении «умереть», *estaribel* «тюрьма», *cliso* «глаз», *choro* «вор», *diquelar* «смотреть», *fusca* «пистолет» (из славянского *puška*), *manú(s)* «человек», *merar* «убивать», *pinrel*, *pinriel* «нога», *rache* «ночь» и многие другие.

Отметим, что слова цыганского происхождения имели хождение и в русском аргó. Так, в первой половине XX в. в нем были отмечены такие слова как *марать* (в значении «убивать»), *чардовать*, (в значении «воровать») и некоторые другие.

И, поскольку преступный мир неизбежно составляет некую часть любого этнического сообщества, слова подобного происхождения так или иначе должны были проникнуть в разговорную речь сначала испанской диаспоры на Кубе, а затем и в речь самих кубинцев.

В приведенном нами тексте словами цыганского происхождения являются: *curda*, *diñar*, *feté*, *fu*, *gao* и *surnar*, т.е. в данном случае это – более 10% лексики.

Обратим внимание на то, что, хотя общее количество цыганизмов в разговорной речи Кубы невелико, они обозначают предметы и понятия, наиболее часто упоминаемые в повседневной жизни и, соответственно, наиболее частотные в РР.

5. Португальский элемент.

Наличие как лексических единиц, так и грамматических явлений, явно заимствованных из португальского языка, не может нас удивлять. Ареалы этих двух языков соприкасаются на протяжении тысяч километров политических границ, которые всегда были проницаемы в обе стороны. Науке давно уже известны такие языковые образования, как так называемый *портуньоль*, результат смешения двух языков, на котором говорят жители пограничных областей Аргентины и Бразилии. Да и на самом Пиренейском полуострове наличие эстремадурского диалекта и галисийского языка лишь подтверждают давно известное явление лингвистической непрерывности. Взаимное влияние испанского и португальского языков в Западном полушарии неоднократно становилось предметом исследований; достаточно полное представление о них дает уже упомянутая книга Дж. Липски с ее библиографией [Lipski, 1996].

В нашем тексте лексические португализмы представлены лишь словами *prieto* и *fachar*, но в речевой действительности их присутствие гораздо более заметно. Достаточно сказать, что одно из самых употребительных разговорных слов на Кубе – то, которое кубинцы транскрибируют как *gallo* [произн. *gádžo*] и которое означает «парень», хотя и происходит в конечном счете от цыганского *gachó*, но в кубинский пришло именно через португальское *gajo* [*gážu*], иначе его звуковая форма была бы иной.

Мы оставляем в стороне влияние английского языка США на кубинскую лексику, поскольку это – обширная тема, которой посвящено множество работ, написанных на материале самых разных национальных вариантов испанского языка. Применительно к РР Кубы она заслуживает отдельного исследования. В нашем же тексте присутствует один-единственный американизм – слово *niche*.

* * *

Подведем итог. В рассмотренном нами тексте, как в капле воды, отразились реальные процессы формирования разговорной лексики кубинского национального варианта испанского языка. Это – не просто наследие, но многовековое взаимодействие кубинской РР с живым разговорным испанским языком, поддерживавшееся наличием многочисленной испанской диаспоры. Это также и многовековое взаимодействие кубинской РР с многочисленными африканскими языками, оставившее неизгладимый след в кубинском национальном варианте. И наконец, третий существенный момент: языковое творчество самих кубинцев, которое, как и во всех языках, находит свое главное выражение именно в стихии неформального общения, то есть в разговорной речи. Разумеется, наша работа не исчерпывает данной темы применительно к испанскому Кубы, но лишь слегка приоткрывает ее.

Словари/Diccionarios/Dictionaries

- Besses L. Diccionario de argot español. España. Barcelona. Manuales Gallach. 1905.
- Jiménez D.A. Vocabulario de dialecto gitano. España. Sevilla. Ed. J. M. Gutiérrez de Alba. 1846.
- León V. Diccionario de argot español y lenguaje popular. España. Madrid. Alianza. 1984.
- Oliver J.M. Diccionario de argot. España. Madrid. Sena. 1985.
- Ortiz F. Nuevo catauro de cubanismos. Cuba. La Habana. Editorial de Ciencias Sociales. 1985.
- Paz Pérez C. Diccionario cubano de habla popular y vulgar. España. Madrid. Agualarga Editores. 1997.
- Santiesteban A. El habla popular cubana de hoy. Cuba. La Habana. Editorial de Ciencias Sociales. 1985.

Список литературы:

- Иванова М.Т., Мартынова Н.А., Хонкасало Э.И. (1971) *Испанский язык на Кубе*. Высшая школа, Москва. 153 с.
- Садиков А.В. (1984) *Пути формирования лексики социального диалекта в современном испанском языке*. МГПИИЯ, Москва. 212 с.
- Садиков А.В. (2016) *Испанский язык сквозь призму лексики: Лексикология испанского языка*. Изд. 2-е. ЛЕНАНД, Москва. 416 с.
- Садиков А.В. (2017) К вопросу об африканском элементе в испанском языке Кубы. *Вопросы иберо-романистики*. Вып. 16. МАКС Пресс, Москва. С. 270-276.
- Lipski J. (1996) *El español de América*. Cátedra, S.A., Madrid, España. 446 p.
- Ortiz F. (1965) *La africanía en la música folclórica de Cuba*. 2ª ed. revisada. Editora Universitaria, La Habana, Cuba. 489 p.
- Ortiz F. (1975) *Los negros esclavos*. Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, Cuba. 525 p.
- Ortiz F. (1991) *Estudios etnosociológicos*. Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, Cuba. 280 p.
- Pino-Santos O. (1964) *Historia de Cuba: aspectos fundamentales*. Consejo Nacional de Universidades, La Habana, Cuba. 352 p.
- Sosa Rodríguez E. (1982) *Los ñáñigos*. Casa de las Américas, La Habana, Cuba. 464 p.
- Valdés Bernal S. (1977) Caracterización lingüística del negro en la novela ¡Ecue-Yamba-O! de Alejo Carpentier. *Antología de lingüística cubana*. T. II. Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, Cuba. P. 267-325.

References:

- Ivanova M.T., Martynova N.A., Honkasalo E.I. (1971) *Ispanskii yazyk na Kube* [The Spanish language in Cuba], Vysshaya shkola, Moscow, Russia.
- Sadikov A.V. (2017) K voprosu ob afrikanskom elemente v ispanском yazyke Kuby [On the African element in the Spanish language in Cuba], *Voprosy ibero-romanistiki*. Vyp. 16, MAKSS Press, Moscow, Russia, pp. 270-276.
- Sadikov A.V. (2016) *Ispanskii yazyk skvoz' prizmu leksiki: Leksikologiya ispanского yazyka*. Izd. 2-e. [Spanish through Vocabulary: Lexicology of the Spanish Language. 2nd ed.], LENAND, Moscow, Russia.
- Sadikov A.V. (1984) *Puti formirovaniya leksiki sotsial'nogo dialekta v sovremennom ispanском yazyke* [Ways of shaping the vocabulary of the social dialect in contemporary Spanish], MGPIIYa, Moscow, Russia.
- Lipski J. (1996) *El español de América*, Cátedra, S.A., Madrid, España.
- Ortiz F. (1965) *La africanía en la música folclórica de Cuba*. 2ª ed. Revisada, Editora Universitaria, La Habana, Cuba.
- Ortiz F. (1975) *Los negros esclavos*, Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, Cuba.
- Ortiz F. (1991) *Estudios etnosociológicos*, Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, Cuba.
- Pino-Santos O. (1964) *Historia de Cuba: aspectos fundamentales*, Consejo Nacional de Universidades, La Habana, Cuba.
- Sosa Rodríguez E. (1982) *Los ñáñigos*, Casa de las Américas, La Habana, Cuba.
- Valdés Bernal S. (1977) Caracterización lingüística del negro en la novela ¡Ecue-Yamba-O! de Alejo Carpentier, *Antología de lingüística cubana*. T. II, Editorial de Ciencias Sociales, La Habana, Cuba, pp. 267.

El vocablo *chino* en el español de México

© S. Kamenetskaia, 2023

Sofía Kamenetskaia, Doctora en Lingüística, Profesora-investigadora, Academia de Lenguaje y Pensamiento, Universidad Autónoma de la Ciudad de México [UACM]. 06760, México, Ciudad de México, Alcaldía Cuauhtémoc, Colonia Roma Sur, 114-107, avenida Baja California
ORCID: 0000-0002-4065-5576 E-mail: sokakot@hotmail.com

Resumen. De acuerdo con la afirmación expresada por el lingüista británico David Crystal de que «language is the primary index, or symbol, or register of identity», el presente artículo examina la acepción del vocablo *chino* en México como «pelo rizado», que, a diferencia de todos los países de habla española, tiene un significado privativo y peculiar a esta nación, sello propio de su identidad. Se analizan diferentes fuentes, tanto lexicográficas como teóricas al respecto de dicha acepción y se llega a la conclusión de que este sentido tiene que ver con el mestizaje que se produjo en el territorio novohispano, en particular, entre la mujer india con el hombre negro, que según distintos nombres de las castas, derivó en el llamado «*chino*» debido a la predominancia del gen negro en su sangre, que le otorgó las características físicas africanas, entre las cuales se encuentra, precisamente, el pelo ensortijado y, basado en este rasgo distintivo, el sentido del «cabello crespo» se generalizó y empezó a emplearse para nombrar a todas las personas con rizados sin que ellas tuvieran necesariamente rasgos africanos, designación usual hasta la fecha entre los mexicanos.

Palabras clave: *chino*, pelo rizado, origen, mestizaje, español de México

Para citar: Kamenetskaia S. (2023) El vocablo *chino* en el español de México. *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 132–145. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-132-145

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Лексема *chino* в мексиканском варианте испанского языка

© С. Каменецкая, 2023

Софья Каменецкая, доктор лингвистики, преподаватель-исследователь Академии языка и мышления Автономного Университета города Мехико.

06760, Мексика, Мехико, Алькальдия Куауатемок, Колония Рома Сур, 114-107, авенида Баха Калифорния

ORCID: 0000-0002-4065-5576 E-mail: sokakot@hotmail.com

Аннотация. В соответствии с утверждением, высказанным британским лингвистом Дэвидом Кристалом, о том, что «language is the primary index, or symbol, or register of identity» («язык — это первичный показатель, или символ, или регистр идентичности»), в данной статье рассматривается значение лексемы *chino* - «курчавые волосы» в испанском языке Мексики. В отличие от остальных испаноязычных стран, лексема *chino* имеет для мексиканской нации особый смысл и составляет отличительный признак ее идентичности. Анализируются различные источники, как лексикографические, так и историко-теоретические, фиксирующие данное значение и делается вывод, что это понятие связано со смешениями существовавших в Новой Испании рас, в частности, в результате сожительства индейской женщины с негром. Благодаря разным названиям этих смешений образовалось новое значение слова «*chino*» из-за преобладания в крови новорождённого негритянского гена, который придал ему физические характеристики людей африканского этноса, а курчавые волосы являются, как раз, их типологическим признаком. Исходя из этой отличительной черты, понятие «кудрявые волосы» получило широкое распространение и стало использоваться для определения любых людей с кудрявыми волосами, не обязательно имеющих африканские черты. Прилагательное *chino* до сих пор активно употребляется в этом значении в мексиканском национальном варианте испанского языка.

Ключевые слова: *chino*, вьющиеся волосы, происхождение, смешанные расы, мексиканский вариант испанского языка

Для цитирования: Каменецкая С. (2023) Лексема *chino* в мексиканском национальном варианте испанского языка. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 132–145. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-132-145

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

The lexeme *chino* in Mexican Spanish

© S. Kamenetskaia, 2023

Sofia Kamenetskaia, PhD in Linguistics, Professor-researcher, Language and Thought Academy, Autonomous University of Mexico City [UACM].

06760, Mexico, Mexico City, Cuauhtemoc, Colonia Roma Sur, 114-107, Baja California avenue

ORCID: 0000-0002-4065-5576 E-mail: sokakot@hotmail.com

Abstract. In accordance with the affirmation expressed by the British linguist David Crystal that «language is the primary index, or symbol, or register of identity», this article examines the meaning of the word *chino* in Mexico as «curly hair» which, unlike all Spanish-speaking countries, has a private and peculiar meaning to this nation, being the hallmark of its identity. Different sources, both lexicographical and theoretical, are analyzed regarding this meaning and it is concluded that this meaning has to do with the miscegenation that occurred in New Spain, particularly among Indian women with black men, who, according to different names of the castes, derived in the so-called «*chino*» due to the predominance of the black gene in the blood, which gave them the African physical characteristics, among which is, precisely, the curly hair, and, based on this distinctive feature, the meaning of «curly hair» became general and began to be used to name all people with curly hair without necessarily having African features, a designation that is still actively used among Mexicans.

Keywords: *chino*, curly hair, origin, mixed race, Mexican Spanish

For citation: Kamenetskaia S. (2023) The lexeme *chino* in Mexican Spanish. *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 132–145. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-132-145

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

PONC^a. Pues luego, luego.
 Levantemos la cama; ¡qué canalla!
 Tu maldito denuedo nos ha puesto
 En términos de. . . .
 PRIM^o. ¡Ay Dios! mis pobres *chinos*
 Se han descompuesto ¿cómo he de ponerme
 Delante de las gentes en tal traza?
 Voy á peinarme¹.

A continuación examinaremos el significado común del vocablo *chino* en el español mexicano, que equivale a pelo ‘rizado, crespo’ y a ‘la persona que tiene así el cabello’; más aún, la voz es tan usual que amplía el sentido al ‘utensilio con el que se riza el pelo, que consiste en un pequeño tubo abrazado por otro ranurado’ y tan productivo en los derivados, como *enchinar(se)* ‘formar rizos con el cabello’ con todas sus formas verbales impersonales y *enchinador* ‘instrumento para dar forma curvada a las pestañas, rizador de pestañas’. La acepción de cabello rizado causa confusión y extraña no sólo a los hispanohablantes de otras naciones, sino también a los aprendices de esta lengua, que la relacionan con los originarios de dicho país asiático, entre cuyos rasgos típicos figuran la piel amarilla, los ojos rasgados, la barba rala, los pómulos salientes y, por supuesto, el pelo lacio. ¿El porqué de este sentido en el habla de un poco más de 130 millones de hablantes de esta variedad del español?

De acuerdo con Luis Fernando Lara, lingüista mexicano: [...] de todos los elementos que componen una lengua, el único que establece una relación con la experiencia del mundo en que vivimos, con nuestras emociones y recuerdos, con nuestro siempre creciente conocimiento, es el léxico. Las palabras son signos de esas experiencias, emociones y recuerdos, y elementos compartidos por todos, que nos permiten comunicarnos; son ellas las transmisoras primordiales de la cultura [Lara, 2016: 7].

En efecto, las palabras transmiten la identidad de un pueblo, en este caso, el mexicano. Y como rasgo cultural e identitario dentro de su acervo verbal, se encuentra la voz *chino* que se recoge desde los diccionarios nacionales de esta variedad dialectal del español desde el siglo XIX hasta la fecha con el significado de ‘pelo rizado’.

Al revisar desde el ámbito académico la semántica de este vocablo, presente desde el primer diccionario monolingüe de la lengua española de Sebastián de Covarrubias hasta la última, 23ª edición del diccionario de la Real Academia Española, se puede notar que todas estas obras lexicográficas recogen la voz con varias acep-

¹ Ocampo M. Don Primoroso. Sainete (Enero 1º de 1840). Obras completas. México. Ciudad de México. Vázquez Editor. 1901. P. 255.

ciones; no obstante, en ningún momento, ni siquiera en las dos versiones llamadas “americanas” de los repertorios de la Corporación Real de 2001 (22ª edición) y de 2014 (23ª versión) se registra el significado mexicano.

En un principio, los sentidos del vocablo *chino*, *na* se referían a la ‘piedra pequeña’; ‘planta o raíz que se trae de China’; ‘pieza de loza fina de origen chino’ y ‘perro sin pelo originario de este país oriental’ (Covarrubias Orozco² y *Diccionario de Autoridades*³). Posteriormente, durante todo el siglo XVIII y principios del XIX, las acepciones académicas se centraron en ‘el natural del reino de la China’ y ‘lo perteneciente a él’ (las primeras cuatro ediciones usuales: 1780, 1783, 1791, 1803). A partir de 1803 suplemento y todas las ediciones del siglo XIX se añadió el significado de ‘la lengua china’ (las versiones usuales consecutivas de la 5ª hasta la 12ª: 1817, 1822, 1832, 1837, 1843, 1852, 1869 y 1884)⁴.

Otro corte interesante ocurrió en el suplemento de la publicación de 1899 de la versión 13 y en las obras usuales de la primera mitad del siglo XX (de la publicación 14 a la 18ª: 1914, 1925, 1936, 1947 y 1956), además de 1950 manual, puesto que se añadió la etimología náhuatl y derivado de esta procedencia, se agregó la acepción americana de la casta:

Chino, na. (Del mejic. *chinoa*, tostado, por alusión al color de la piel.)⁵ adj. *Amér.* Dícese del descendiente de india y zambo o de indio y zamba. Ú. t. c. s.⁶

En la 19ª versión de 1970 se produjo el cambio en el origen del vocablo, atribuyéndolo a la etimología quechua, sin transformar el significado⁷:

chino³, na. (Del quechua *china*, sirviente.) adj. *Amér.* Dícese del descendiente de india y zambo o de indio y zamba. Ú. t. c. s.⁸

Y a partir del suplemento de esta versión de 1970 se sustituyó la acepción americana y se añadieron otras precisando las zonas geográficas nacionales, sin ningún significado mexicano:

chino³, na. [*Enmienda a todo el artículo.*] (Del quechua *china*, hembra, mujer.) adj. *Argent., Chile, Par., Urug. y Venez.* Dícese de la persona aindiada. Ú. t. c. s.⁹

Esta decisión de la Corporación Real permeó sus diccionarios académicos del resto del siglo XX: 1983 manual y 1989 manual, 1984 usual y 1992 usual.

² Covarrubias Orozco S. de. Tesoro de la lengua castellana o española. 1993.

³ Real Academia Española. Diccionario de Autoridades. 1976.

⁴ Hay que subrayar que los diccionarios producidos en España en esta época permanecieron fieles a las decisiones lexicográficas académicas (Terreros y Pando, 1786; Núñez de Taboada, 1825; Domínguez, 1853; Gaspar y Roig, 1853), hasta Vicente Salvá, 1846, famoso por recoger no sólo vocablos americanos sino aumentar sus acepciones, siguió al pie de la letra el diccionario de la RAE en su 9ª edición de 1843.

⁵ Todos los subrayados de aquí en adelante son nuestros.

⁶ Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana. 13ª ed. 1899.

⁷ Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. 19ª ed. 1970

⁸ Decisión muy en consecuencia con Corominas y Pascual, 1984 que aseveran: “CHINA III, amer., ‘mujer india o mestiza’, ‘mujer del bajo pueblo’, del quich. čína ‘hembra de los animales’, ‘sirvienta’. Iª. doc.: 1553, Santillán con relación al Perú.”

⁹ Diccionario de la lengua española... 1970.

Al iniciar el siglo XXI, la RAE hizo ciertos ajustes al presentar el léxico general español, ofreciendo mayor apertura en cuanto al vocabulario americano, ya que se inició una estrecha colaboración con todas las Academias de la lengua existentes y, por ende, se dio entrada a las voces actuales de los países hispanoamericanos. Asimismo, los repertorios académicos empezaron a producirse con base en los bancos de datos de sus dos corpórea diacrónico y sincrónico. En consonancia con ello, el vocablo de nuestro interés agregó muchas acepciones americanas usuales en las ediciones 22 (2001) y 23 (2014); no obstante, sin tomar en consideración la mexicana.

Precisamente aduciendo como ejemplo de la voz *china*, Lara escribía hace más de dos décadas:

[...] el *Diccionario* de la Academia ha sido incapaz de registrar la verdadera riqueza léxica de la lengua española y está condenado, por eso mismo, a padecer todos los ataques habidos y por haber, por no haber logrado cumplir con las exigencias, en especial, con las hispanoamericanas, que no perdonan la falta de voces queridas en cada región hispánica (como *estufa*, *chino 'rizo'* o *morralla en México*) [...] [Lara, 1990: 8-9].

Mientras el diccionario académico de la lengua general española sigue sin recoger el sentido mexicano del vocablo, cuestión incomprensible, ya que en sus propios corpórea, tanto diacrónico, el *CORDE*, como sincrónico, el *CREA*, existen coincidencias de la acepción de esta variedad del español. Para precisar, el *CORDE* recoge para el área geográfica mexicana un caso en un documento de la novela del escritor de este país, Jorge Ibargüengoitia, *Clotilde en su casa. Comedia en tres actos* de 1955, cuya concordancia se reproduce a continuación:

Clotilde (se dirige a Antonio): – Tienes el *pelo chino*. No me había dado cuenta. (p. 173)¹⁰

Además, el *CREA* para la expresión ‘pelo chino’ documenta 6 casos en 5 documentos, todos mexicanos, uno del artículo periodístico de *Excélsior* (2000), y los demás en cinco novelas de: Sealtiel Alatríste (1985), dos coincidencias para el mismo texto, *Por vivir en quinto patio* y una sola concordancia para: Jorge Ibargüengoitia (1979) *Dos crímenes*, Carlos Fuentes (1987) *Cristóbal Nonato*, y Alfredo Montaña Hurtado (1990), *Las cenizas de los sueños*.¹¹

En contraste con España, en Hispanoamérica, donde el vocablo es usual y difundido en la mayoría de los países, sobre todo, en los de la parte andina, significa de acuerdo con el origen quechua ‘mujer india o mestiza’, ‘sirvienta indígena o mestiza’, ‘niñera’, ‘amante’, [Buesa Oliver, Enguita Utrilla, 1969: 82; Sala et al., 1977: 165]¹² y no tiene ninguna relación con el pelo. No obstante, Santamaría, lingüista

¹⁰ Real Academia Española. Corpus diacrónico del español. Banco de datos (*CORDE*). URL: <https://www.rae.es/banco-de-datos/corde> (accessed: 18.02.2023).

¹¹ Real Academia Española. Corpus de referencia del español actual. Banco de datos (*CREA*). URL: <https://www.rae.es/banco-de-datos/crea> (accessed: 18.02.2023).

¹² Santamaría F.J. *Diccionario de mejicanismos*. (1959). México. Ciudad de México. Editorial Porrúa, S.A. 1992. Alvar Ezquerro M. *Vocabulario de indigenismos en las Crónicas de Indias*. España. Madrid. CSIC. 1997.

y académico mexicano, considera que, aunque el vocablo se refiere a la mujer, no posee los mismos rasgos semánticos en todas las partes del continente americano. Sus palabras al respecto:

En Bogotá le da Cuervo (§ 561) el equivalente de “chica, muchacha, rapaza”, y añade (p. 530) que viene del quichúa *china*, hembra de cualquier animal, criada, moza de servicio, y que no tiene masculino. [...] Granada (p. 194) confirma el origen quichúa de la voz, y cita autoridades para comprobarle. Allí significa “la india o mestiza que vive entre las familias del país, ocupándose regularmente en servicios domésticos”. Cita a Palma como autoridad de que la voz se usa asimismo en el Perú; mas Arona no la trae. En el Ecuador significa “criada, doméstica, sirvienta” (CEVALLOS, p. 53), en Cuba es término de cariño entre mujeres (PICHARDO, p. 122; MACÍAS, p. 437; ARMAS, p. 72), y en Costa Rica simplemente niñera (FERRAZ, p. 50). Lo mismo en Guatemala (BATRES, p. 215). Por Rodríguez (p. 162) sabemos que en Chile *chino* es el plebeyo, y que la terminación femenina, que es más usada, suele tomarse en mala parte¹³.

Aunque el vocablo *chino* en su categoría de sustantivo femenino, *la china*, en México, de acuerdo con Santamaría, también alude a una mujer del pueblo, pero a diferencia de la semántica andina, esta no era ninguna sirvienta, sino que al contrario, vivía sin servir a nadie y con cierta holgura a expensas de un esposo o de un amante, o bien de su propia industria. Pertenecía a la raza mestiza y se distinguía generalmente por su aseo, por la belleza de sus formas, que realzaba con un traje pintoresco y bien elaborado y como permaneció algún tiempo en Puebla, recibió el nombre de la *china poblana*¹⁴. Duarte, autor de otro diccionario mexicano, en cambio, establece que:

China (Yuc.), sf. Amada, querida. Es palabra de cariño con que se agasaja a las niñas¹⁵.

No obstante estas precisiones, todas las obras lexicográficas del español mexicano del siglo XIX (García Icazbalceta¹⁶ y Duarte), Santamaría y *Diccionario del español usual en México*¹⁷, bajo la dirección de Lara (siglo XX) y los de esta centuria (*Diccionario breve de mexicanismos*¹⁸; *Diccionario del español de México*¹⁹; *Diccionario de Mexicanismos*²⁰) atribuyen al vocablo chino el significado único y exclusivo

¹³ Santamaría F.J. *Diccionario de mejicanismos...* 1992.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ramos y Duarte F. *Diccionario de mejicanismos: colección de locuciones i frases viciosas, con sus correspondientes críticas i correcciones fundadas en autoridades de la lengua: máximas, refranes, provincialismos i remosques populares de todos los estados de la República mejicana*. México. Méjico. Imprenta de E. Dublán. 1895.

¹⁶ García Icazbalceta J. *Vocabulario de mexicanismos comprobado con ejemplos y comparado con los de otros países hispano-americanos*. Propónese además algunas adiciones y enmiendas á la última edición (12ª) del diccionario de la Academia. Obra póstuma publicada por su hijo Luis García Pimentel. México. México. Tip. y Lit. “La Europea”, de J. Aguilar Vera y Ca. 1899.

¹⁷ Lara L.F. *Diccionario del español usual en México*. México. México. El Colegio de México. 1996.

¹⁸ Gómez de Silva G. *Diccionario breve de mexicanismos*. México. México. Academia Mexicana, Fondo de Cultura Económica. 2001.

¹⁹ Lara L.F. *Diccionario del español de México*. 2 vols. Vol. 1. México. México. El Colegio de México. 2010.

²⁰ Company Company C. *Diccionario de Mexicanismos*. México. México. Siglo XXI. Academia Mexicana. 2010.

de ‘pelo rizado’, lo que permite considerar la voz como *mexicanismo*; es decir, vocablo que sólo se emplea con este sentido en el territorio mexicano en contraste con el resto del mundo hispanohablante.

Con el significado atribuido por los diccionarios nacionales coinciden los estudiosos de la lengua; no obstante, presentan opiniones divididas al considerar el vocablo como *mexicanismo* histórico (diacrónico) o sincrónico.

Los que abogan por el criterio histórico del vocablo; es decir, que lleva su significado basado en el origen indígena, como Peter Boyd-Bowman [Boyd-Bowman, 1984: 11], Swadesh [Swadesh, Sancho, 1966: 48], Darío Rubio²¹, Becerra [Becerra, 1984: 66] y Marius Sala [Sala et al., 1977: 165], que a diferencia de los investigadores mencionados, mantiene el origen quechua de la voz, opinan, siguiendo a Alonso de Molina²² y a Rêmi Simêon²³, que el vocablo proviene del náhuatl *chinoa*, ‘tostado, quemado, por alusión al color de la piel’. Aunque Darío Rubio, académico que estudió esta lengua amerindia, duda del vocablo náhuatl *chinoa*, ‘tostado’, como etimológico de la voz, ya que considera que:

el verbo mexicano tostar es **totopatza**, que no tiene [...] relación o semejanza alguna con la voz **chinoa** que, según la Academia, quiere decir tostado, pues para que esta última palabra viniera del verbo mexicano, tendría que ser **totopo** o **toto-poste**²⁴.

Los que defienden el carácter sincrónico del vocablo; en otras palabras, el criterio diferencial, Manuel G. Revilla [Revilla, 1975: 355], José G. Moreno de Alba [Moreno de Alba, 2003: 383] y Luis Fernando Lara [Lara, 1990: 9], establecen que *chino* es el vocablo plenamente usado en México, de etimología no indígena, que no tuvo su origen autóctono, pero en este país tiene vigencia y particular significación. Como punto intermedio hay que presentar el caso del fundador de la lingüística mexicana, Lope Blanch, quien consignó primeramente el vocablo como indigenismo del náhuatl [Lope Blanch, 1979: 77] para después rectificar su postura al considerarlo *mexicanismo* sincrónico [Lope Blanch, 2004: 127], elemento léxico que se emplea en México con acepción diferente a las que tiene en España e Hispanoamérica.

Sin menospreciar la opinión del criterio histórico, es difícil imaginar que el sentido de pelo rizado chino tiene que ver con el color tostado de la piel de los indios. Más bien, o aceptamos que el léxico patrimonial se adaptó a las nuevas realidades americanas con la conquista y colonización españolas o que el vocablo efectivamente procede del origen quechua de ‘criado, sirviente’ y evolucionó después en los significados de ‘indio’, ‘indio goajiro’, ‘pelón’, ‘indio no civilizado’, ‘hombre plebeyo’, ‘indígena’, ‘calificativo cariñoso’ ‘muchacho’, ‘miembro de ciertas cofradías religio-

²¹ Castillo R. del (Darío Rubio). Los llamados *mexicanismos* de la Academia Española. México. México. Imp. Franco-Mexicana. 1917.

²² Molina A. de. Vocabulario en lengua castellana y mexicana. México. México. Antonio de Spínosa. 1571.

²³ Simêon R. Diccionario de la lengua náhuatl o mexicana. (1885). México. México. Siglo XXI Editores. 1981.

²⁴ Castillo R. del Los llamados... 1917. P.184.

sas formadas por indios, ‘desnudo’; es decir, habiendo pasado a ser *chino* cualquier clase de indio, puro o mestizo, se generalizaría a hombres de color distinto del de los europeos.

En concordancia con esta idea, si de nuevo revisamos las acepciones semánticas de esta unidad léxica, tanto en distintas ediciones del diccionario académico, como en las obras lexicográficas mexicanas, se hace evidente que *chino*, además, significa una especie de mestizaje en América que tuvo mayor auge en la Nueva España, por ser uno de los dos principales virreinos. Con la llegada de los españoles a los territorios americanos, empezó la convivencia entre estos y los indios primeramente, para después tener cruzamientos con los negros que llegaban al “nuevo continente” por medio del tráfico de esclavos. La población americana llegó así a presentar una lista numerosa de tipos étnicos, y la sociedad colonial y la legislación española establecieron distinciones basadas en la mayor o menor “pureza” de sangre, llamadas castas, donde la casta superior se constituyó por los españoles blancos. A medida que la sociedad colonial se fue estructurando y adquiriendo contornos más precisos, fue dando más importancia a la “pureza” de sangre que establecía un sentido jerárquico y aristocrático novohispano. Blancos, indios y negros, al mezclarse en el primer grado, dieron mestizos, mulatos y zambos. Estos mestizos, mulatos y zambos se mezclaron a su vez con blancos, indios y negros, y también entre sí, resultando una serie indefinida de tipos étnicos, que debía establecer un nombre específico para cada una de las castas.

Manuel Alvar logró documentar nada menos que ochenta y dos términos con doscientos cuarenta acepciones, tales como *castizo*; *morisco*; *albino*; *lobo*; *zambo*; *cambujo*; *albarazado*; *jíbaro*; *pardo*; *barcino*; *coyote*; *chamizo*, entre los que figuraban bastante pintorescos: *tornaatrás o saltaatrás*; *ahí-te-estás*; *tente en el aire*; *no te entiendo*, etc. [Alvar, 1992: 17-22], todos estos nombres se dieron dependiendo de la supuesta cuantía de sangre blanca que tenía el individuo. La mezcla de las poblaciones de origen europeo, indio y africano quedó plasmada también en la iconografía de la época, mediante ilustrativas pinturas que presentan las diversas parejas interraciales, con sus descendencias, además de las vestimentas, oficios y otros rasgos característicos de cada grupo, ofreciendo así una imagen global de todas las gamas del mestizaje novohispano. En específico el *chino* era producto del mestizaje entre india y negra. En la misma investigación, Alvar citó el libro de García Saiz, *La pintura colonial en el Museo de América: Los enconchados*, en el cual se recogió este pasaje de la interpretación iconográfica:

[...] el *chino* socialmente parece una degeneración del lobo (*vid.*): el sastre, con dignidad en su vestir, ha descendido al casarse con una negra (5ª acep. de este artículo) y su hijo es azacán que lleva un cántaro grande a las espaldas (láms. 58 y 59). Del mismo modo, en Rosenblat (lám. 7), el chino va descalzo y lleva sobre la cabeza una batea con dulces, que denota la humildad de su condición, mientras que su padre, el morisco, viste casaca, calzón corto, tricornio y zapatos; el niño (*chino*) que va en su compañía, se cubre de andrajos el cuerpo y los pies, desnudos [Alvar, 1992: 128].

Como se ha mencionado, la mezcla de india y negro o viceversa producía *chino* y para el siglo XIX era vigente; todavía Alejandro de Humboldt documentaba este hecho a principios de la centuria:

Los descendientes de negros y de indias son conocidos en México, Lima, y aun en La Habana, con el extraño nombre de *chinos*: también se les llama zambos en la costa de Caracas; y aún en la Nueva España les dan las leyes el mismo nombre [Humboldt de, 1991: 90].

Siguiendo al mismo autor, el vocablo se empleaba también en La Habana y en Perú, aunque no adquirió en estos territorios bajo dominio español el significado particular mexicano.

Según el antropólogo Gonzalo Aguirre Beltrán, decano de los estudios del afrodescendiente en México, *chino* era el apelativo destinado al hijo de negro e india, por lo que durante “los siglos XVII y XVIII decir mulato o *chino* era determinar la misma cosa” y concluía que ser chino en México significa tener pelo chino o negroi-de [Aguirre Beltrán, 1972: 179]. Con Aguirre concuerda Becerra, al afirmar que:

En México llamamos ahora “CHINO” no precisamente al descendiente de este o del otro cruzamiento, sino a la persona, blanca o no que tiene el pelo crespo a ondas mui pequeñas i rígidas, como las que producen las tenacillas o “rizadores” [Becerra, 1984: 66].

Como de esta mezcla, el *chino* tenía 25% de sangre india y 75% de negra desnudos [Alvar, 1992: 128; Triana y Antorveza, 2001: 578], la herencia genética de los africanos otorgó a estas personas el cabello rizado, lo cual sería la característica principal de estos *chinos* y la razón por la cual, de acuerdo con las investigaciones de los lingüistas, con los cuales concordamos plenamente, hasta nuestros días a las personas con este tipo de cabello sin que tengan necesariamente los rasgos físicos africanos, se les dice así.

Empezamos este artículo afirmando que el lenguaje es el reflejo del pensamiento de un pueblo o una nación y está ligado con la experiencia del mundo que va compartiendo la comunidad. Como se observa en este análisis de la acepción mexicana del vocablo *chino*, derivado de distintas fuentes, se cristalizó en las ideas de la visión colonial de la vida novohispana y designó el sentido de pelo rizado al producto del mestizaje de la india con el negro. En consecuencia, lo transformó para nombrar a cualquier individuo con este tipo de cabello, convirtiéndose de esta manera en un patrimonio histórico y léxico de la sociedad mexicana, rasgo único e indisoluble de su identidad, por lo que debería estar reflejado fidedignamente en el diccionario académico que, supuestamente, recoge la lengua española hablada en ambos lados del Atlántico. Solo así conoceremos mejor nuestra lengua.

Мексиканец с кудрявыми
волосами – «chino»

Словари/Diccionarios/Dictionaryes:

Alvar Ezquerro M. Vocabulario de indigenismos en las Crónicas de Indias. España. Madrid. CSIC. 1997. Castillo R. del (Darío Rubio). Los llamados mexicanismos de la Academia Española. México. México. Imp. Franco-Mexicana. 1917.

Company Company C. Diccionario de Mexicanismos. México. México. Siglo XXI. Academia Mexicana. 2010.

Corominas J., Pascual J.A. Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. (1984-1991, VI vols.). España. Madrid. Gredos. 1984.

Covarrubias Orozco S. de. Tesoro de la lengua castellana o española (primer diccionario de la lengua 1611). España. Barcelona. Alta Fulla. 1993.

Diccionario enciclopédico de la lengua española, con todas las voces, frases, refranes y locuciones usadas en España y las Américas españolas, en el lenguaje común, antiguo y moderno; las de ciencias, artes y oficios; las notables de historia, biografía, mitología y geografía universal, y todas las particulares de las provincias españolas y Americanas. (1853, II tt.). España. Madrid. Imprenta y Librería de Gaspar y Roig, Editores. 1853.

Domínguez R.J. Diccionario nacional de la lengua española ó Gran diccionario clásico, el mas completo de los léxicos publicados hasta el día. España. Madrid. Establecimiento de Mellado. 1853.

García Icazbalceta J. Vocabulario de mexicanismos comprobado con ejemplos y comparado con los de otros países hispano-americanos. Propónese además algunas adiciones y enmiendas á la última edición (12ª) del diccionario de la Academia. Obra póstuma publicada por su hijo Luis García Pimentel. México. México. Tip. y Lit. "La Europea", de J. Aguilar Vera y Ca. 1899.

Gómez de Silva G. Diccionario breve de mexicanismos. México. México. Academia Mexicana, Fondo de Cultura Económica. 2001.

Lara L.F. Diccionario del español usual en México. México. México. El Colegio de México. 1996.

Lara L.F. Diccionario del español de México. 2 vols. Vol. 1. México. México. El Colegio de México. 2010.

Molina A. de. Vocabulario en lengua castellana y mexicana. México. México. Antonio de Spinosa. 1571.

Núñez de Taboada M. Diccionario de la lengua castellana, para cuya composición se han consultado los mejores vocabularios de esta lengua, y el de la Real Academia Española últimamente publicado en 1822; aumentado con más de 5000 voces ó artículos que no se hallan en ninguno de ellos. (1825, II vols.). Francia. París. Librería de Seguin. 1825.

Ramos y Duarte F. Diccionario de mejicanismos: colección de locuciones i frases viciosas, con sus correspondientes críticas i correcciones fundadas en autoridades de la lengua: máximas, refranes, provincialismos i remoques populares de todos los estados de la República mejicana. México. Méjico. Imprenta de E. Dublán. 1895.

Real Academia Española. Corpus diacrónico del español. Banco de datos (CORDE). URL: <https://www.rae.es/banco-de-datos/corde> (accessed: 18.02.2023).

Real Academia Española. Corpus de referencia del español actual. Banco de datos (CREA). URL: <https://www.rae.es/banco-de-datos/crea> (accessed: 18.02.2023).

Real Academia Española. Diccionario de Autoridades. (1726-1739, III vols.) España. Madrid. Gredos. 1976.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana reducido a un tomo para su más fácil uso. Madrid. España. Joaquín Ibarra. 1780.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana reducido a un tomo para su más fácil uso. 2ª ed. España. Madrid. Joaquín Ibarra. 1783.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana reducido a un tomo para su más fácil uso. 3ª ed. España. Madrid. Viuda de Joaquín Ibarra. 1791.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana reducido a un tomo para su más fácil uso. 4ª ed. España. Madrid. Viuda de Joaquín Ibarra. 1803.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana. 5ª ed. España. Madrid. Imprenta Real. 1817.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana. 6ª ed. España. Madrid. Imprenta Nacional. 1822.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana. 7ª ed. España. Madrid. Imprenta Real. 1832.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana. 8ª ed. España. Madrid. Imprenta Nacional. 1837.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana. 9ª ed. España. Madrid. Imprenta Francisco María Fernández. 1843.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana. 10ª ed. España. Madrid. Imprenta Nacional. 1852.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana. 11ª ed. España. Madrid. Imprenta Manuel Rivadeneyra. 1869.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana. 12ª ed. España. Madrid. Imprenta de D. Gregorio Hernando. 1884.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana. 13ª ed. España. Madrid. Imprenta de los Sres. Hernando y Compañía. 1899.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana. 14ª ed. España. Madrid. Imprenta de los Sucesores de Hernando. 1914.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. 15ª ed. España. Madrid. Talleres "Calpe". 1925.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. 16ª ed. España. Madrid. Talleres Espasa-Calpe. 1936.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. 17ª ed. España. Madrid. Talleres Tipográficos de la Editorial Espasa-Calpe. 1947.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. 18ª ed. España. Madrid. Talleres Tipográficos de la Editorial Espasa-Calpe, S. A. 1956.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. 19ª ed. España. Madrid. Talleres Gráficos de la Editorial Espasa-Calpe, S. A. 1970.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. 20ª ed. España. Madrid. s/e. 1984.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. 21ª ed. España. Madrid. Espasa Calpe. 1992.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. 22ª ed. España. Madrid. Espasa Calpe. 2001.

Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. 23ª ed. España. Madrid. Espasa Calpe. 2014.

Real Academia Española. Diccionario manual e ilustrado de la lengua española. 2ª ed. España. Madrid. Espasa-Calpe, S. A. 1950.

Real Academia Española. Diccionario manual e ilustrado de la lengua española. 3ª ed. España. Madrid. Espasa-Calpe, S. A. 1983.

Real Academia Española. Diccionario manual e ilustrado de la lengua española. 4ª ed. España. Madrid. Espasa-Calpe, S. A. 1989.

Salvá V. Nuevo diccionario de la lengua castellana que comprende la última edición íntegra, muy rectificada y mejorada, del publicado por la Academia Española, y unas veinte y seis mil voces, acepciones, frases y locuciones entre ellas muchas americanas, añadidas. Francia. París. Librería de Don Vicente Salvá. 1846.

Santamaría F.J. Diccionario de mejicanismos. (1959). México. Ciudad de México. Editorial Porrúa, S.A. 1992.

Simëon R. Diccionario de la lengua náhuatl o mexicana. (1885). México. México. Siglo XXI Editores. 1981.

Terreros y Pando E. de. Diccionario castellano con las voces de ciencias y artes y sus correspondientes en las tres lenguas francesa, latina e italiana. (1786-1793, 4 vols.). España. Madrid. Ibarra. 1786.

References:

Aguirre Beltrán G. (1972) *La población negra de México. Estudio etnohistórico*, Fondo de Cultura Económica, México, México.

Alvar M. (1992) *Léxico del mestizaje en Hispanoamérica*, Ediciones Cultura Hispánica, Instituto de Cooperación Iberoamericana, Madrid, España.

Becerra M.E. (1984) *Rectificaciones y adiciones al DRAE (1954)*, SEP, México, México.

Boyd-Bowman P. (1984) *Léxico hispanoamericano del siglo XIX*, Hispanic Seminar of Medieval Studies, Madison, USA.

Buesa Oliver T., Enguita Utrilla J.M. (1992) *Léxico del español de América. Su elemento patrimonial e indígena*, Editorial Mapfre, Madrid, España.

Crystal D. (2000) *Language death*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Humboldt A. de. (1991) *Ensayo político sobre el Reino de la Nueva España (1808)*, Editorial Porrúa, México, México.

Lara L.F. (1990) *Dimensiones de la lexicografía. A propósito del Diccionario del español de México*, El Colegio de México, Ciudad de México, México.

Lara L.F. (2016) *Herencia léxica del español de México*, El Colegio Nacional, Ciudad de México, México.

Lope Blanch J.M. (1979) Indigenismos en la norma lingüística culta de México, en *Léxico indígena en el español de México (1969)*, El Colegio de México, México, México, p. 74-95.

Lope Blanch J.M. (2004) El Diccionario de la Real Academia y los nahuatlismos, en *Cuestiones de filología mexicana*, UNAM, México, México, p. 123-132.

Moreno de Alba J.G. (2003) El diccionario académico, en *La lengua española en México*, Fondo de Cultura Económica, México, México, p. 370-384.

Revilla M.G. (1975) Provincialismos de expresión en México. Cuales son los aceptables y cuales los viciosos, en *Memorias de la Academia Mexicana* VI, p.352-367.

Sala M., Munteanu D., Neagu V., Sandru-Olteanu T. (1977) *El léxico indígena del español americano. Apreciaciones sobre su vitalidad*, Editura Academiei Române, Academia Mexicana, Bucarest, Rumania.

Swadesh M., Sancho M. (1966) *Los mil elementos del mexicano clásico. Base analítica de la lengua nahua*, UNAM, México, México.

Triana y Antorveza H. (2001) *Léxico documentado para la historia del negro en América (siglos XV-XIX)*. V vols., Instituto Caro y Cuervo, Bogotá, Colombia.

Kany C.E. *Semántica hispanoamericana*. Trad. de Luis Escolar Bareño, Madrid: Aguilar, 1969.

Российские дипломаты в Испании и Антонио Угарте в 1812–13 годах: противоречивое сотрудничество

© Е.Э. Юрчик, 2023

Юрчик Екатерина Эдуардовна, канд. ист. наук, доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
119192, Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп.4
E-mail: iourtchik@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются казусы, связанные с историей российско-испанских отношений во время Войны за независимость Испании, в первый год действия союзного договора между двумя державами. На основе архивных материалов анализируются особенности взаимодействия российских дипломатов в Испании – П.О. Моренгейма и Ю.А. Валленштейна – с испанским бюрократом Антонио Угарте-и-Ларрасабалем, ответственным за сохранность имущества и архива российской миссии в Мадриде в 1812–1813 годах. Тем самым раскрывается специфика российской дипломатической активности в чрезвычайной обстановке освободительной войны, в условиях, когда в Испании отсутствовал полномочный представитель России. Начальный период российско-испанского взаимодействия на Пиренейском полуострове после заключения трактата в Великих Луках пока представлен в историографии в самом общем виде; биографии и деятельность его участников исследована фрагментарно. Источники, использованные в статье, позволяют детализировать исторический контекст и реконструировать взаимоотношения российских и испанских дипломатов, их представления о целях сотрудничества, препятствия, которые им пришлось преодолевать. Российские интересы в Испании, благодаря распоряжениям поверенного в делах России в Испании П.О. Моренгейма, после его вынужденного отъезда из страны обеспечивались за счет равновесия между официальной деятельностью испанского представителя и активностью российского агента Валленштейна, дипломатический статус которого был сомнительным. Со своей стороны, Угарте, доверенное лицо российской миссии, ориентировался на указания Регентского совета и стремился установить свою монополию на дела российского посольства, включая информирование правительства Российской империи о положении в Испании. Несмотря на личное соперничество российского и испанского представителей, обе стороны сумели избежать конфликта и создали основу для развития союзных отношений между Испанией и Россией.

Ключевые слова: российско-испанские отношения, война за независимость Испании, российские дипломаты в Испании, Антонио Угарте-и-Ларрасабаль

Для цитирования: Юрчик Е.Э. (2023) Российские дипломаты в Испании и Антонио Угарте в 1812–13 годах: противоречивое сотрудничество. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 146–162. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-146-162

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Diplomáticos rusos en España y Antonio Ugarte entre 1812 y 1813: la colaboración contradictoria

© E.E. Yúrchik, 2023

Ekaterina E. Yúrchik, PhD (Historia), Profesora titular en la Facultad de Historia de la Universidad Estatal de Moscú Lomonósov.
119192, Rusia, Moscú, avenida Lomonosovsky, 27, edificio 4
E-mail: iourtchik@mail.ru

Resumen. En artículo se estudian los casos en la historia de las relaciones ruso-españolas durante la Guerra de la Independencia, precisamente en el primer año del Tratado de la Alianza entre ambas potencias. Basándose en la documentación archivista, se analiza la interacción de Pável Mohrenheim y Yuli Wallenstein, los diplomáticos rusos, con Antonio Ugarte y Larrazábal, el burócrata español, responsable de la propiedad y el archivo de la Legación rusa en Madrid entre 1812 y 1813. Se revelan las características de la diplomacia rusa en la situación extraordinaria de la Guerra de la Independencia y en la ausencia del representante plenipotenciario de Rusia en España. El período inicial de la colaboración ruso-española en la Península Ibérica después de la concertación del Tratado en Velikiye Luki todavía se presenta en la historiografía desde el aspecto general; las biografías y actividades de sus participantes no han sido estudiadas en detalle. Las fuentes primarias desarrolladas en el artículo permiten reconstruir tanto el contexto histórico y las relaciones entre los diplomáticos rusos y españoles, como su percepción de la cooperación y los obstáculos que tuvieron que superar. Gracias a las órdenes de Pável Mohrenheim, el Encargado de Negocios de Rusia, antes de su forzosa salida de España, los intereses rusos en España quedaron asegurados tras el equilibrio de los negocios oficiales del representante español y la actividad de Wallenstein, el agente ruso con el estatus diplomático dudoso. Por su parte, Ugarte, el Apoderado de la Legación rusa, se guió por las instrucciones del Consejo de Regencia y buscó establecer su monopolio sobre los asuntos de la embajada rusa, incluso informar al Gobierno Imperial Ruso sobre la situación en España. A pesar de la rivalidad personal entre los representantes ruso y español, ambos lograron evitar el conflicto y sentaron las bases para el desarrollo de las relaciones aliadas entre España y Rusia.

Palabras clave: relaciones ruso-españolas, Guerra de la Independencia española, diplomáticos rusos en España, Antonio Ugarte y Larrazábal

Para citar: Yúrchik E.E. (2023) Diplomáticos rusos en España y Antonio Ugarte entre 1812 y 1813: la colaboración contradictoria. *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 146–162. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-146-162

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Russian diplomats in Spain and Antonio Ugarte (1812-1813): the controversial cooperation

© E.E. Yurchik, 2023

Ekaterina E. Yurchik, PhD (History), Assistant Professor at History Faculty of Lomonosov Moscow State University.
119192, Russia, Moscow, Lomonosovsky prospekt, 27, building 4
E-mail: iourtchik@mail.ru

Abstract. The article focuses on several cases in the history of Russian-Spanish diplomatic relations during the Spanish War of Independence, especially during the first year of the Alliance treaty between the two powers. Basing on the Russian and Spanish archives, the author studies the interaction of Pavel Mohrenheim and Yuly Wallenstein, Russian diplomats in Spain, with Antonio Ugarte y Larrazábal, the Spanish bureaucrat, responsible for the property and archive of the Russian mission in Madrid in 1812 – 1813. The article tends to reveal the characteristics of Russian diplomatic activity in the extraordinary war situation and in the absence of a plenipotentiary representative of Russia in Spain. The initial period of Russian-Spanish relations in the Iberian Peninsula after the conclusion of the treatise in Velikiye Luki is still presented in historiography in the most general form; the biographies and activities of its participants have not been studied in details. The primary sources used in the article enable to reconstruct the historical context and the relationship between Russian and Spanish diplomats, their perception of allied cooperation, and the obstacles they had to overcome. Thanks to the orders of Pavel Mohrenheim, the Chargé d’Affaires of Russia, given before his compelled departure from Spain, the interests of Russian Empire were ensured by balancing the official activities of the Spanish representative and the activity of the Russian agent Wallenstein, whose diplomatic status was doubtful. Ugarte, a trustee of the Russian mission, was guided by the instructions of the Regency Council and sought to establish his monopoly on the affairs of the Russian mission, including informing the Government of the Russian empire about the situation in Spain. Despite the personal rivalry between the Russian and Spanish representatives, both sides managed to avoid conflict and created the basis for the development of allied relations between Spain and Russia.

Keywords: Russian-Spanish relations, Spanish War of Independence, Russian diplomats in Spain, Antonio Ugarte y Larrazábal

For citation: Yurchik E.E. (2023) Russian diplomats in Spain and Antonio Ugarte (1812-1813): the controversial cooperation. *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 146–162. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-146-162

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

29 июля 1812 г. барон Павел Осипович Моренгейм, поверенный в делах Российской империи при правительстве Жозефа Бонапарта (José I Bonaparte, 1808 – 1813), выехал из Мадрида в Толедо в составе свиты «короля-самозванца», а в сентябре покинул Испанию. Накануне в депеше, предназначенной для отправки в Петербург, он сообщил, что оставляет резиденцию, имущество и часть архива посольства на «сохранение Антонио Угарте-и-Ларрасабалю, агенту Дании, честность которого здесь всем известна»¹. Так в российской дипломатической корреспонденции впервые появилось имя человека, которому будет суждено сыграть важную роль в развитии российско-испанских отношений после завершения освободительной войны. Услуги, оказанные им Моренгейму, станут основой долгого сотрудничества российских дипломатов с этим оборотистым испанцем, верным подданным Фердинанда VII (Fernando VII de España, 1806 – 1808, 1814 – 1833). Изучение их взаимодействия на завершающем этапе войны за независимость позволяет выявить особенности как социальных связей российских дипломатов в Испании, так и отношение представителей повстанческого Регентского совета к перспективам российско-испанского союза. Судьба имущества и архива российского посольства после его передачи на хранение испанцу – это казус, в котором раскрывается специфика взаимоотношений представителей двух держав в 1812 – 1813 гг., в начальный период действия Великолукского договора. Дипломатическая переписка и корреспонденция Регентского совета, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи и Национальном историческом Архиве Испании, позволяют проанализировать его как с российской, так и с испанской точек зрения.

Казус этот тем более привлекателен, что в исследовательской литературе он упоминается только в связи с возобновлением работы российского посольства в Мадриде по приезду Дмитрия Павловича Татищева в сентябре 1814 г. [Urquijo Goñia, 2013]. Биографии действующих лиц этой истории не разработаны. Деятельность П.О. Моренгейма в Испании исследована в основных чертах [Соколов, Ещенко, 2017a]. Сведения о Генрихе Юлии (Юлии Александровиче) Валленштейне, российском агенте в Испании после отъезда Моренгейма, недостаточны: его знают как первого российского консула в Бразилии, а реконструкция испанского периода его биографии только началась [Соколов, Ещенко, 2017b]².

Антонио Угарте (Antonio Ugarte y Larrazábal, 1766 – 1830), по сравнению с российскими дипломатами, – личность известная. На основе отзывов современников и сохранившихся материалов личного архива, в историко-

¹ П.О. Моренгейм – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 28.07/9.08.1812. // Архив Внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд 133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7528. Л. 225 об.

² К сожалению, исследование А.О. Ещенко осталось незавершенным.

графии за ним закрепились репутация фаворита Фердинанда VII, ультраконсерватора, корыстолюбивого интригана, одного из видных членов королевской камарильи в период «абсолютистского шестилетия» 1814 – 1820 гг. и второй Реставрации (до 1824 г.) [Ortiz de la Torre, 1934: 8-11; La Parra López, 2018: 323; Bustos, 2017: 216-217]. По мнению испанских историков, деятельность Угарте при дворе Фердинанда VII свидетельствует о реакционности

Антонио Угарте и его жена,
Мария Антония Ларрасабаль.
Висенте Лопес-и-Портанья. 1833

испанского правительства в целом, о личном произволе короля, который, опираясь на своих доверенных лиц, совершал политические ошибки. Одним из просчетов является потворство монарха усилению российского влияния на испанский международный курс, произошедшее благодаря связям Угарте с российским послом Д.П. Татищевым [La Parra López, 2018: 324-327; Schor Soler, 1984: 134; Eggers, Feune de Colombi, 1958: 69]. Сотрудничество с такой нечистоплотной персоной, как королевский фаворит, компрометирует лично Татищева, прибегавшего к якобы неприемлемым в дипломатии начала XIX в. методам действия, например, использованию личных связей и интриг. Это суждение основано на истории о продаже Испании российских кораблей в 1817 г., которая до сих пор представляется успешной интригой тандема Угарте-Татищев [Ortiz de la Torre, 1934: 10; Bustos, 2017: 216], вопреки аргументам, приведенным М.А. Додолевым и А.М. Шоп Солер [Додолев, 1984: 127-136; Schor Soler, 1984: 205-228]. В любом случае имя Угарте вписано в историю российско-испанских отношений. Однако в исследованиях речь идет преимущественно об одном ее периоде – времени после 1814 г., что объясняется известными источниками. Биография этого влиятельного политика до возвращения Фердинанда VII из французского плена известна плохо [Urquijo Goitia, 2013]. Думается, что сведения о его сотрудничестве с российскими дипломатами во время освободительной войны объяснят его дальнейшую политическую карьеру, тесно связанную с российской политикой в Испании.

Причины, побудившие российского представителя доверить агентские полномочия испанцу, связаны с особенностями российско-испанских отношений 1808 – 1812 гг. [Додолев, 1984: 20-75; Волосюк, 2014; Юрчик, 2018]. Восшествие в 1808 г. на испанский престол Жозефа Бонапарта и начало осво-

Жозеф Бонапарт,
Король Испании с 1808 по 1813 гг.

бодительной войны осложнили дипломатические отношения между Россией и Испанией. Союз с Первой империей определял общее направление внешней политики и условия международного взаимодействия обеих держав вплоть до вторжения французской армии в Россию в 1812 г. Тем не менее испанская война за независимость существенно изменила реальное положение дел. Фактически с 1808 г. в Испании установилось двоевластие: профранцузское правительство короля Жозефа и повстанческий Регентский совет, действовавший от имени «пленного» Фердинанда VII Бурбона, равным образом претендовали на законное представительство интересов испанского государства. Следуя Тильзитским обязательствам, Россия была вынуждена признать власть брата

Наполеона в Испании и после Эрфуртской встречи официально отказалась от вмешательства во французскую политику на Пиренейском полуострове. На самом деле Александр I предпочел двойную дипломатию. Соблюдая условия договора с Францией, российский император в то же время поощрял тайные переговоры с испанскими патриотами о заключении союзного соглашения, которое в конце концов было подписано 8 июля 1812 г. в Великих Луках.

Двойственность международной политики России в 1808 – 1812 гг. сказалась на деятельности российской миссии в Испании. С ноября 1808 г. в Мадриде не было российского посла: Г.А. Строганов уехал из страны, желая таким образом обеспечить своему правительству свободу маневра в изменчивой обстановке начала освободительной войны [Юрчик, 2017]. Три с лишним года российские интересы в Испании представлял секретарь посольства П.О. Моренгейм, не обладая при этом полномочным дипломатическим статусом. Получалось, что Петербург не разрывал отношения с наполеоновской Испанией, но и не придавал им полноценного значения. Только в августе 1811 г. Моренгейм был назначен временным поверенным в делах Российской империи при правительстве Жозефа Бонапарта. Все время своей службы в Испании он, тщательно соблюдая общую линию российско-французского союза, одновременно общался и с представителями повстанцев, и со штабом британской армии в Испании [Соколов, Ещенко, 2017а: 159–160, 162]. Депеши, которые ему удавалось отправлять в Петербург, содержали сведения как о французской политике на полуострове, так и о действиях

патриотов, включая конституционные дебаты в Кадисе. Моренгейм сумел наладить контакты с агентами Регентского совета³, которые впоследствии, в период Реставрации, сыграют важную роль в укреплении российских позиций в Испании.

Нападение Франции на Россию в июне 1812 г. и заключенный через три недели российско-испанский союз изменили положение российской миссии в Испании. Если для правительства Жозефа Бонапарта российские дипломаты стали представителями противника, то Регентство было готово их принять как союзников. Положение П.О. Моренгейма при дворе «короля-самозванца» оказалось сродни положению заложника⁴, но и уехать из страны, не имея инструкций от своего правительства, он не мог – нужны были проездные документы как для французской, так и для повстанческой зон. У дипломата не было и средств, чтобы самостоятельно путешествовать куда бы то ни было. Военная обстановка стремительно менялась, и принимать решение надо было быстро. 22 июля 1812 г. объединенные англо-испанские силы под командованием Веллингтона (Arthur Wellesley, 1st Duke of Wellington, 1769 – 1852) одержали победу при Арапилес и двигались к столице. Моренгейм, наученный опытом деятельности в неопределенных политических обстоятельствах, предпочел следовать за правительством Жозефа Бонапарта в Валенсию, причем деньги на поездку ему ссудил французский посол Лафорэ [Соколов, Ещенко, 2017а: 164].

В беседах с Лафорэ Моренгейм выражал надежду на свое скорое возвращение в столицу для выполнения представительских обязанностей при короле Жозефе, поскольку сомневался в том, что «император, его правитель, хотел прекратить свои отношения с королем» [Соколов, Ещенко, 2017а: 164]. Вряд ли подобные заверения действительно отвечали намерениям дипломата. В начале сентября он, пусть не без колебаний⁵, принял решение уехать из Испании во Францию, в Париж. Скорее всего, Моренгейм не знал, насколько длительным будет его отсутствие и вернется ли он в Испанию: французскому послу и главе профранцузского правительства Мигелю Асансе (Miguel José de Azanza, 1746 – 1826) Моренгейм говорил о «коротком сроке» предполагаемого отсутствия, в переписке с Угарте речь шла «о нескольких месяцах»⁶. Как бы то ни было, в Испанию он не вернулся. Российское посольство осталось без сотрудников: секретарь миссии Гесслер уехал вместе с Моренгеймом.

³ П.О. Моренгейм – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 19/31.07.1812. // АВПРИ. Фонд 133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7528. Л. 211

⁴ [Неизвестные корреспонденты. Кадис. 8.10.1812] // 1812-1813. Morenheim (Baron). Sobre el archivo de la Legación de Rusia durante el reinado de José Bonaparte 1812-1813. En Archivo Histórico Nacional (AHN), Fondo ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 11.

⁵ Pável Mohrenheim a Antonio Ugarte. Valencia. 7.09.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 25; Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 3/15.09.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 159 об.

⁶ Pável Mohrenheim a Antonio Ugarte. Valencia. 7.09.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 25.

В то время Моренгейм не знал, что 8 июля 1812 г., в день подписания российско-испанского договора, канцлер Российской империи Н.И. Румянцев официальным письмом прекратил его полномочия в Испании и потребовал его выезда из страны «по примеру барона Строганова через любой порт Полуострова.., чтобы направиться в Петербург, либо через Швецию, либо напрямую»⁷. Это письмо было получено в Кадисе первым государственным секретарем Регентского совета 1 сентября вместе с текстом Великолуцкого договора. Через три дня кадисские власти выписали паспорт на имя Моренгейма с правом на проезд из Мадрида в Кадис. 15 сентября все эти документы достигли столицы, к тому времени занятой англо-испанскими войсками, но российский дипломат их не получил, ведь он уже был на пути во Францию. Конверты остались нераспечатанными⁸.

Глава посольства стремился организовать свой отъезд так, чтобы в случае изменения обстановки обеспечить возобновление работы миссии. Более того, Моренгейм не хотел оставлять свое правительство без оперативных сведений о состоянии испанской политики (информацию о действиях французов он рассчитывал сообщать сам). Нужны были доверенные лица, которым можно было поручить охрану резиденции, посольского имущества, включая его личные вещи, и агентурные обязанности. Выбор, в сущности, был невелик.

В испанском кругу общения Моренгейма заметной фигурой был Антонио Угарте-и-Ларрасабаль, 46-летний уроженец Бискайи. Он был опытным бюрократом и до войны служил в одном из департаментов Королевского Финансового совета⁹. Угарте, известный адвокат, управлял собственной юридической конторой, разбиравшей налоговые тяжбы и «жил счастливо, независимо, в достатке и спокойствии, и все потерял в одночасье в 1808 году» [Ortíz de la Torre, 1934: 241]. Судя по всему, в начале ноября 1808 г., после отъезда из Мадрида повстанческого правительства, Центральной хунты, Угарте стал тайным агентом инсургентов; некоторые его отчеты о перемещении французских войск сохранились¹⁰. В то же время, он благополучно сосуществовал с французскими властями и не вызывал у них подозрения. Трудно сказать, когда именно он свел знакомство с российскими дипломатами – состоялось ли оно еще при Г.А. Строганове или позже¹¹. Из-

⁷ Н.И. Румянцев – П.О. Моренгейму. Великие Луки. 8.07.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 111.

⁸ Ignacio de la Pezuela a Francisco de Zea Bermúdez. Cádiz. 14.10.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 65, 98.

⁹ Сведения о его службе посольным не подтверждаются документами и, скорее всего, являются вымыслом его недоброжелателей [Urquijo Goitia, 2013].

¹⁰ Partes de los movimientos y operaciones del ejército francés dados por jefes militares encargados de ello y por informadores particulares. Antonio Ugarte y Larrazábal, comisionado en Madrid. En Archivo Histórico Nacional (AHN) Fondo DIVERSOS-COLECCIONES, Leg. 97, Exp. 15.

¹¹ В испанской историографии существует мнение о том, что именно Строганов привлек Угарте к сотрудничеству, «доверив ему свое имущество при отъезде» [Ortíz de la Torre, 1934: 9; Eggers, Feune de Colombi, 1958: 41]. Часть архива – приложения к донесениям Строганова с 1805 по 13 марта 1808 гг. и переписка по поводу нападения на российское посольство 14 октября 1808 г. – была передана на хранение австрийскому посланнику. АВПРИ.

вестно, что он попал «в поле зрения» российской миссии по рекомендации члена дипломатического корпуса – представителя Дании, на 1812 г. союзной Франции державы¹². Он доверил Угарте хранение посольского имущества и архивов. Моренгейм в письме Румянцеву в конце июля 1812 г. ссылался именно на этот факт¹³. С официальной точки зрения, российский дипломат оставлял посольские дела испанцу, известному французским властям в качестве доверенного лица дружественной державы и тем самым подтверждал свою благонамеренность в отношении правительства «короля-самозванца».

Моренгейм знал о том, что Угарте был секретным агентом повстанцев. В 1812 г. имя испанца уже было известно в Петербурге благодаря Франсиско де Сеа Бермудесу (Francisco Ceá Bermúdez, 1779 – 1850), представителю Регентского совета, который с 1810 г. вел переговоры с российскими политиками о заключении союзного договора (и подписал его с испанской стороны 8 июля 1812 г.). Именно Угарте, пользуясь своими связями в «офранцузенном» правительстве, раздобыл для Сеа проездные документы, позволившие ему уехать из Испании в Россию [Eggers, Feune de Colombi, 1958: 41; Schop Soler, 1984: 115]. Во время второй своей поездки в Петербург Сеа рекомендовал Угарте как «человека уважаемого и достойного доверия», о чем свидетельствует записка неизвестного автора, приложенная к письму Моренгейма¹⁴ – тому самому письму, в котором российский поверенный в делах уведомлял Н.И. Румянцева о своем отъезде и распоряжениях. Уезжая, Моренгейм оставил испанцу пакет с письмами для переправки в Россию через англичан, «адъютантов Веллингтона», именно его передал Сеа для Румянцева вместе с лестным отзывом об Угарте. Также он сообщал, что в его отсутствие Угарте будет информировать канцлера «обо всем, что достойно Вашего внимания касательно служебных интересов»¹⁵.

Итак, Моренгейм предоставил Угарте широкие полномочия. Испанский агент должен был следить за соблюдением экстерриториальности резиденции – на воротах и на доме сохранялся герб Российской империи. Посольскую документацию Моренгейм разделил на две части. Он увез с собой «шифры и текущий архив», то есть актуальную корреспонденцию, а «старый архив» остался на попечении Угарте¹⁶. Документы и имущество миссии должны были храниться в посольской резиденции, и, пока они находились там, аренда дома должна была выплачиваться. 7 сентября 1812 г. российский дипломат уведомил Угарте о своем возможном отъезде во Францию и поручил

Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7580. Л.139 об. Утверждение Эггера и Коломби, что в 1810 г. Угарте передавал для Строганова письмо [Eggers, Feune de Colombi, 1958: 41], пока не подтвердилось.

¹² Дания разорвет дипломатические отношения с Первой империей в 1814 г.

¹³ П.О. Моренгейм – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 28.07/9.08.1812. // АВПРИ. Ф.133(Канцелярия). Оп. 468. Д. 7528. Л. 225 об. [Неизвестные корреспонденты]. Б.м, б.д. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7528. Л. 227.

¹⁵ П.О. Моренгейм – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 28.07/9.08.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7528. Л. 225 об.

¹⁶ Там же.

чил ему, выбрав удобное время и без спешки, распродать часть посольского имущества (мебель, ковры, кухонную утварь)¹⁷ и использовать деньги по своему усмотрению.

Осторожный Угарте не спешил. Он запросил инструкций Регентского совета только 15 сентября 1812 г., то есть тогда, когда в Мадрид пришли официальные известия о заключении российско-испанского договора, а столицу контролировала англо-испанская армия. Теперь его положение было противоречивым: он был доверенным лицом России, дружественной державы, и одновременно агентом Дании и Пруссии, враждебных восставшей Испании государств. Угарте сообщал первому государственному секретарю Педро Лабрадору (Pedro Gómez Labrador, 1772 – 1850), что собирается действовать осмотрительно, чтобы не нанести ущерб российско-испанским отношениям и не привлекать внимание к российской резиденции¹⁸. Он просил и получил санкцию Регентства на сообщение в Петербург сведений об испанской политике. В начале октября 1812 г. Лабрадор одобрил все действия Угарте.

Помимо А. Угарте, после отъезда П.О. Моренгейма от имени российского поверенного в делах стал действовать Генрих Юлий Валленштейн, молодой силезец (около 22 лет), который в составе французской армии оказался в Испании и около 1810 г. буквально «прибился» к российской миссии [Сokolov, Ещенко, 2017b: 172–173]. Никакого официального статуса у него не было: в штате посольства он не состоял. Однако уже в августе 1812 г. Валленштейн, пользуясь связями в английской армии, стал отсылать объемные отчеты в Петербург, в которых содержалась военные и политические сведения об испанских делах, свидетельствовавшие о его незаурядной энергии, наблюдательности и коммуникабельности. В мае 1813 г. он сумел раздобыть бумаги Лафорэ, французского посла в Испании¹⁹.

Скорее всего, Валленштейн остался в Испании с ведома Моренгейма. Однако российский поверенный в делах, не желая компрометировать свое положение, не считал возможным снабдить его официальными документами, подтверждающими причастность к российскому посольству. Так что Валленштейну пришлось буквально самоутверждаться, что было и нелегко, и рискованно. Бумага, которую он предъявлял представителям Регентства и английским военным в доказательство своих полномочий, выглядела сомнительно. Это была копия письма Моренгейма с приказом оставаться в Мадриде, удостоверяющего его положение в качестве личного секретаря российского поверенного в делах и полномочия по защите «привилегий резиденции»²⁰. Оригинал письма пока не обнаружен, а копия (если это копия)

¹⁷ Pável Mohrenheim a Antonio Ugarte. Valencia. 7.09.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 25.

¹⁸ Antonio Ugarte al Ministro de Estado. Madrid. 15.09.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 19.

¹⁹ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Кадис. 5/17.05.1813. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7532. Л. 98 об.

²⁰ П.О. Моренгейм – Ю.А. Валленштейну. Мадрид. 28.07/09.08.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 85.

сделана почерком Валленштейна. Для пущей важности изобретательный агент, подписываясь, добавлял к своей «основной» секретарской должности звание «члена Королевской Академии Истории в Мадриде»²¹.

И все же документы позволяют утверждать, что Моренгейм действительно поручил своему «личному секретарю» сбор информации и, при удобном случае, передачу ее российскому правительству – через англичан или через кадисские власти. Он оставил Валленштейну свой личный шифр, и в мае 1813 г. Валленштейн воспользовался им в письме к Румянцеву в качестве доказательства доверия Моренгейма²². Будучи в Валенсии, российский поверенный переписывался со своим мадридским агентом: так, в сентябре 1812 г. Валленштейн знал, что «его шеф» отправил почту из Валенсии российскому консулу в Аликанте²³. Российское правительство признает и поощрит усилия своего «секретаря испанского посольства» только весной 1813 г.: Румянцев пообещает оставить Валленштейна на службе после прибытия в Мадрид нового российского полномочного посла Д.П. Татищева²⁴. К тому времени российский агент отсылал свои отчеты в Лондон российскому послу Х.А. Ливену (а через него – Татищеву, получившему назначение в Испанию и с сентября 1812 г. находившемуся в Лондоне)²⁵, и в Лиссабон, на имя А.Я. Дубачевского (не зная, вероятно, что тот уже служил в Лондоне)²⁶. Валленштейн, несомненно, был хорошо осведомлен об официальных контактах российской миссии в Испании и сумел ими воспользоваться.

Валленштейн страстно желал попасть на российскую службу и стремился убедить в своей полезности Румянцева. При этом молодой человек не гнушался выдавать желаемое за действительное и уверял российского канцлера, что действует в качестве «личного секретаря барона Моренгейма, каковой, уезжая из Мадрида, приказал мне остаться здесь для сохранения архива и имущества миссии и защиты, в случае необходимости, привилегий, связанных с их местонахождением»²⁷.

Создавалась двусмысленная ситуация: Валленштейн претендовал на полномочия Угарте, официально подтвержденные и в России, и в Испании. Конфликт интересов быстро проявился, ведь нужно было переправить корреспонденцию Моренгейма в Петербург, а для этого нужна была помощь Веллингтона. Каждый из агентов решил воспользоваться ситуацией, чтобы настоять на своем первенстве. Но результат оказался курьезным: Угарте, видимо, решил перестраховаться и не стал общаться с англичанами. Он

²¹ Yuli Wallenstein a Pedro Labrador. Madrid. 14/26.11.1812. // АНН. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 89.

²² Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Кадис. 5/17.05.1813. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 428 об. –429.

²³ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 12/24.10.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 376.

²⁴ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Кадис. 5/17.05.1813. // АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7532. Л. 98.

²⁵ Ю.А. Валленштейн – Х.И. Ливену. Аликанте. 16/28.02.1813. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7537. Л. 33.

²⁶ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Кадис. 5/17.05.1813. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7532. Л. 100.

²⁷ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 7/19.08.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 2 об.

передал пакет Моренгейма Валленштейну. Тот, представившись секретарем российского посольства, добился аудиенции английского военачальника, и Веллингтон согласился отправить российскую посольскую почту «со своим адъютантом через Лондон для вручения Николаи, российскому послу в Стокгольме»²⁸.

А. Угарте, вероятно, это устраивало: он не дезавуировал свое противоречивое положение; кроме того, формальное известие о союзе с Россией еще не поступило. Однако контроль над положением испанцев терять не хотел, и, видимо, написал Ф. де Сеа Бермудесу о том, что у него в Мадриде есть соперник. Письмо ушло в Петербург вместе с пакетом Моренгейма; его содержание резюмировала та самая записка с лестным отзывом об Угарте. В нем говорилось: «некий г-н Жюль, служивший г-ну Моренгейму, – ... человек, которому не следует доверять; он способен скомпрометировать Министерство»²⁹. Так испанец, с одной стороны, использовал Валленштейна, а с другой – дискредитировал его в российском МИДе.

Однако результаты встречи с Веллингтоном явно воодушевили Валленштейна, и он попытался подорвать доверие к своему испанскому сопернику. В письме Румянцеву Валленштейн доказывал, что сведения, полученные из разных источников, дадут более полную картину событий в Испании, и поэтому сведения Угарте разумно дополнить его собственными. Более того, наблюдения испанца, «движимого представлениями если не непохвальными, то, по крайней мере, извинительными, могут не просто представить факты в ложном свете, но и изменить их до неузнаваемости»³⁰. Словом, испанец предвзят, и сведения его ненадежны, то ли дело – информация Валленштейна, пусть иностранца, но ревностного слуги российского императора.

Силезец напрасно волновался. Угарте не мешал ему отправлять рапорты в Россию. Получалось своеобразное «разделение труда». Угарте выступал в качестве российского дипломатического агента, но агентурные сведения поставлял в Россию Валленштейн.

В то же время отъезд российского представителя из столицы вместе с французским двором компрометировал и Моренгейма, и Валленштейна. Военный губернатор Карлос де Эспанья с подозрением воспринял просьбу Валленштейна о передаче ему бумаг, присланных из Кадиса в Мадрид на имя Моренгейма, и свел беседу с российским агентом к обсуждению отсутствия российского поверенного в занятой патриотами столице³¹. В декабре 1812 г. государственный секретарь Регентского совета Педро Лаборатор заметил, что «есть веские основания подозревать его /Валленштейна – Е.Ю./ в сочувствии к нашим врагам»³².

²⁸ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид 7/19.08.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 9.

²⁹ [Неизвестные корреспонденты]. Б.м, б.д. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7528. Л. 227.

³⁰ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 8/20.08.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 23.

³¹ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 7/19.09.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 195-200.

³² Pedro Labrador al Gobernador militar de Alicante. Cádiz. 6.12.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 92.

Финансовое положение агента тоже было шатким. Моренгейм платил ему из своих, то есть посольских, средств; просьбы в Петербург о «распоряжениях, способных улучшить пребывание», остались без ответа³³. Судя по письмам Валленштейна, деньги он умел добывать, но их источники не афишировал.

Угарте решил воспользоваться уязвимостью российского агента, чтобы утвердить свою монополию на ведение «дел российского посольства». Предоставив Валленштейну сбор и отправку агентурных сведений и общение с английскими военными властями, испанец бдительно следил за его деятельностью. Угарте не допустил «секретаря» к делам, связанным с резиденцией – соблюдением ее экстерриториальности, решением имущественных проблем и хранению архива. Уже в октябре 1812 г. агентурная активность Валленштейна стала раздражать испанца, и он решил положить ей конец, воспользовавшись осложнениями в военной обстановке.

21 октября Веллингтон потерпел поражение в битве при Бургосе, и французская армия наступала на Мадрид. 23 октября Угарте решил уехать из города вместе с испанскими властями. Вещи из вверенной ему российской резиденции он перенес к себе, но герб с дома не снял, рассчитывая, что французы долго в столице не задержатся. Угарте распродал имущество посольства «как своё», а вырученные средства использовал, чтобы оплатить аренду резиденции и – оплачивать расходы Валленштейна. Испанец выделил российскому агенту содержание в 20 реалов в сутки, сославшись на то, что Моренгейм просил распоряжаться доходом от продажи посольской собственности «по своему усмотрению»³⁴.

Угарте стремился не привлекать внимания к состоянию российской миссии в Мадриде, чтобы не осложнять свое положение в изменчивой военной обстановке и не спровоцировать враждебные действия жителей столицы по отношению к резиденции представителей Российской империи. Дело в том, что образ России-союзника еще не устоялся в испанском общественном мнении. Память о нападении на российское посольство в 1808 г. была жива. Отъезд Моренгейма в июле 1812 г. вызвал «некоторое возбуждение», которое насторожило и Угарте, и Валленштейна. В октябре французы распускали слухи о том, что Россия скоро заключит мир с Францией, и Угарте всерьез опасался за судьбу посольского дома и его содержимого³⁵.

Трудно сказать, чем на самом деле руководствовался испанец, решив уехать из Мадрида, – соображениями собственной безопасности или стремлением поддержать российско-испанский альянс³⁶. Как бы то ни было,

³³ Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 8/20.09.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 202-202 об.

³⁴ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 38.

³⁵ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 29, 36-37; Ю.А. Валленштейн – Н.И. Румянцеву. Мадрид. 7/19.08.1812. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7530. Л. 3-3 об.

³⁶ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 35.

30 октября он покинул столицу и в начале ноября оказался в Касересе, благо проездные документы имелись. Российский архив он повез с собой. В отчете Регентскому совету Угарте подчеркнул, что сохранность документов была его приоритетом (уехал, «дабы избежать захвата бумаг русского посольства, дабы государственные секреты России не попали в руки врага»), и тем самым он стремился «сослужить великую службу своему отечеству»³⁷.

Интересы России были для него явно на втором месте. Воспользовавшись военной неопределенностью, испанец «увез с собой» Валленштейна, чтобы тот «не разговаривал с французами о том, что ему известно»³⁸. Так Угарте объяснил свой поступок в отчете Регентскому совету. Угарте дал российскому агенту убийственную характеристику: «никакой он не секретарь русской миссии», «у него нет никаких полномочий»³⁹, «чересчур своенравный и любезный», «склонный к притворству», «много себе позволяющий» молодой человек⁴⁰. Валленштейн, писал он, – «это шпион среди нас, который пишет в Россию все, что вздумается, и сеет недоверие к нашему правительству и армии»⁴¹. Его сведения ненадежны: «он все переписывает из газет», которые получает из Мадрида через знакомых⁴². Российский агент, репутация которого держалась на волоске, был серьезно дискредитирован в глазах союзников, на поддержку которых он рассчитывал.

В начале ноября Угарте и Валленштейн вернулись в столицу, поддавшись ложным слухам о том, что французы оставили город. Угарте сумел скрыть свое сотрудничество с российским посольством, представляясь теперь доверенным лицом Дании. Положение Валленштейна стало опасным, и Угарте уговорил его отправиться в Аликанте и оттуда уехать из страны. Испанец снабдил российского агента деньгами и документами и буквально выпроводил его из Мадрида. Оporочив Валленштейна в отчете Регентству, он просил Лабрадора выслать в Аликанте паспорт с тем, чтобы молодой человек как можно быстрее отправился в Лондон или в Россию⁴³. Угарте явно стремился избавиться от Валленштейна, ведь деятельность российского агента в Мадриде могла бросить тень и на него.

Российский агент добрался до Аликанте к 17 ноября 1812 г., но уезжать явно не собирался, благо и предлог нашелся – выездные документы затерялись, и нужно было ждать дубликат. Его поведение серьезно беспокоило губернатора порта, которого обязали следить за «так называемым секретарем», «не позволяя ему делать ничего сверх необходимого для путешествия

³⁷ Ibidem.

³⁸ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 37-38.

³⁹ [Неизвестные корреспонденты. Кадис. 1814] // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 43.

⁴⁰ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 38.

⁴¹ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 39.

⁴² Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 40.

⁴³ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 24.11.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 39-40.

в Россию»⁴⁴. Валленштейн осел в доме российского консула, активно общался с английскими офицерами и «поносил французов»⁴⁵. Регентский совет не торопил его с отъездом, не желая портить отношения с Россией. И Валленштейн не уехал из Испании, и в течение 1813 г., когда военные действия постепенно перемещались на север Испании, курсировал между Аликанте, Кадисом и Мадридом, собирая разведывательную информацию⁴⁶.

Весной 1813 г. ему представился случай «отомстить» Угарте за клевету. Валленштейн сообщил поверенному в делах Дании, что осенью 1812 г. Угарте нарушил свои обязанности, передав архив датской миссии в архив испанского Государственного совета и допустив просмотр документов. Имущество посольства Угарте распродал. Датский представитель пожаловался первому министру правительства Жозефа Бонапарта и после скандала вернул архив. Угарте, как всегда, сумел вывернуться, сославшись на свое неведение⁴⁷.

Прибытие полномочного посла России Д.П. Татищева в Мадрид в сентябре 1814 г. положило конец соперничеству Валленштейна и Угарте. Каждый из них занял «подобающее» место в кругу российского посла. Угарте сдал свои полномочия, вернул архив и предложил свои услуги в качестве проводника в придворное общество Фердинанда VII, которыми Татищев воспользовался и высоко оценил⁴⁸. Валленштейн наконец получил должность переводчика при российской миссии в Мадриде «сверх штата» [Соколов, Ещенко, 2017b: 172]. Он будет считать Татищева «своим благодетелем»⁴⁹, хотя на первых порах попытается найти другое место службы «либо в Италии, либо в Германии, либо в Польше»⁵⁰.

Взаимоотношения российских дипломатов с Антонио Угарте, а через него – с Регентским советом, в 1812 – 1813 гг. определялись военной обстановкой, двоевластием, сохранявшимся на территории Испании, и, разумеется, изменением международного статуса России после начала «русского похода» и заключения Великолукского договора. Дипломатия развивалась в динамичных условиях, и ее действующие лица были вынуждены адаптироваться к чрезвычайной ситуации, проявляя изобретательность и готовность к риску. Моренгейм, оказавшись заложником французов, сумел обеспечить соблюдение российских интересов в Испании. Он воспользовался

⁴⁴ [Неизвестные корреспонденты. Кадис. 1814]; Pedro Labrador al Gobernador militar de Alicante. Cádiz. 6.12.1812. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 43, 93.

⁴⁵ Gobernador militar de Alicante al Ministro de Estado. Ministro de Estado al Gobernador militar de Alicante. Cadiz. 27.01.1813. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 79-80.

⁴⁶ Ю.А. Валленштейн – Х.И. Ливену. Аликанте. 16/28.02.1813. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7537. Л. 33.

⁴⁷ Antonio Ugarte a Pedro Labrador. Madrid. 8.06.1813. // AHN. ESTADO, Leg. 5925-2, Exp. 2. F. 4-6.

⁴⁸ Д.П. Татищев – К.В. Нессельроде. Мадрид. 30.09/12.10.1814. // АВПРИ. Ф.133 (Канцелярия). Оп. 468. Д. 7539. Л. 118 об.

⁴⁹ Ю.А. Валленштейн – Д.П. Татищеву. Мадрид. 18/30.12.1817. // Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (Санкт-Петербург). (ОР РНБ). Фонд 762 (Д.П. Татищев). Д. 50. Л. 1.

⁵⁰ Ю.А. Валленштейн – А.И. Чернышеву. Мадрид. 30.07.1815. // Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (Санкт-Петербург). (ОР РНБ). Фонд 836 (А.И. Чернышев). Ед. хранения 36. Л. 5.

двойственным положением ловкого Угарте, поручив ему официальную сторону дел, и уравновесил влияние испанца, доверив активному Валленштейну сбор разведывательных данных. Угарте достойно выполнил свои обязанности, хотя ориентировался исключительно на цели испанской политики. Именно поэтому он стремился контролировать Валленштейна и тем самым – информацию, поступавшую из Испании в Петербург. Российский агент сумел отстоять свою независимость. Соперничество Угарте и Валленштейна было неизбежно, учитывая честолюбие и склонность к интриганству, свойственные им обоим. Вместе с тем, российские дипломаты и их испанские визави действовали в рамках союза между двумя державами, таким образом испытав его на прочность.

Список литературы:

Волосюк О.В. (2014) Россия и Испания в первой трети XIX века. *История Испании. Т.2. От войны за испанское наследство до начала XXI века*. Под ред. О.В. Волосюк, М.А. Липкин, Е.Э. Юрчик. Индрик, Москва. С. 271-293.

Додолев М.А. (1984) *Россия и Испания 1808-1823*. Наука, Москва. 268 с.

Соколов О.В., Ещенко А.О. (2017а) Неизвестная страница истории российской дипломатии. Деятельность П.О. Моренгейма в Испании короля Жозефа Бонапарта. *Клио*. № 4. С. 157-165.

Соколов О.В., Ещенко А.О. (2017b) Российская дипломатия в Испании в 1812 году, или немецкий «Хлестаков». *Клио*. № 5. С. 171-179.

Юрчик Е.Э. (2017) Нападение на российское посольство в Мадриде 14 октября 1808 г. и отъезд Г.А. Строганова из Испании. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 8, № 10(64). URL: <https://history.jes.su/s207987840001974-0-1/> (accessed: 20.01.2022). DOI: 10.18254/S0001974-0-1

Юрчик Е.Э. (2018) Россия и Испания в эпоху наполеоновских войн. *Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones*. Под ред. О.В. Волосюк. Индрик, Москва. С. 151-160.

Bustos S. (2017) Un intrigante en palacio: apuntes sobre Antonio Ugarte, consejero de Fernando VII. *La Historia, ¿Lost in translation? Actas del XIII Congreso de la Asociación de Historia Contemporánea*. Ed. por Damián Alberto González Madrid, Manuel Ortiz Heras, Juan Sisinio Pérez Garzón. Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, Cuenca, España. P. 215-222. URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/libro/711899.pdf> (accessed: 20.01.2022).

Eggers E., Feune de Colombi E. (1958) *Francisco de Zea Bermúdez y su época 1779-1850*. CSIC, Madrid, España. 196 p.

La Parra López E. (2018) *Fernando VII. Un rey deseado y detestado*. Tusquets Editores, Barcelona, España. 745 p.

Ortiz de la Torre E. (1934) Papeles de Ugarte. Documentos para la historia de Fernando VII. *Boletín de la Biblioteca de Menéndez Pelayo*. Año XVI, № 1. P. 8-32, 27-143, 217-245.

Schop Soler A.M. (1984) *Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia 1733-1833*. Ministerio de Asuntos Exteriores, Madrid, España. 520 p.

Urquijo Goitia J.R. (2013) Antonio Ugarte y Larrazábal. *Diccionario biográfico español*. Vol. XLVIII. Real Academia de la Historia. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/4242/antonio-ugarte-y-larrazabal> (accessed: 20.01.2022).

References:

Bustos S. (2017) Un intrigante en palacio: apuntes sobre Antonio Ugarte, consejero de Fernando VII, en Damián Alberto González Madrid, Manuel Ortiz Heras, Juan Sisínio Pérez Garzón (ed.) *La Historia, ¿Lost in translation? Actas del XIII Congreso de la Asociación de Historia Contemporánea*, Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, Cuenca, España, pp. 215-222. URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/libro/711899.pdf> (accessed: 20.01.2022).

Dodolev M.A. Rossiya i Ispaniya 1808-1823 [Russia and Spain in 1808-1823], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Eggers E., Feune de Colombi E. (1958) *Francisco de Zea Bermúdez y su época 1779-1850*, CSIC, Madrid, España.

La Parra López E. (2018) *Fernando VII. Un rey deseado y detestado*, Tusquets Editores, Barcelona, España.

Ortiz de la Torre E. (1934) Papeles de Ugarte. Documentos para la historia de Fernando VII, *Boletín de la Biblioteca de Menéndez Pelayo*, año XVI, no. 1, pp 8-32, 27-143, 217-245.

Schop Soler A.M. (1984) *Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia 1733-1833*, Ministerio de Asuntos Exteriores, Madrid, España.

Sokolov O.V., Eschenko A.O. (2017a) Neizvestnaya stranitsa istorii rossiiskoi diplomatii. Deyatel'nost' P.O. Morengeima v Ispanii korolya Zhozefa Bonaparta. [The unknown page in the history of Russian diplomacy. The activity of Mohrenheim in Spain of the king Josef], *Klio*, no. 4, pp. 157-165. (In Russian)

Sokolov O.V., Eschenko A.O. (2017b) Rossiiskaya diplomatiya v Ispanii v 1812 godu, ili nemetskii «Khlestakov» [Russian diplomacy in Spain in 1812 or German “Khlestakov”], *Klio*, no. 5, pp. 171-179. (In Russian)

Urquijo Goitia J.R. (2013) Antonio Ugarte y Larrazábal, *Diccionario biográfico español*. Vol. XLVIII, Real Academia de la Historia. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/4242/antonio-ugarte-y-larrazabal> (accessed: 20.01.2022).

Volosyuk O.V. (2014) Rossiya i Ispaniya v pervoi treti XIX veka [Russia and Spain in the first third of the XIX century] en Volosyuk O.V., Lipkin M.A., Yurchik E.E. (ed.) *Istoriya Ispanii*. T.2. Ot voyny za ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka [History of Spain. Vol.2. From the War of the Spanish Succession till the beginning of the XXI century], Indrik, Moscow, Russia, pp. 271-293. (In Russian)

Yurchik E.E. (2017) Napadenie na rossiiskoe posol'stvo v Madride 14 oktyabrya 1808 g. i ot'ezd G.A. Stroganova iz Ispanii [The Attack on the Russian Mission in Madrid on the 14th October 1808 and G. Stroganov's Departure from Spain], *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*, vol. 8, no. 10(64). DOI: 10.18254/S0001974-0-1 (In Russian)

Yurchik E.E. (2018) Rossiya i Ispaniya v epokhu napoleonovskikh voyn [Russia and Spain during the epoch of Napoleonic Wars], en Volosyuk O.V. (ed.) *España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones*, Indrik, Moscow, Russia, pp. 151-160. (In Russian)

Неразгаданный сюжет из посреднической деятельности испанской дипломатии в годы Первой мировой войны

© Т.Ю. Вепрецкая, 2023

Вепрецкая Тамара Юрьевна, канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (института) им. М.С. Щепкина.

109012, Москва, ул. Неглинная, 6/2, стр.1,2

E-mail: tvepretskaya@gmail.com

Аннотация. Во время Первой мировой войны дипломаты нейтральной Испании осуществляли активную посредническую деятельность между воюющими странами и оказывали неоценимое содействие российской стороне по возвращению российских подданных на родину. Помощь состояла в том числе в передаче русским денежных средств. Одним из эпизодов этой гуманитарной миссии стало спасение российского журналиста Д.Г. Янчевецкого, корреспондента газеты «Новое время» в Вене, арестованного австрийскими властями в июле 1914 г. по обвинению в шпионаже и приговоренного к смертной казни за «государственную измену». В мемуарах испанского посла в России Анибала Морильо и Перес дель Вильяр, графа де Картахена, «Воспоминания о моем посольстве в России», встречается аналогичный сюжет без указания имени человека, которому была оказана помощь. Испанский посол на примере так называемого Иванова сообщает о панславистской пропагандистской деятельности российского министерства иностранных дел на территории Австро-Венгрии. На основе анализа мемуаров испанского посла А. Морильо и соотнесения приводимой им информации с фактическим материалом из испанских и российских источников, преимущественно прессой, делается вывод о том, описывает ли испанский посол историю спасения Янчевецкого, или речь идет о каком-то другом человеке. Несоответствия в датировке порождают различные предположения по рассматриваемому вопросу. Подробно рассматривается роль испанской дипломатии в деле возвращения Янчевецкого в Россию. Дается характеристика данного фрагмента мемуаров испанского посла, предпринимается попытка оценить, какую цель ставил граф де Картахена, приводя подобный случай в своих воспоминаниях.

Ключевые слова: испанская дипломатия, Первая мировая война, гуманитарная миссия, мемуары, российская пресса

Для цитирования: Вепрецкая Т.Ю. (2023) Неразгаданный сюжет из посреднической деятельности испанской дипломатии в годы Первой мировой войны. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 163–182. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-163-182

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Un caso pendiente en la misión humanitaria y de mediación de la diplomacia española durante la Primera Guerra mundial

© T. Yu. Veprétskaya, 2023

Tamara Yu. Veprétskaya, PhD (Historia), Profesora de Historia en el Departamento de Filosofía y Culturología en la Escuela Superior de Teatro M.S. Shchepkin.
109012, Rusia, Moscú, calle Neglinnaya, 6/2, edificios 1,2
E-mail: tvepretskaya@gmail.com

Resumen. Durante la Primera Guerra Mundial, los diplomáticos de España neutral jugaron un papel importante en la misión humanitaria y de mediación entre los países beligerantes, apoyando a los ciudadanos rusos en territorio enemigo, y prestaron una ayuda inestimable a Rusia en el retorno de los ciudadanos rusos a su patria. La asistencia consistió, entre otras cosas, en la transferencia de fondos a los rusos. Uno de los episodios de tal actividad fue el rescate del periodista ruso D.G. Yanchevetsky, corresponsal del periódico Novoye Vremya en Viena, quien fue detenido por las autoridades austriacas en julio de 1914, acusado de espionaje y condenado a muerte por «alta traición». Un caso similar se encuentra en las memorias del embajador de España en Rusia, Aníbal Morillo y Pérez del Villar, Conde de Cartagena, «Recuerdos de mi embajada en Rusia», sin indicar el nombre de la persona que fue asistida. El embajador español, utilizando el ejemplo de un tal Ivanov, informa sobre las actividades de propaganda paneslavista del Ministerio de Asuntos Exteriores de Rusia en el territorio de Austria-Hungría. Basándose en el análisis de las memorias del embajador español A. Morillo y la correlación de la información que citaba con los datos de las fuentes españolas y rusas, en primer lugar la prensa, se intenta averiguar si el embajador español describe la historia del rescate de Yanchevetsky o está hablando de alguna otra persona. Las incongruencias en las fechas obligan a expresar diversas suposiciones sobre el tema y a detenerse con más detalle en el papel de la diplomacia española en el rescate de Yanchevetsky. Al caracterizar este fragmento de las memorias de Morillo se trata de entender el objetivo planteado por el conde de Cartagena para citar aquel episodio en sus memorias.

Palabras clave: diplomacia española, Primera Guerra Mundial, misión humanitaria, memorias, prensa rusa

Para citar: Veprétskaya T. Yu. (2023) Un caso pendiente en la misión humanitaria y de mediación de la diplomacia española durante la Primera Guerra mundial. *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 163–182. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-163-182

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

An unsolved case from mediation activities of the Spanish diplomacy during World War One

© T. Yu. Vepretskaya, 2023

Tamara Yu. Vepretskaya, PhD (History), Professor of History at the Department of Philosophy and Cultural Studies, M.S. Schepkin Higher Theatre College (Institute).
109012, Russia, Moscow, Neglinnaya street, 6/2, building 1,2
E-mail: tvepretskaya@gmail.com

Abstract. During World War One the diplomats of neutral Spain carried out important mediation activities, supporting Russian citizens on enemy territory and trying to facilitate the return of the Russian citizens from the enemy countries. The Spanish assistance consisted, among other things, in the transfer of funds to the Russians. One of the episodes of that humanitarian mission was the rescue of a Russian journalist D.G. Yanchevetsky, a correspondent for the *Novoye Vremya* newspaper in Vienna, who was arrested by the Austrian authorities in July 1914 on charges of espionage and sentenced to death for «high treason». A similar case is found in the memoirs of the Spanish ambassador to Russia, Anibal Morillo y Pérez del Villar, Count de Cartagena, «Memories of my Embassy in Russia», without indicating the name of the person who was assisted. The Spanish ambassador, using the example of a so-called Ivanov, reports on the pan-Slavist propaganda of the Russian Foreign Ministry on the territory of Austria-Hungary. Based on the analysis of the memoirs of the Spanish ambassador and the correlation of that information with the facts from the Spanish and Russian sources, mainly the press, the article aims to figure out whether the Spanish ambassador described the same episode of the rescue of Yanchevetsky or he meant some other person. Discrepancy in some dates urges to express various assumptions on the issue under consideration and dwell in more detail on the role of Spanish diplomacy in the return of Yanchevetsky to Russia. The article attempts to characterize this fragment of the memoirs of the Spanish ambassador and tries to comprehend the goal set by Count de Cartagena in mentioning that case in his memoirs.

Keywords: Spanish diplomacy, World War One, humanitarian mission, memoirs, Russian press

For citation: Vepretskaya T.Yu. (2023) An Unsolved Case from Mediation Activities of the Spanish Diplomacy During World War One. *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 163–182. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-163-182

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Дипломатия в предвоенный и военный период вынуждена считаться с особыми вызовами времени. Когда государства оказываются по разные стороны конфликта, прерываются отношения, сложившиеся между дипломатическими представительствами в мирное время. Дипломаты оказываются перед необходимостью решать новые, продиктованные моментом, задачи и изыскивать иные пути для общения. На помощь приходит дипломатия нейтральных государств, выполняя функции посредника между воюющими сторонами. Иногда эти функции превращаются в настоящую миссию. Так, в период Первой мировой войны, когда Испания объявит о своем нейтралитете, именно испанская дипломатия будет представлять интересы России в странах Тройственного союза.

Различные аспекты политики испанского нейтралитета в годы Первой мировой войны неоднократно рассматривались в испанской историографии [Peris Alcántud, 2016; Ponce Marrero, 2007; Pando Despierto, 2002]. Российская историография в свою очередь затрагивала вопросы гуманитарной миссии Испании в отношении России [Медников, 2014; Петрова, 2015; Чернявский, 2015; Волосюк, 2016; Волосюк, 2018; Veprétskaya, 2021].

Война, начавшаяся летом 1914 г., застигла огромное количество русских за пределами страны. Многие оказались во вражеских государствах. Отношение к ним изменилось, люди испытывали проблемы с проживанием, с передвижением и просто материальные трудности. Министерство иностранных дел России разработало целую систему мероприятий по поддержке соотечественников, включая «снабжение русских необходимыми им денежными средствами» [Чернявский, 2015: 35-37]¹. Но из-за стремительного ухудшения отношений российские посольства и консульства не могли оказывать своевременную помощь российским гражданам в этих странах и сами были вынуждены срочно их покидать. Судьбы оставшихся русских были поручены испанским дипломатам как посредникам между воюющими сторонами [Чернявский, 2015: 38-41]².

Так, «центральной звеном в этой гуманитарной миссии российского МИД стало испанское посольство в Петрограде. Посол Испании в России А. Морильо-и-Перес, маркиз де ла Пуэрта, граф де Картахена (Aníbal Morillo y Pérez del Villar, Conde de Cartagena (IV), 1865 – 1929), прибывший в столицу Российской империи в феврале 1914 г., активно взялся за порученное ему нелегкое дело» [Чернявский, 2015: 37].

¹ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов (2014) Министерство иностранных дел Российской Федерации. Аквариус, Тула. С. 426-429. URL: https://idd.mid.ru/documents/23403248/23657693/MFA_wwi.pdf (accessed: 28.04.2021).

² Новое время, 29 июня (8 августа) 1914, №13782, с. 3; Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны... С. 487-490.

Совсем незадолго до начала мирового конфликта испанское посольство в Санкт-Петербурге (затем Петрограде) возглавил посол Анибал Морильо и занимал этот пост в самый разгар войны. Граф де Картахена оставил незавершенные мемуары – «Воспоминания о моем посольстве в России», которые дают возможность не только увидеть Россию его глазами, но и познакомиться с ним самим [Veprétskaya, 2021]. Вероятно, пребывание в России именно в должности человека, вынужденного устанавливать контакт между воюющими сторонами и немедленно реагировать на сиюминутные вызовы, наложило отпечаток на его воззрения.

Испанская историография характеризует его как доброжелательного и благородного человека, «франкофила по своим убеждениям», проявившего «прорусские симпатии» во время его поездки по Балканским странам в 1913 г. [Pando Despierto, 2002: 9]. Однако мы видим совсем иные взгляды А. Морильо в его воспоминаниях. Возможно, мы наблюдаем эволюцию его убеждений: мемуары написаны в 1927 г., спустя более десяти лет после описываемых событий, и со временем произошло переосмысление происходящего. С одной стороны, граф Картахена транслирует симпатию к России, ее народу и высшему обществу. С другой, перед нами предстает германофил, критикующий всю внешнеполитическую линию Российской империи и в конце концов бросающий в ее адрес страшное обвинение главного виновника развязывания войны [Вепрецкая, 2022].

Тем не менее как глава посольства А. Морильо, безусловно, оказывал помощь русским гражданам во время войны. Автором статьи уже освещались общие моменты гуманитарной деятельности испанского посла [Veprétskaya, 2021: 75-76]. Одним из важнейших аспектов посреднической миссии Испании стало содействие в возвращении российских подданных из неприятельских стран на родину, который и будет рассмотрен в данной статье на примере изучения одного конкретного сюжета, упомянутого в «Воспоминаниях» испанского посла в Российской империи Анибала Морильо, графа де Картахена.

Неразгаданный сюжет

В 1915 г. по настоятельной просьбе российского министерства иностранных дел испанский посол А. Морильо с помощью своего коллеги в Австро-Венгрии способствовал передаче некой суммы денег для того, чтобы из Вены смогла возвратиться российская семья, условно названная испанским послом Ивановыми. По словам Морильо, «через пару месяцев» этот «Иванов» нанес ему визит благодарности в Петрограде. Во время этой встречи русский якобы разоткровенничался и поведал, что задолго до войны он был направлен российским министерством иностранных дел в Вену для ведения активной антиавстрийской пропаганды с панславистских позиций в славянских СМИ и даже в военных подразделениях Австро-Венгрии с целью подготовки к вооруженному выступлению. Достичь этого ему не удалось: он

был арестован. Затем он чудом спасся из тюрьмы и смог вернуться в Россию на переданные испанской стороной деньги [Morillo y Pérez, 1931: 406-408].

Этот рассказ напоминает историю с российским журналистом Д.Г. Янчевецким, корреспондентом газеты «Новое время» в Вене, подробно рассмотренную в статье А.А. Петровой «Посредническая и гуманитарная деятельность Испании в годы Первой мировой войны в восприятии российской общественности (по материалам газеты “Новое Время” за 1914–1917 гг.)» [Петрова, 2015].

Дмитрий Григорьевич Янчевецкий (1873 – 1938) – русский писатель-востоковед, китаист, журналист, редактор, педагог. Брат писателя Василия Яна (1875 – 1954). С 1900 г. был газетным обозревателем на Дальнем Востоке, впоследствии освещал события Русско-японской войны 1904 – 1905 гг., работал корреспондентом в Персии [Хохлов, 1994: 65-69]. В 1911 г. был направлен в Вену в качестве корреспондента газеты «Новое Время»³. 19 июля (1 августа) 1914 г. был арестован австрийскими властями вместе с шестью галицко-русскими общественными деятелями по обвинению в шпионаже [Вацлав, Яворский, 2018: 118-119]. Протесты российского посла в Вене Н.Н. Шебеко были отклонены⁴. Целый год до судебного разбирательства, с августа 1914 по август 1915 гг., Янчевецкий находился в австрийской тюрьме⁵. С 21 июня по 21 августа 1915 г. проходил так называемый Первый русский процесс перед военным судом в Вене. Всем семерым вменяли в вину «подстрекательство» и «русофильскую агитацию», последовало обвинение в государственной измене и в качестве приговора смертная казнь через повешение [Вацлав, Яворский, 2018: 115-122].

Спасти Янчевецкого удалось благодаря вмешательству и активной помощи со стороны Испании. Сходство ситуаций натолкнуло на мысль, не о Янчевецком ли писал на самом деле граф де Картахена? На основе анализа мемуаров испанского посла А. Морильо и соотнесения приводимой им информации с российскими источниками, преимущественно прессой, попробуем разобраться, описывает ли испанский посол историю спасения Янчевецкого или речь идет о каком-то другом человеке. Ознакомимся сначала с фактами.

Дмитрий Григорьевич Янчевецкий – журналист, корреспондент газеты «Новое время», работавший в Вене с 1911 г. Предстал перед судом по обвинению «в пропаганде русского дела в Галиции»⁶. «Иванов» у Морильо был направлен в Австрию «задолго до войны» «с целью вести антиавстрийскую пропаганду в славянской прессе [Австрийской] империи» [Morillo y Pérez,

³ Новое время: 24 января (6 февраля) 1917 г., №14687, с. 5; 6 (19) августа 1911, №12715, с. 3-4.

⁴ Новое время, 27 июля (6 августа) 1914 г., №13780, с. 2.

⁵ Янчевецкий Д.Г. Записки австрийского каторжника. Новое время, 19 февраля (4 марта) 1917 г., №14712, с. 6.

⁶ Новое время, 8 (21) июня 1915 г., № 14095, с. 4.

1931: 408]. И хотя прямо не говорится, что «Иванов» – журналист, но цель его пребывания в Австрии, обозначенная таким образом, все же может рассматриваться как намек на его журналистскую деятельность.

Граф Картахена, в ответ на якобы откровенное признание «Иванова» о существовании тайной прославянской организации для ведения шпионажа, поздравил своего визитера с тем, что тот избежал казни через повешение, полагаящейся за шпионскую деятельность [Morillo y Pérez, 1931: 408]. Именно подозрение в шпионаже было предъявлено Янчевецкому сразу после его ареста⁷. А в результате следствия он был приговорен к повешению⁸.

Сравнивая «Иванова» и Янчевецкого, следует заметить, что в обоих случаях мы имеем дело с семейным человеком.

Свой рассказ об «Иванове» граф Картахена начинает с визита к нему «весной 1915 г.» начальника канцелярии МИДа России барона М.Ф. Шиллинга, который просил его оказать «важную услугу»: «доставить денежную сумму одной русской семье, находящейся в Вене». Морильо особо подчеркнул, что Шиллинг повторно отметил, как важно передать деньги именно «упомянутой семье». Когда так называемый Иванов навестил испанского посла с визитом благодарности, он напомнил о себе как о «члене той семьи», которой Морильо помог передать деньги [Morillo y Pérez, 1931: 406–407]. Итак, хотя нет подробностей о жене «Иванова», но несколько раз упоминается его семья, что может, как минимум, свидетельствовать о наличии супруги.

Жена Д.Г. Янчевецкого, Александра Ивановна, урожденная Огнева, правнучка А.В. Суворова, находилась вместе с мужем в Вене в момент его ареста в августе 1914 г. В своих «Записках австрийского каторжника» журналист не раз упоминает, как он надеялся, что после предварительных допросов, когда полиция разберется в ошибочности его ареста, он сможет вернуться домой к жене⁹.

На момент упомянутого визита Шиллинга, то есть «весной 1915 г.», если верить датировке у Морильо, А.И. Янчевецкая пыталась хлопотать об освобождении супруга. Пресса заговорит о ней 17 июня (30) июня 1916 г., через два дня после ее собственного ареста, в таком смысле, что жена журналиста «не уехала из Вены в момент объявления войны, потому что считала долгом поддерживать своим присутствием арестованного мужа», оставалась «для утешения мужа»¹⁰. Важно, что, пока Янчевецкий еще не был осужден, начальник канцелярии российского МИДа вполне мог обращаться к испанскому послу по вопросу о денежной сумме для помощи семье Янчевецких.

⁷ Янчевецкий Д.Г. Записки австрийского каторжника. Новое время, 1 (14) февраля 1917 г., №14695, с. 5; Янчевецкий Д.Г. Записки австрийского каторжника. Новое время, 16 февраля (1 марта) 1917 г., № 14705, с. 6.

⁸ Новое время, 21 августа (3 сентября) 1915 г., №14169, с. 2; Янчевецкий Д.Г. Записки австрийского каторжника. Новое время, 19 февраля (4 марта) 1917 г., №14712, с. 6.

⁹ Янчевецкий Д.Г. Записки австрийского каторжника. Новое время, 1 (14) февраля 1917 г., № 14695, с. 5.

¹⁰ Новое время, 17 (30) июня 1916 г., № 14468, с. 2; Московские ведомости, 17 июня 1916 г., №139, с. 3.

Судьба А.И. Янчевецкой оказалась тоже нелегкой: она три месяца безуспешно добивалась свидания с мужем, потом ходатайствовала о своем отъезде в Россию, впоследствии была неожиданно арестована в июне 1916 г.¹¹ В начале июля «в результате энергичных представлений русского Министерства иностранных дел, сделанных через испанского посла, г-жа Янчевецкая освобождена из тюрьмы и возвратилась в Вену»¹².

Укажем еще один схожий момент. Об «Иванове» испанский посол писал: «Мой посетитель выглядел очень плохо: я даже принял его за попрошайку» [Morillo y Pérez, 1931: 407]. В статье о возвращении Янчевецкого в Петроград сообщалось: «Д.Г. Янчевецкий сильно поседел, осунулся и на его лбу легли глубокие морщины»¹³. Понятно, что это ничего не доказывает, ведь любой человек после отбывания тюремного заключения будет иметь болезненный вид. Однако невозможно пройти мимо этой детали, потому что внешний вид фигурантов нашего расследования особо акцентируются в обоих случаях.

Как уже было сказано, первый визит барона Шиллинга в «Воспоминаниях» графа де Картахена датируется абстрактно «весной 1915 г.». Второй – через 3 недели от этой абстрактной даты, и третий – через 15 дней после второго. В результате Морильо снова дал телеграмму испанскому послу в Вену. Предположим, ответ коллеги из Вены, что указанная сумма переведена, последовал незамедлительно. Так, если считать по максимуму, что «весна» в Петрограде – это примерно конец мая, а по новому стилю – середина июня, то денежные вопросы решались как раз до августа 1915 г.

Весной 1915 г. Янчевецкий еще находился в предварительном заключении, и даже еще не открылся судебный процесс. В рубрике «События дня» газеты «Новое время» от 8 (21) июня 1915 г. узнаем о начале судебного процесса над галичанами и Янчевецким в Вене. Далее в том же номере целых две статьи посвящены открывшемуся процессу¹⁴. В статье «Дело Янчевецкого» в «Новом Времени» от 10 (23) июня 1915 г. говорится: «Наше дипломатическое ведомство немедленно приняло все меры для охраны интересов Д.Г. Янчевецкого через посредство испанского посла в Вене, а также озабочилось, чтобы привлеченным к суду иметь хорошего защитника»¹⁵. В статье «Судебное убийство» от 13 (26) августа 1915 г., сразу после процесса и вынесения приговора, сообщается, что газетой были приняты все меры «для спасения своего сотрудника вплоть до перечисления в Вену крупных денежных сумм для адвоката»¹⁶. Таким образом, можно предположить, что барон Шиллинг

¹¹ Новое время, 29 июня (2 июля) 1916 г., №14480, с. 5.

¹² Московские ведомости, 29 июня 1916 г., №149, с. 4.

¹³ Новое время, 23 января (5 февраля) 1917 г., № 14686, с. 4.

¹⁴ Новое время, 8 (21) июня 1915 г., № 14095, с. 1, 3, 4.

¹⁵ Новое время, 10 (23) июня 1915 г., №14097, с. 5.

¹⁶ Новое время, 13 (26) августа 1915 г., № 14161, с. 4-5.

мог обращаться к Морильо по поводу перевода этой денежной суммы на стадии попытки спасти Янчевецкого еще до вынесения решения суда.

Однако дальше мы сталкиваемся с несовпадением дат. Если все-таки «Иванов» и Янчевецкий одно и то же лицо, то сам граф Картахена не мог иметь описанный в его мемуарах разговор.

Итак, по нашим вычислениям, приблизительно к августу 1915 г. были направлены деньги. Но после этого момента, по словам А. Морильо, «Иванов» встретился с ним в Петрограде примерно через 2 месяца, то есть самое позднее в октябре-ноябре 1915 г. Однако Янчевецкий еще даже не был помилован. Процесс над Янчевецким и галичанами завершился только 21 августа (по новому стилю) 1915 г., до 22 августа журналист находился в каземате так называемой Чортовой башни¹⁷. Янчевецкий и шестеро других осужденных вместе с ним были помилованы 2 января 1916 г. [Pando Despierto, 2002: 224, 543]. Помилование означало лишь спасение от смертной казни. После помилования Янчевецкий был приговорен к пожизненной каторге и «более полгода он провел в качестве каторжника 2 разряда в средневековой тюрьме», в августе 1916 г. был возвращен в Вену, «тюремный режим смягчен» и велись переговоры о его обмене. 9 (22) января 1917 г. он прибыл в Стокгольм¹⁸.

Янчевецкие вернулись в Петроград только 4 февраля (по новому стилю) 1917 г.¹⁹ Испанский посол граф де Картахена покинул свой пост в Петрограде в апреле 1916 г. [Pando Despierto, 2012: 451]. 5 сентября 1916 г. новый испанский посол маркиз де Вильясинда (Luis Valera y Delavat, 1870 – 1926) вручил верительные грамоты Российскому императору²⁰. Значит, по крайней мере, сам Морильо явно не встречался с Янчевецким лично и, возможно, с какой-то целью передал эту историю с чьих-то слов.

О ком мог писать Анибал Морильо

Не исключена вероятность того, что Морильо повествует о другом человеке. В «Донесении управляющего генеральным Консульством России в Вене Е.С. Протопова в МИД» перечисляются разнообразные категории граждан, оказавшиеся за границей, в том числе в Австро-Венгрии, в самом начале войны, а также подчеркивается, что многие русские подвергались задержаниям и арестам. В частности, «в Вене был арестован сотрудник “Нового времени” Янчевецкий, в Карлсбаде – жена журналиста Звездича»²¹. Сам

¹⁷ Янчевецкий Д.Г. Записки австрийского каторжника. Новое время, 19 февраля (4 марта) 1917 г., №14712, с. 6.

¹⁸ Новое время: 24 января (6 февраля) 1917 г., №14687, с. 5; 19 сентября (2 октября) 1916 г., №14562, с. 2; 22 (09) января 1917 г., №14672, с. 2.

¹⁹ Новое время, 23 января (5 февраля) 1917 г., №14686, с. 4.

²⁰ Новое время, 5 сентября (23 августа) 1916 г., №14535, с. 2.

²¹ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны... С. 426, 429-430.

Янчевецкий в своих «Записках австрийского каторжника» пишет, что многие русские, проживавшие в тот момент в Вене, были схвачены австрийцами по подозрению в шпионаже²².

Однако мы выясняем, кто еще из российских подданных, занимающихся по долгу службы пропагандистской деятельностью в Вене, то есть, скорее всего, журналистикой, мог быть освобожден из тюрьмы, благодаря настоятельному ходатайству российского МИДа и вмешательству испанской дипломатии. Вышеупомянутое сообщение об аресте «супруги журналиста Звездича» не совсем подходит под условия нашего поиска, так как речь шла о Карлсбаде, а не о Вене.

Испанский историк Х. Пандо Деспьерто в своей книге о нейтральной Испании впервые приводит результаты проводимого испанцами исследования: на основе собранной достоверной документации удалось составить некоторые списки лиц, приговоренных к смертной казни на территориях противников и спасенных усилиями испанской дипломатии в 1915 – 1923 гг. Среди помилованных 2 января 1916 г. находим имена осужденных во время Первого военного судебного процесса в Вене (21 июня – 21 августа 1916 г.). Это шестеро галичан, помеченных как австрийские подданные, и российский подданный Д.Г. Янчевецкий. В скобках возле каждой фамилии указан род деятельности. Янчевецкий в этом списке – единственный журналист. Далее идет список приговоренных на Втором Венском процессе над русскими. Здесь есть некто Старицкий, отмеченный как литератор и поэт. Но Второй процесс состоялся в ноябре 1916 – феврале 1917 гг., и освобождены его фигуранты были в апреле 1917 г. К тому времени Морильо уже год как оставил свой пост посла. Еще важно, что помеченные в книге Х. Пандо Деспьерто российскими подданными русские осужденные Второго процесса все были подданными Австрии [Pando Despierto, 2002: 543-546].

К тому же Морильо упоминает, как настойчиво и даже нервно российская сторона взывала его о помощи в отношении так называемого Иванова [Morillo y Pérez, 1931: 407-408]. Из публикаций в российской прессе явствует, с какой тревогой вся российская общественность переживала за судьбу журналиста Янчевецкого [Петрова, 2015]. В «Новом времени» известия о судьбе корреспондента газеты публиковались часто, иногда кратко выносились в колонку событий дня, иногда им посвящались отдельные сообщения или целые статьи²³. Другие газеты тоже не оставили эту историю без внимания²⁴. Это было очень нашумевшее дело. В прессе не находится публикаций

²² Янчевецкий Д.Г. Записки австрийского каторжника. Новое время, 8 (21) февраля 1917 г., №14702, с. 5; Янчевецкий Д.Г. Записки австрийского каторжника». Новое время, 19 февраля (4 марта) 1917 г., №14712, с. 6.

²³ Новое время: 7 (20) марта 1914 г., №13644, с. 2; 24 июля (6 августа) 1914 г., №13780, с. 1; 22 августа (4 сентября) 1915 г., №14170, с. 2; 26 (13) августа 1915 г., №14161, с. 2; 17 (30) марта 1916 г., №14377, с. 4; 24 марта (6 апреля) 1916 г., №14384, с. 2; 11 (24) августа 1916 г., №14523, с. 1; 19 сентября (2 октября) 1916 г., №14562, с. 2; 9 (22) января 1917 г., №14672, с. 2; 23 января (5 февраля) 1917 г., №14686, с. 4; 24 января (6 февраля) 1917 г., №14687, с. 5; 3 (16) февраля 1917 г., №14697, с. 1.

²⁴ День, 22 августа 1915 г., с. 1; Московские ведомости, 29 июня 1916 г., с. 2

такого размаха о какой-либо еще личности, вызволенной из тюрьмы. Есть, к примеру, упоминания о жестоком обращении австрийцев с русскими заключенными, даже иностранные свидетельства, но обобщающие, без упоминаний конкретного лица²⁵. А мы в данном случае не рассматриваем иные аспекты гуманитарной миссии, такие как поиск русских людей за границей, денежные переводы отдельным лицам с разными целями, помощь военнопленным. Речь идет только о деле, связанном с вызволением из тюрьмы человека, работавшего в Вене.

Испанские послы в Петрограде и Вене и дело Янчевецкого

Все же оставим некоторый процент в пользу того, что «Иванов» не Янчевецкий. Однако зададимся вопросом, знал ли граф Картахена о попытках спасти Янчевецкого?

После объявления Испанией нейтралитета, испанские дипломаты начинают представлять интересы России в Германии и Австро-Венгрии. 8 августа (по новому стилю) 1914 г. газета «Новое время» официально оповестила всех, что в Берлине и Вене для осуществления операций, связанных с выплатой денежных ссуд русским «имеется в виду прибегнуть к содействию дипломатических представителей Испании»²⁶.

9 августа 1914 г. сам граф де Картахена прислал следующую телеграмму, также опубликованную в «Новом времени»: «С того дня, как Испания приняла защиту русских подданных в Германии и Австро-Венгрии, королевское посольство в С.-Петербурге не перестает делать все, что возможно, для получения сведений о русских подданных, находящихся в этих странах и установки способов передачи денег таковым. [...] Штат испанского посольства в С.-Петербурге работает неустанно и будет продолжать употреблять все усилия, чтобы достигнуть наилучших результатов...»²⁷.

С первых же дней войны испанское посольство в Санкт-Петербурге оказалось в самом эпицентре оказания всевозможной помощи русским. Морильо в своих мемуарах описывает загруженность посольства работой [Morillo y Pérez, 1931: 402]. Он даже обращается за помощью в Испанию. Историк Пандо Деспьерто относит испанское посольство в Санкт-Петербурге к числу дипломатических миссий наивысшей значимости. 24 августа 1914 г. граф де Картахена отправил министру иностранных дел Испании просьбу, в связи с тем, что два сотрудника посольства подали в отставку, «незамедлительно назначить первого и третьего секретарей, способных выносить неудобства и объем работы, вытекающие из сложившейся ситуации». Он настаивал на их срочном прибытии и готовности остаться [Pando Despierto, 2002: 146]. Из

²⁵ Новое время, 21 января (3 февраля) 1917 г., №14684, с. 4.

²⁶ Новое время, 29 июня (8 августа) 1914 г., №13782, с. 3.

²⁷ Новое время, 9 (22) августа 1914 г., №13796, с. 2.

«Воспоминаний» Ю.Я. Соловьева, советника посольства России в Испании, узнаем о создании при испанском посольстве в Петрограде Справочного стола о российских подданных, оставшихся на территории стран неприятеля. Соловьев, находившийся в тот момент в отпуске в Петрограде, возглавил это ведомство, где работали русские, помогая малочисленным испанским дипломатам [Соловьев, 1959: 257-259]. Таким образом, дело Янчевецкого не могло пройти мимо испанского посла в Петрограде.

Главный герой в истории спасения русского журналиста – это, безусловно, посол Испании в Вене Антонио де Кастро и Касалеис (Antonio de Castro Casaleiz, 1856 – 1918). В российской прессе регулярно сообщалось о деятельности испанского посла в Вене в интересах семерых осужденных, начиная со дня открытия судебного процесса в Вене 21 июня (по новому стилю) 1915 г. над русскими галичанами и Янчевецким и особенно после вынесения страшного приговора о смертной казни²⁸. Янчевецкий посвятил испанскому послу в Вене А. де Кастро и Касалеису первую главу своих «Записок австрийского каторжника», где высоко оценил те усилия, которые посол шаг за шагом предпринимал для его спасения.

Примечателен следующий пассаж в «Записках»: «Первое время испанский посол относился с некоторым неодобрением и заметной сдержанностью к делу корреспондента “Нового времени”, которого австрийские власти обвиняли в тайном шпионаже в пользу России. Посол желал убедиться, в самом ли деле русский журналист занимался шпионажем в Австрии»²⁹. Вспомним, что Морильо долго не получал от своего венского коллеги ответ на отправленную по просьбе барона Шиллинга телеграмму о переводе денег, так что даже «совершенно забыл об этом деле», и все это начинало ему казаться «странным: и молчание коллеги, и настойчивость Шиллинга». Позже, через полтора месяца, Морильо направил в Вену третью телеграмму и только тогда узнал, что деньги уже переведены. Причем по словам Морильо, в ответе венского коллеги «содержались некоторые недомолвки, которые я не мог себе объяснить» [Morillo y Pérez, 1931: 407].

Ни граф де Картахена, ни де Кастро не решали своей волей судьбу любого российского подданного персонально во вражеском лагере. История с Янчевецким, безусловно, была в своем роде исключительной, не рядовой. Возможно, этим объясняется бездействие испанского посла в Вене на начальном этапе. И этот момент, отразившийся в мемуарах у Картахены, может служить косвенным свидетельством в пользу того, что «Иванов» и Янчевецкий все же одно лицо.

²⁸ Новое время: 8 (21) июня 1915 г., №14095, с. 4; 22 августа (4 сентября) 1915 г., №14170, с. 2; 13 (26) августа 1915 г., №14161, с. 2; День, 22 августа 1915 г., №230 (1028), с. 1;

²⁹ Янчевецкий Д.Г. Записки австрийского каторжника. Новое время, 29 января (11 февраля) 1917 г., №14692, с. 5.

Если де Кастро решал вопросы с австрийскими властями, то связующим звеном между МИДом России и самим де Кастро был несомненно испанский посол в Петрограде граф де Картахена.

В своей книге Х. Пандо Деспьерто затрагивает историю с заключением Д.Г. Янчевецкого. В ответ на первые аресты русских австрийскими властями в России был схвачен австрийский вице-адмирал Й.Р. фон Маулер (Josef Mauler von Elisenu 1852 – 1916), которого война застала на российской территории. Испанские послы, де Кастро в Вене и, в свою очередь, граф де Картахена в Петрограде начали ходатайствовать о возможном помиловании с обеих сторон [Pando Despierto, 2002: 223]. Это опять же свидетельствует о том, что А. Морильо не мог не быть осведомлен о деле Янчевецкого, тем более что адмирала Маулера предполагали обменять на русского корреспондента «Нового времени».

Процесс вызволения журналиста был длительным и непростым. Решающую роль сыграл посол Испании в Вене Антонио де Кастро, который 2 января (по новому стилю) 1916 г., в день, когда «приговор должен был быть приведен в исполнение», получил аудиенцию австрийского императора Франца Иосифа (Franz Joseph I, 1848 – 1916) и «вручил ему собственноручные письма испанского короля Альфонса XIII и его матери Марии Кристины, урожденной габсбургской принцессы и близкой родственницы императора», передав при этом личную просьбу испанского короля Альфонса XIII (Alfonso XIII de España, 1886 – 1931) в частности о помиловании в отношении семерых русских³⁰. Де Кастро писал об этой аудиенции, которая вместо положенных протоколом десяти минут длилась тридцать пять, следующее:

«Я со всей искренностью призвал почтенного монарха [Франца Иосифа] к его чувствам снисходительности и был вознагражден судьбой, потому что, несколько тронутый моими словами, он сказал мне, наконец, что, принимая во внимание бескорыстное и благородное вмешательство его величества, нашего короля, дарует всем помилование» [Pando Despierto, 2002: 224].

Де Кастро затем телеграфировал об этом «счастливом известии» российским властям. В ответ 3 января российские власти отменили смертную казнь вице-адмиралу Маулеру. Спустя две недели было принято решение об обмене Д.Г. Янчевецкого на Маулера. Де Кастро 22 февраля 1916 г. даже поспешил сообщить об этом обмене в МИД Испании [Pando Despierto, 2002: 225]. Однако 11 марта (по новому стилю) 1916 г. пришло известие о скоропостижной кончине вице-адмирала Маулера в тюрьме в Киеве³¹.

³⁰ Новое время, 24 января (6 февраля) 1917 г., № 14687, с. 5.

³¹ Московские Ведомости 27 февраля (11 марта) 1916 г., № 47, с. 1.

Янчевецкий очень тепло отзывался о своем спасителе де Кастро, который «внимательно следил за участью русского пленника» и в конце концов способствовал его обмену в январе 1917 г. на австрийцев, находившихся в русском плену³².

Итак, испанский посол в России граф де Картахена, очевидно, знал о попытках спасти русского журналиста, но лично встречаться с ним в Петрограде не мог. Если все же он почему-то рассказывает о Янчевецком, то откуда он мог узнать недостающие детали этой истории? Пока остаются невыясненными многие подробности жизненного пути самого Анибала Морильо. Согласно его официальной биографии, он покинул пост посла в апреле 1916 г., однако подал прошение об отставке лишь 19 марта 1917 г. [Pando Despierto, 2012: 451]. Где находился Морильо в период между этими двумя датами? Каким путем он возвращался в Испанию? Не мог ли он проехать через Вену и пообщаться там со своим коллегой де Кастро, который возглавлял испанское посольство в Австро-Венгрии до самой своей смерти в 1918 г.? Или историю Янчевецкого ему поведал его преемник Луис Валера, маркиз де Вильясинда, уже вернувшись из России сразу после свершившейся там революции? Может, именно маркиза де Вильясинду посетил Янчевецкий, чтобы выразить благодарность испанскому посольству в Петрограде, что оно позаботилось о денежной сумме для его освобождения? И совсем фантастическое предположение: мог ли граф Картахена встречаться с самим Янчевецким, но, скажем, описанная встреча происходила не в Петрограде, а где-то, где они могли пересечься, каждый на своем пути домой? Очень вряд ли, но вдруг.

Мемуары посла Испании Анибала Морильо

Разберем подробнее этот связанный с визитом «Иванова» фрагмент мемуаров графа де Картахены, который он предваряет словами: «Хочу привести факт, который продемонстрирует секретную работу России в отношении славян в Австрии» [Morillo y Pérez, 1931: 406]. Таким образом он сам пояснил, какова цель изложения этой истории.

В предисловии к «Воспоминаниям» Морильо упоминает, что читал много публикаций о событиях русской революции. Вспомним, кстати, что Янчевецкий был освобожден и вернулся в Россию в феврале 1917 г., буквально за считанные дни до начала революционных событий. Мемуары графа Картахены остались незавершенными, но складывается впечатление, что он пытался разобраться в причинах русской революции. Критика российской внешней политики, которая красной нитью проходит через его мемуары, возможно, должна была стать неотъемлемой частью его рассуждений о том,

³² Янчевецкий Д.Г. Записки австрийского каторжника. Новое время, 29 января (11 февраля) 1917 г., №14692, с. 5.

что привело к революционному взрыву. Особое место в этом критическом экскурсе мемуариста занимает тема распространения идей панславизма в российских высших кругах, на чем базируется вся его аргументация и в конце концов приводит его к обвинению Российской империи в развязывании Первой мировой войны [Вепрецакая, 2022: 36-46].

Какой же главный урок для истории стремится извлечь граф Картахена из этого сюжета? Сначала «Иванов» поделился с ним рассказом о своей деятельности в Австрии, повлекшей его несчастную участь. Морильо придает здесь особое значение российскому МИДу. «Иванов» якобы подчеркнул, что именно МИД направил его в Вену. Для сравнения отметим, что нет информации о том, что Янчевецкий направлен в Австрию МИДом в качестве корреспондента. Правда, в постскриптуме к публикации «Записок австрийского каторжника» в «Новом времени» журналист приносит свою «глубокую благодарность» именно министерству иностранных дел в Петрограде, но все же эта благодарность адресуется не работодателю, а ведомству, «которое не прерывало двухлетних переговоров» по его освобождению³³.

Затем «Иванов», по словам Морильо, «рассказал мне, что перед войной уже существовала целая организация, поддерживаемая Министерством иностранных дел России, которая имела целью прежде всего шпионаж и более того прославянскую пропаганду. Тогда мне стал понятен интерес, проявленный бароном Шиллингом во всем этом деле, и это объясняет с многих точек зрения политику России в отношении Австрии» [Morillo y Pérez, 1931: 408].

Слова «Иванова» Морильо преподносит как признание в пропаганде и шпионаже. Однако вряд ли это была какая-то откровенность, признание или тем более покаяние. Мемуарист и его посетитель явно говорили на разном политическом языке. Сам «Иванов», кто бы он ни был, мог вовсе не иметь в виду шпионаж. Он просто рассказал о своей пропагандистской работе, не пытаясь ее скрывать или отрицать.

Как относился к своей профессиональной деятельности условный «Иванов», рассмотрим на примере Д.Г. Янчевецкого. В 1911 г. журналист прибыл в Австрию, посетил Галицию, которую «Новое время» называет «родиной его предков». В опубликованных в газете «Галицких письмах» он признавался, что вез пропагандистскую литературу «со всеми моими прокламациями и агитациями»³⁴.

Граф де Картахена упоминает о некоей организации, якобы подконтрольной российскому МИДу, осуществляющей шпионскую деятельность и прославянскую агитацию. Янчевецкий был арестован вместе с австрийскими

³³ Новое время, 19 февраля (4 марта) 1917 г., №14712, с. 6

³⁴ Новое время, 2 (19) августа 1911 г., №12715, с. 3-4.

подданными, жителями Галиции, двое из которых, Д.А. Марков и В.М. Курилович, депутаты австрийского парламента. Все галичане являлись членами различных русских обществ в Галиции и основателями «Карпаторусского освободительного комитета» [Вацлав, Яворский, 2018: 115]. Не об этой ли организации речь? В статье «Судебное убийство», посвященной страшному приговору по делу о галичанах и Янчевецком говорилось: «“Новое время” и его сотрудники всегда и систематически вели борьбу с австрийским режимом в Галиции; но не теми средствами, за которые полагается смертная казнь»³⁵. В статье «К возвращению Д.Г. Янчевецкого», повествующей о деятельности освобожденного журналиста, выбор Янчевецким Австрии для работы корреспондентом обосновывался его стремлением ознакомиться с политическими течениями Прикарпатской Руси, в частности с галицко-русскими организациями. Янчевецкий «был всегда в самом тесном общении» с галицко-русскими депутатами Марковым и Куриловичем»³⁶. Еще в марте 1914 г. во Львове Янчевецкий был «вызван австрийским судом в качестве свидетеля по делу русских шпионов»³⁷.

Сам журналист не считал свою деятельность шпионской. На первом допросе в ответ на предъявленное ему подозрение в шпионаже он отвечал: «О моей шпионской деятельности в Австро-Венгрии не может быть вообще никакой речи! Я занимался здесь обыкновенной работой обыкновенного журналиста. Вся моя деятельность была открытая, гласная, публичная. Все мои статьи я всегда подписывал моим полным именем»³⁸.

Показателен тон снисходительной иронии, которым граф Картахена излагает данный эпизод в своих «Воспоминаниях» и который выдает, на наш взгляд, его отрицательное отношение к описываемому. Так, Морильо говорит, что не придавал просьбе барона Шиллинга особого значения, ведь уже неоднократно отправлял деньги русским, проживающим за границей. На одной странице он дважды отмечает, что даже совершенно забыл об этом «за всеми другими делами». Он как будто всячески отстраняется от участия в передаче этих денег: Шиллинг настоял, он снова телеграфировал коллеге. Первое, что сообщает посол о своем посетителе: «Я едва расслышал его имя, потому что имел обыкновение принимать всех подряд». Кажется, будто во всем этом пренебрежении была попытка показать, что он очень занят, но он делает свою работу для всех одинаково, независимо от статуса и должности просителя. Определенное лукавство сквозит и в странной фразе: «Неизвестно, какие скрытые связи помогли ему [Иванову] выйти из тюрьмы»,

³⁵ Новое время, 13 (26 августа) 1915 г., №14161, с. 5.

³⁶ Новое время, 24 января (6 февраля) 1917 г., №14687, с. 5.

³⁷ Новое время, 7 (20) марта 1914 г., №13644, с. 2.

³⁸ Янчевецкий Д.Г. Записки австрийского каторжника. Новое время, 1 (14) февраля 1917 г., №14695, с. 5.

словно это не он сам через венского коллегу способствовал передаче денег. Если речь о Янчевецком, то, конечно, он не мог не знать и о вмешательстве Альфонса XIII.

«Я искренне поздравил его [Иванова] с тем, что он избежал повешения, и позволил себе заметить ему, что эта *неприятность* непременно произошла бы с ним, если бы он был австрийцем и вел пропаганду против России» [Morillo y Pérez, 1931: 408]³⁹. Изложенное таким образом, это поздравление в адрес избежавшего казни посетителя вовсе не выглядит «искренним», а наоборот, кажется уже даже не иронией, а издевкой. Но мы должны понимать, что этот презрительный тон не столько адресуется лично «Иванову», сколько свидетельствует о резко отрицательном отношении графа Картахены к российскому МИДу и внешней политике Российской империи.

* * *

Несмотря на то, что эпизод, приведенный в «Воспоминаниях» испанского посла Анибала Морильо, во многом напоминает историю со спасением корреспондента газеты «Новое время», мы не можем утверждать, что «Иванов» и Дмитрий Янчевецкий одно лицо. Если все же речь идет об одном и том же человеке, то граф Картахена явно не встречался с ним лично и позаимствовал этот сюжет с определенными целями. В любом случае сомнительно, что человек (будь то Янчевецкий или кто-то другой), чудом спасшийся из тюрьмы и явно официально опровергавший австрийские обвинения в свой адрес, вдруг начал бы исповедоваться перед послом Испании. Более вероятно, что граф Картахена использовал эту историю, независимо от того, был он лично знаком с ее героем или нет, с целью доказать свою версию о панславистской подрывной деятельности со стороны Российской империи. Такие воззрения продемонстрировал граф де Картахена в своих мемуарах.

Показательно, что мемуаристика, освещающая деятельность дипломатических представителей, оказывается бесценным историческим источником, отражающим не только субъективные суждения самих авторов мемуаров, но, безусловно, и нюансы эпохи. Немаловажная роль в осуществлении посреднических задач принадлежала отдельным дипломатам, их преданности делу, их работоспособности, готовности разрешать любые проблемы, часто не считаясь с собственными взглядами. Следует подчеркнуть, что в условиях тяжелого военного времени испанский посол в Петрограде честно и самоотверженно выполнял свою нелегкую работу на посту главы испанской миссии. А история спасения журналиста Д.Г. Янчевецкого, в свете российско-испанских отношений эпохи Первой мировой войны, является ярким примером того, как испанская дипломатия в лице испанских послов

³⁹ Курсив автора мемуаров.

в Вене и в Петрограде вела активную посредническую деятельность между воюющими сторонами, оказывала неоценимую гуманитарную, в том числе материальную, помощь российской стороне, содействовала возвращению российских подданных из неприятельских стран.

Однако сюжет, изложенный Анибалом Морильо в своих «Воспоминаниях», пока остается неразгаданным, а личность «Иванова» точно не установленной.

Список литературы:

Вацлав В., Яворский Ю.А. (2018) Вопрос о единстве русского языка перед австрийским военным судом в Вене в 1915 году. *Библиотека журнала «Русин»*. Том 7. Выпуск 2. С. 115-151. DOI: 10.17223/23451734/7/5

Вепрецькая Т.Ю. (2022) Внешняя политика Российской империи глазами испанского посла Анибала Морильо. *Чертковский исторический сборник. Вып. IV. Российская империя: властные структуры, общество, историческая память*. ГПИБ, Москва. С. 33-53.

Волосюк О.В. (ред.) (2016) *Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017*. Международные отношения, Москва. 672 с.

Волосюк О.В. (ред.) (2018) *Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones*. Индрик, Москва. 928 с.

Медников И.Ю. (2014) Историческое значение испанского нейтралитета в Первой мировой войне. *Вестник МГИМО-Университета*. № 4(37). С. 26-34. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-4-37-26-34>

Петрова А.А. (2015) Посредническая и гуманитарная деятельность Испании в годы Первой мировой войны в восприятии российской общественности (по материалам газеты «Новое Время» за 1914–1917 гг.). *Общество. Среда. Развитие*. № 3. С. 68-73.

Соловьев Ю.Я. (1959) *Воспоминания дипломата (1893–1922)*. Соцэкгиз, Москва. 413 с.

Хохлов А. Н. (1994) Д.Г. Янчевецкий: в австрийском плену. *Первая мировая война и участие в ней России (1914-1918): материалы научной конференции*. Ч. 1. Военная быль, Москва. С. 65-84.

Чернявский С.И. (2015) Россия и Испания в годы Великой войны (1914–1918 гг.). *Иberoамериканские тетради*. № 2. С. 35-46. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2015-2-35-46>

Morillo y Pérez A. (1931) Recuerdos de mi Embajada en Rusia. *Boletín de la Real Academia de la Historia*. Tomo 99, cuaderno II. P. 356-414. URL: <https://www.cervantesvirtual.com/downloadPdf/en-homenaje-al-conde-de-cartagena/> (accessed: 27.04.2022).

Pando Despierto J. (2002) *Un Rey para la esperanza. La España humanitaria de Alfonso XIII en la Gran Guerra*. Temas de Hoy, Madrid, España. 611 p.

Pando Despierto J. (2012) Aníbal Morillo y Pérez del Villar. *Diccionario biográfico español*. Vol. XXXVI. Real Academia de la Historia, Madrid, España. P. 451-452.

Peris Alcántud F. (2016) La política exterior de España en el contexto europeo, 1898-1931. *Tiempo y Sociedad*. № 22. P. 137-167.

Ponce Marrero J. (2007) La política exterior española de 1907 a 1920: entre el regeneracionismo de intenciones y la neutralidad condicionada. *Historia Contemporánea*. № 34. P. 93-115.

Veprétskaya T.Yu. (2021) El embajador de España en el Imperio ruso: Aníbal Morillo y Pérez del Villar y sus "Recuerdos". *Cuadernos Iberoamericanos*. Vol. 9, no. 2. P. 65-79. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-2-65-79>

References:

Cherniavsky S.I. (2015) Rossiya i Ispaniya v gody Velikoi voiny (1914–1918) [Russia and Spain during the Great War (1914–1918)], *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 2, pp. 35-46. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2015-2-35-46>

Khokhlov A.N. (1994) D.G. Yanchevetskii: v avstriiskom plenu [D.G. Yanchevetsky: in Austrian captivity], *Pervaya mirovaya voina i uchastie v nei Rossii (1914-1918): materialy nauchnoi konferentsii. Ch. 1* [World War I and Russia's participation in it (1914-1918): Science Conference Materials. Part 1], *Voennaya byl'*, Moscow, Russia, pp. 65-84. (In Russian)

Mednikov I.Y. (2014) Istoricheskoe znachenie ispanskogo neitraliteta v Pervoi mirovoi voine [Historical Significance of the Spanish Neutrality in the First World War], *MGIMO Review of International Relations*, no. 4(37), pp. 26-34. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-4-37-26-34>

Morillo y Pérez A. (1931) Recuerdos de mi Embajada en Rusia, *Boletín de la Real Academia de la Historia*, tomo 99, cuaderno II, pp. 356-414. URL: <https://www.cervantesvirtual.com/downloadPdf/en-homenaje-al-conde-de-cartagena/> (accessed: 27.04.2022).

Pando Despierto J. (2002) *Un Rey para la esperanza. La España humanitaria de Alfonso XIII en la Gran Guerra*, Temas de Hoy, Madrid, España.

Pando Despierto J. (2012) Aníbal Morillo y Pérez del Villar, *Diccionario biográfico español*. Vol. XXXVI, Real Academia de la Historia, Madrid, España, pp. 451-452.

Peris Alcantud F. (2016) La política exterior de España en el contexto europeo, 1898-1931, *Tiempo y Sociedad*, no. 22, pp. 137-167.

Petrova A.A. (2015) Posrednicheskaya i gumanitarnaya deyatel'nost' Ispanii v gody Pervoi mirovoi voiny v vospriyatii rossiiskoi obshchestvennosti (po materialam gazety «Novoe Vremya» za 1914–1917 gg.) [Mediation and humanitarian activity of Spain during the First World War in the perception of the Russian public (Based on the materials of the Novoye Vremya newspaper for 1914–1917)], *Society. Environment. Development*, no. 3, pp.68-73. (In Russian)

Ponce Marrero J. (2007) La política exterior española de 1907 a 1920: entre el regeneracionismo de intenciones y la neutralidad condicionada, *Historia Contemporánea*, no. 34, pp. 93-116.

Solovyov Yu.Ya. (1959) *Vospominaniya diplomata (1893–1922)* [Memoirs of a Diplomat (1893-1922)], Sotsekgiz, Moscow, Russia. (In Russian)

Veprétskaya T.Yu. (2021) El embajador de España en el Imperio ruso: Aníbal Morillo y Pérez del Villar y sus "Recuerdos", *Cuadernos Iberoamericanos*, vol. 9, no. 2, pp. 65-79. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-2-65-79>

Veprétskaya T.Yu. (2022) Vneshnyaya politika Rossiiskoi imperii glazami ispanskogo posla Anibala Morillo [Foreign Policy of the Russian Empire as Seen by the Spanish Ambassador Anibal Morillo], *Chertkovskii istoricheskii sbornik. Vyp.IV. Rossiiskaya imperiya: vlastnye*

strukturny, obshchestvo, istoricheskaya pamyat' [Tchertkov Collection of Historical Articles. Issue IV. "The Russian Empire: Structures of Power, Society, Historical Memory"], GPIB, Moscow, Russia, pp. 33-53. (In Russian)

Volosyuk O.V. (ed.) (2016) *Diplomáticos rusos en España 1667–2017*, Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.

Volosyuk O.V. (ed.) (2018) *España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones*, Indrik, Moscow, Russia.

Vondrak V., Iavorskii Yu.A. (2018) Vopros o edinstve russkogo yazyka pered avstriiskim voennym sudom v Vene v 1915 godu [The question about the unity of the Russian language before the Austrian military trial in Vienna in 1915], *Rusin Journal Library*, vol. 7, iss. 2, p. 115-151. (In Russian) DOI: 10.17223/23451734/7/5

«Божественная комедия» Испании Рецензия на книгу: Астахова Е.В. Испания как метафора. Москва: МГИМО-Университет/ЭКСМО, 2023. 287 с.

© М.В. Харкевич, 2023

Максим Владимирович Харкевич, канд. полит. наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, 76

ORCID: 0000-0001-9476-9694 E-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru

Ключевые слова: Испания, метафора, образ страны, праздник, театр, Ортега-и-Гассет, Бахтин, социальный портрет

Для цитирования: Харкевич М.В. (2023) «Божественная комедия» Испании. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 183–188. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-183-188

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

RESEÑA

«Divina Comedia» de España Reseña del libro: Astakhova E.V. España como metáfora. Moscú: MGIMO-Universidad/EKSMO, 2023. 287 p.

© M.V. Kharkevich, 2023

Maxim V. Kharkevich, PhD (Ciencias Políticas), Profesor Titular del Departamento de la Política Mundial de la MGIMO.

119454, Rusia, Moscú, avenida Vernadsky, 76

ORCID: 0000-0001-9476-9694 E-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru

Palabras clave: España, metáfora, imagen, fiesta, teatro, Ortega y Gasset, Bajtín, retrato social

Para citar: Kharkevich M.V. (2023) «Divina Comedia» de España. *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 183–188. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-183-188

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

BOOK REVIEW

Iberoamerican Papers. 2023. 1. P. 183–188
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-183-188

Received 21.03.2023.
Revised 24.03.2023.
Accepted 26.03.2023.

«Divine Comedy» of Spain

Book review:

Astakhova E.V. Spain as a metaphor.

Moscow: MGIMO-University/EKSMO, 2023. 287 p.

© M.V. Kharkevich, 2023

Maxim V. Kharkevich, PhD (Political Sciences), Associate Professor of the Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations.
119454, Russia, Moscow, prospect Vernadskogo, 76
ORCID: 0000-0001-9476-9694 E-mail: m.kharkevich@inno.mgimo.ru

Keywords: Spain, metaphor, image, holiday, theater, Ortega y Gasset, Bakhtin, social portrait

For citation: Kharkevich M.V. (2023) «Divine Comedy» of Spain. *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 183–188. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-183-188

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Монография «Испания как метафора» напоминает *Божественную комедию*, только вместо чистилища, ада и рая перед нами метафоричное пространство Испании, разделённое на отдельные составляющие её национального образа, а роль путеводителя выполняет не Вергилий, а Ортега-и-Гассет.

Очевидно, что объективным это пространство быть не может, метафора одновременно и общекультурный феномен и очень личный, отражённый в опыте автора, описывающего метафору. Перед нами взгляд на Испанию из русской культуры, взгляд дипломата, преподавателя, философа, художника – взгляд Елены Васильевны Астаховой.

Метафоры многогранны. Для их целостного представления необходима единая связующая нить. Здесь такой нитью выступает философия испанского мыслителя Хосе Ортега-и-Гассета. Его комментарии присутствуют в каждой главе книги и при описании каждого аспекта образа Испании. Выбор именно этого историка и философа в качестве путеводителя – это выбор комедии, а не трагедии, выбор общего, а не частного, выбор Европы в Испании, а не Испании в Европе. В известном споре между Ортега-и-Гассетом и Унамуно автор, очевидно, выбирает середину – модернизация страны, ее открытость «разуму и свету» при сохранении национальных традиций и ценностей, которые так дороги испанцам.

Ортега-и-Гассет полагал, что «метафора – это не только средство выражения, но и одно из основных орудий познания», «это интеллектуальный процесс для осмысления и понимания концептов, которые находятся практически на пределе нашего понимания» (с. 259). Поэтому путешествие по метафоричному пространству Испании – это не столько путешествие, сколько способ познания этой страны и её культуры.

Начинает своё путешествие Елена Васильевна с определения пространственного положения Испании в мировой культуре – это европейское пограничье. История Испании – динамичная история европейского культурного фронта. Именно в пограничье проверяются на прочность и уточняются культурные ценности центра, но пограничье – это ещё и неизбежное взаимодействие и взаимопроникновение с внешней, «чужой» культурой, в связи с чем Испания оказывается в лиминальном пространстве смешения европейской и арабской культур, христианства и ислама. У испанцев неизбежно возникает развилка при определении своей национальной идентичности между европейским культурным ядром и самобытным культурным пограничьем. В этом во многом и состоит «проблема Испании» (*Problema de España*), поиски ее сути (*El Ser de España*), обострившиеся на рубеже XIX – XX вв. и, в частности, выразившиеся в упомянутом споре между Ортегой-и-Гассетом и Унамуно. Ортега-и-Гассет отстаивал принадлежность Испании к европейскому ядру, призывал к преодолению её «ненормальности» и «бесхребетности», а Унамуно – отстаивал самобытность испанского культурного пограничья. «Гражданская война в Испании, – отмечает Е.В. Астахова, – быть может, это ещё и трагические последствия так и не договорившихся между собой Ортеги и Унамуно» (с. 51).

Обложка книги Е.В. Астаховой
«Испания как метафора»

Далее Елена Васильевна вместе с Ортегой-и-Гассетом определяет положение Испании в спектральном пространстве мировой культуры. Испания ожидаемо тяготеет больше к тёплой охристой цветовой палитре, с доминирующим красным и золотым. «Случается час, – пишет Ортега-и-Гассет, – когда солнце, как чаша расплавленного золота, разбивается, коснувшись горных вершин, и нежный свет, голубоватый, фиолетовый, алый, разливается по отрогам гор и по долине, мягко обрисовывая все очертания» (с. 75). Активный красный передаёт ключевое место праздника в испанской культуре. Объясняется это «веками романизации, арабского владычества... столетиями Реконкисты, конкистой и освоением Нового Света», «расцветом империи, а затем усталостью от собственной власти, разочарованием в своём первенстве и превосходстве..., поворотом спиной ко всему прочему и поглощённостью только своим». В результате «народ, – отмечает Ортега-и-Гассет, – создал для себя как бы вторую природу, предписанную эстетическим законом. Страна, прежде всего большие города и особенно Мадрид, в XVIII веке стали ареной сплошного нескончаемого праздника: “...

праздником стало всё, или, говоря иначе, всё превратилось в праздник”, а его главными проявлениями стали в те времена театр и бой быков» (с. 134).

Все это указывает на то, что праздник в испанской культуре – особого типа, карнавального. Это не время отдыха, а особый период общественного бытия, во время которого, согласно исследованиям Михаила Бахтина, упраздняются привычные иерархии и системы запретов, в котором торжествует народная смеховая культура. Этот период возникает в кризисное время перехода от смерти к жизни, от зимы к весне, от болезни к выздоровлению. В этом пограничном пространстве все равны, в том числе равны добро и зло, во время карнавала высвобождаются хтонические силы, запертые официальным христианством в обычное время в инфернальном пространстве ада. «Важнейшим элементом испанского национального характера, – пишет Елена Васильевна, – является присутствие наряду с «праздничными» чертами жизни острого чувства смерти, мистерии бытия. Это можно проследить на протяжении всей истории Испании, где чередуются периоды расцвета и упадка, а гениальный пример на все времена – образ Рыцаря печального образа Дон Кихота» (с. 132).

Театр и бой быков – яркое воплощение карнавального начала испанского праздника. «Идя на представление, – пишет Ортега-и-Гассет, – испанец хотел опьяниться, нырнуть в поток немыслимых приключений, невероят-

ных интриг... Всё воспринималось страстно, напряженно, восторженно, едва ли не фанатично. Люди не просто ходили в театр... они весь день только об этом и говорили. Больше того, они спорили, ссорились, а это значит, что зрелище проникало в самую душу. Так было на всех социальных уровнях» (с. 136). При этом, как показывает автор книги, «ожесточённая борьба между защитниками классического театра с присущей тому воспитательной миссией и сторонниками национальной комедии – *teatro costumbrista* – завершилась тогда в пользу последней. Причиной была, по мнению Ортеги-и-Гассета, неспособность испанской аристократии послужить социальным и образующим образцом поведения: «...знать утратила какую бы то ни было творческую силу», «была бездарной не только в политике, в правлении, в войне, но и в том, чтобы обновить или хотя бы достойно поддержать повседневную жизнь» (с. 199–200).

Бой быков, в свою очередь, это не что иное, как карнавальная замена колониальных экспедиций. Расцвет корриды начался с середины XVIII в., «когда Испания, – по словам Ортеги-и-Гассета, – спряталась, точно улитка в своей раковине, отказавшись от колонизации и новых войн в далёких странах, а холодная жестокость церкви сдала свои позиции. Бой быков сменил аутодафе, а те, кто в прошлом отправлялись воевать во Фландрию или колонизировать просторы Нового Света, становился тореро» (с. 137).

Карнавальная культура праздника нераздельно связана со смехом и вином. Вино при этом мыслится Ортегой-и-Гассетом в метафорическом пространстве испанской культуры в его идеальной античной роли – как способ достижения «гармонии человека с миром, объединения людей, богов и природы в единый космос». Естественно, что реальность часто оказывается далека от идеала, и «космос» оборачивается «хаосом».

Специфика испанского юмора раскрывается через литературный жанр плутовского романа. «Недаром плутовские романы, – отмечает Ортега, – родились в Испании». Плут – это «слуга многих господ, он прислуживает то священнику, то капитану, то судье, то знатной даме, то процветающему мошеннику. На мир он смотрит снизу вверх, так что общество предстаёт в смешном ракурсе, где каждое сословие, занятие, должность выглядят фарсом, подлостью, интриганством, ложью» (с. 244–245). Эти характеристики плута, игровое поведение, «речь и жест», привнесенные театром, отразились и на некоторых особенностях национального характера испанцев.

Вступая в диалог с автором, хотелось бы задать вопрос, насколько в описанной метафоре отражается современная Испания? Ортега-и-Гассета не стало в середине XX в. Не остался ли основанный на его идеях образ Испании вместе с философом в его времени? Насколько Испания остаётся страной с пограничной культурой, учитывая, что европейский центр существенно переопределяет свои ценности и культурные иерархии? В современных условиях универсализации ценностей область соприкосновения

разных культур сместилась с общего национального или даже цивилизационного контура внутрь государств, городов, городских районов. Культурное пограничье сегодня повсеместное явление – начиная с масштаба общественного транспорта, университетской аудитории, заканчивая уровнем отдельных цивилизаций. С одной стороны, можно предположить, что происходит глобализация метафоры Испании как пограничной культуры, с другой стороны, сама Испания в этих условиях скорее всего уже переосмысливает себя как «нормальная» страна, меняя свой образ и представление о себе.

В заключение можно вспомнить о России, которую Ортега-и-Гассет также помещает на «большой европейской диагонали», только с противоположной стороны от Испании. Россия так же, как Испания, находится в культурном пограничье Европы. Александр Блок в своих знаменитых «Скифах» ярко рисует этот образ:

«Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас –
Монголов и Европы!»

России присущи многие черты и проблемы, с которыми сталкивается и испанское общество. При этом противоположное положение относительно европейской диагонали определило и существенные различия. Пользуясь методом странствий по метафоричному пространству страны, можно попробовать описать и образ России. Но для этого потребуется не одна монография. Предположу только, что доминирующим цветом в этом образе будет не красный (длинноволновой спектр), а диаметрально противоположный ему синий (коротковолновой спектр). Тут можно вспомнить знаменитый «рублевский голубец» как символ «чистого ума» (Исаак Сирин), как символ тишины (Павел Флоренский), как символ Софии и Богородицы. И знаменитый перевод Бориса Пастернака стихотворения грузинского поэта Н. Бараташвили «Синий цвет»:

«Цвет небесный, синий цвет
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.
И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам...»

Что нам может рассказать перевод «Истории Испании...»?

Рецензия на книгу:

Альфонсо X Мудрый и сотрудники. История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис.

Ред.: Ауров Олег Валентинович. Санкт-Петербург: Наука, 2022. Т. 3. 727 с.

© Е.С. Захарова, 2023

Захарова Елизавета Сергеевна, приглашенный преподаватель: Факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

119017, Москва, ул. Малая Ордынка, 17, стр.1

E-mail: eszakharova@hse.ru

Для цитирования: Захарова Е.С. (2023) Что нам может рассказать перевод «Истории Испании...»? *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 189–194. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-189-194

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

¿Qué puede decirnos la traducción de «La Historia de España...»?

Reseña del libro:

Alfonso X el Sabio y sus colaboradores.

Historia de España que hizo el muy noble rey don

Alfonso, hijo del noble rey

don Fernando y de la reina doña Beatriz.

Editado por: Aurov Oleg Valentinovich. San Petersburgo:

Nauka, 2022. T. 3. 727 p.

© E.S. Zakharova, 2023

Elizaveta S. Zakharova, Profesora invitada de la Facultad de Economía Mundial y Política Internacional de la Universidad Nacional de Investigación «Escuela Superior de Economía».

119017, Rusia, Moscú, calle Malaya Ordynka, 17, edificio 1

E-mail: eszakharova@hse.ru

Para citar : Zakharova E.S. (2023) ¿Qué puede decirnos la traducción de «La Historia de España...»? *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 189–194. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-189-194

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

What can the translation of «The History of Spain...» tell us?

Book review:

**Alfonso X the Wise and his collaborators.
History of Spain, compiled by the noblest king Don
Alfonso, son of the noble king
Don Fernando and queen Dona Beatriz.
Edited by: Aurov Oleg Valentinovich. Saint Petersburg:
Nauka, 2022. T. 3. 727 p.**

© E.S. Zakharova, 2023

Elizaveta S. Zakharova, Visiting Lecturer at Faculty of World Economy and International Affairs, Higher School of Economics National Research University.
119017, Russia, Moscow, Malaya Ordynka street, 17, building 1
E-mail: eszakharova@hse.ru

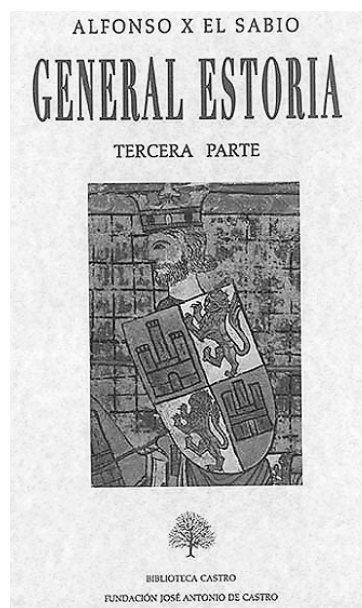
For citation: Zakharova E.S. (2023) What can the translation of «The History of Spain...» tell us?. *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 189–194. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-189-194

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

В 2019 г. на полках книжных магазинов появился 1 том издания «Альфонсо X Мудрый и сотрудники. История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дона Фернандо и королевы доньи Беатрис». В 2021 г. был издан второй том «Истории Испании...», а следом, в 2022 г., третий том. Изначально может ошибочно показаться, что средневековый текст не привлечет внимания широкого читателя, а будет интересен только узким специалистам. Но это не так. Конечно, «История Испании...», составленная в XIII в. под руководством кастильского короля Альфонсо X Мудрого (Alfonso X de Castilla, 1252 – 1284), не претендует на полный и исчерпывающий анализ испанской истории с точки зрения сегодняшнего дня. Однако научная значимость самого текста и его перевода на русский язык состоит в другом.

Кого это издание может привлечь сегодня? Пожалуй, многих: как указывают издатели, от «ученых-медиевистов» до «всех, интересующихся историей западноевропейского Средневековья». Однако этот интерес не всегда очевиден. Для того, чтобы прочитать и осмыслить материал, недостаточно владеть средневековым кастильским языком или хотя бы современным испанским языком – читателю необходимо ориентироваться в контексте излагаемых событий. Поэтому в рецензии предполагается сосредоточиться на двух сюжетах: продемонстрировать научную значимость оригинального текста и его важность для развития западной историографии, а также показать историческую, методологическую и художественную ценность предложенного российско-испанским коллективом русского перевода «Истории Испании...» и комментариев к нему.

В «Истории Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дона Фернандо и королевы доньи Беатрис» широкие временные и географические рамки. Речь идет о периоде с I – II вв. нашей эры и вплоть до современных королю Альфонсо X событий, то есть до XIII в. С точки зрения географической: в «Истории...» упоминаются «все племена и народы», появлявшиеся когда-либо на Иберийском полуострове, повествуется о древнегреческих и римских территориях, о различных землях Западной и Центральной Европы. Подобное комплексное описание, как отмечается в издании, крайне редко встречалось в Средние века: авторы и хронисты не писали обширной и всеобъемлющей «истории». При этом фи-

Обложка книги
«Альфонсо X Мудрый
и сотрудники»

гура самого короля, Альфонсо X Мудрого, оставалась в центре внимания и при составлении источника, и при его (ре)презентации. Именно в этом заключалась важность и масштабность труда «Альфонсо X и его сотрудников...» для испанской и, шире, для западной историографии.

Кроме того, следует обратить внимание на языковую политику, эксплицитно предложенную автором: текст «Истории Испании...» не был написан на латыни – он был составлен на старокастильском языке. Как отмечается в предисловии к третьему тому, это было сделано из практических соображений: основная аудитория, «светская феодальная знать» не знала латыни (с. 8–9).

В рецензии на 1 том «Истории» также упоминалось, что текст хроники никогда не переводился на европейские языки¹. Очевидно, что русскоязычному читателю старокастильский язык «Истории Испании...» не будет понятен *ad hoc*. Поэтому перед переводчиками и комментаторами стояла сложная задача сблизить категориальные системы языков разных групп с целью облегчения восприятия и понимания широкой читательской аудиторией средневековых реалий.

Таким образом, мы приходим к главному методологическому достоинству вышедшего перевода – его качеству. Оно обусловлено прекрасной профессиональной подготовкой современных ученых-испанистов, переводчиков и комментаторов данного издания, в основе которой глубокое знание нескольких древних и новых европейских языков, релевантных для «Истории Испании...», серьезное знакомство с источниками и литературой эпохи. Скрупулезный анализ языка средневекового текста, подробное изучение лексики и грамматики как текста самой «Истории Испании...», так и источников, на которые ссылались авторы оригинального текста, дают возможность переводчикам-комментаторам сделать ценные выводы о генезисе тех или иных слов, или же идей в испанской культуре.

Огромным достижением данной публикации является введение в научный оборот обширной базы источников, сопровождавшей перевод (от фольклорного материала, который позволяет говорить об «Истории Испании...» как о литературном памятнике эпохи, до хроник и легенд).

Отдельно стоит отметить работу над комментариями к переводу. Как отмечалось выше, роль комментария для понимания контекста значительна. Часто только через комментарии

¹ Киселева Н.К. «История Испании» Альфонсо X Мудрого: авторитет памятника и значимость перевода. Рец. на кн.: Альфонсо X Мудрый и сотрудники. История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрис. СПб.: Наука, 2019. Т. 1. 763 с. Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 171.

можно уяснить то, о чем говорилось в тексте оригинала. Комментарии к переводу представляют собой не только пояснения общеэнциклопедического и справочного характера, но во многих случаях это и подробный контекстуальный разбор. В историческом источнике важно не только правильно считать дату, имя или название, но и «проверить» их. Средневековые авторы допускают «исторические неувязки», которые важно обнаружить и учитывать как при работе с текстом, так и, шире, для понимания исторической панорамы. Возвращаясь к переводу «Истории Испании...», хотелось бы привлечь внимание читателя к следующему: многие работают с историческим переводом, но мало кто работает с источниками, сопровождая их столь подробным комментированным и грамотным текстом. Работы, подобные представленному трехтомнику, – редкость, и оттого – ценность.

В русском переводе текст разделен на три тома. И если в первых двух представлена грамотно и нетипично составленная для тех времен историческая хроника, то третий том представляет собой хронику, составленную *hic et nunc*. В подобной хронике нет возможности выбирать угол зрения, выходить в метапозицию, обуславливая эти действия временной дистанцией по отношению к происходящим событиям. Описание и анализ подразумевают немедленный характер. Речь в этой части издания идет о ключевом переформировании политической карты Пиренейского полуострова. Как отмечает О.В. Ауров, слова «реконкиста» в хронике нет, но дух религиозной нетерпимости вполне вычитывается. XIII в. исторически становится временем окончательного объединения Кастилии и Леона, то есть временем «окончательной кастильской гегемонии на полуострове», что авторы «Истории...» и хотели донести читателям (с. 8). Действительно, если с XIII в. начинается новый временной отсчет единой Испании, то появление такого источника, собирающего историю с I по XIII вв. «под одной обложкой», является объединяющим и конституирующим шагом. Самая настоящая «мягкая сила» в поиске общей истории и культуры, продемонстрированная Альфонсо X, обусловила последующую кастильскую гегемонию в регионе.

Результатом этого титанического труда (а все три тома книги – это более двух тысяч страниц текста) стала удачная попытка совместить, сопоставить разные языковые системы и передать сложность тождества «другой язык – другой мир». Авторы и XIII, и XXI вв. говорят читателю, что похожие исторические, правовые и культурные феномены могут называться и описываться по-разному, но быть интересными, практическими и полезными в рамках любой из культур.

Презентация книги Д.Г. Федосова «Образ и вера. Церковное искусство и народная религиозность Испании XVI-XVII веков». М.: Государственный институт искусствознания, 2020 – 250 с.

© И.А. Кряжева, 2023

Ирина Алексеевна Кряжева, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории зарубежной музыки Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского; ведущий научный сотрудник сектора ибероамериканского искусства Государственного института искусствознания.

125009, Москва, ул. Большая Никитская, 13/6

125009, Москва, Козицкий переулок, 5

ORCID: 0000-0001-8140-2340 E-mail: irinakryazheva@yandex.ru

Для цитирования: Кряжева И.А. (2023) Презентация книги Д.Г. Федосова «Образ и вера. Церковное искусство и народная религиозность Испании XVI-XVII веков». М.: Государственный институт искусствознания, 2020 – 250 с. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 195–198. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-195-198

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Presentación del libro de D.G. Fedosov «Imagen y Fe. Arte eclesiástico y religiosidad popular en España en los siglos XVI-XVII». Moscú: Instituto Estatal de Estudios de Arte, 2020 - 250 p.

© I.A. Kryazheva, 2023

Irina A. Kryazheva, Doctora en Arte, Profesora titular del Departamento de Historia de la Música Extranjera, Conservatorio Estatal Chaikovski de Moscú; Investigadora Principal del Departamento de Estudios de Arte Iberoamericano, Instituto Estatal de Estudios de Arte.

125009, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Nikitskaya, 13/6

125009, Rusia, Moscú, callejón Kozitsky, 5

ORCID: 0000-0001-8140-2340 E-mail: irinakryazheva@yandex.ru

Para citar: Kryazheva I.A. (2023) Presentación del libro de D.G. Fedosov «Imagen y Fe. Arte eclesiástico y religiosidad popular en España en los siglos XVI-XVII». Moscú: Instituto Estatal de Estudios de Arte, 2020 - 250 p. *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 195–198. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-195-198

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

ACADEMIC LIFE

Iberoamerican Papers. 2023. 1. P. 195–198

DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-195-198

Received 20.02.2023.

Revised 20.03.2023.

Accepted 26.03.2023.

Presentation of D.G. Fedosov's book «Image and Faith. Church Art and Popular Religiosity in Spain in XVI-XVII Centuries». Moscow: State Institute for Art studies, 2020 – 250 p.

© I.A. Kryazheva, 2023

Irina A. Kryazheva, Doctor of Art Studies, Professor at the Department of Foreign Music History, Tchaikovsky Moscow State Conservatory; Leading Research Fellow of the Iberoamerican Art Studies Department, State Institute for Art.

125009, Russia, Moscow, Bolshaya Nikitskaya street, 13/6

125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane., 5

ORCID: 0000-0001-8140-2340 E-mail: irinakryazheva@yandex.ru

For citation: Kryazheva I.A. (2023) Presentation of D.G. Fedosov's book «Image and Faith. Church Art and Popular Religiosity in Spain in XVI-XVII Centuries». Moscow: State Institute for Art studies, 2020 – 250 p. *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 195–198. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-195-198

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Выход в свет искусствоведческого исследования – событие, в первую очередь привлекающее внимание научного сообщества. 17 февраля 2023 г. в Государственном институте искусствознания мы имели возможность присутствовать на презентации книги, которая, несомненно, найдет путь к широкому кругу заинтересованных читателей. Речь идет о монографии одного из ведущих специалистов в области религиозного искусства ибероамериканского региона Дениса Геннадиевича Федосова. Представляя свою книгу, автор заострил внимание на том, что не обращается к великим шедеврам искусства прошлого. Его цель – описать и проанализировать с разных точек зрения произведения скульптуры и живописи, создававшиеся для многочисленных церквей и соборов. В XVI–XVII вв. именно перед этими образами испанцы молились. Такой ракурс, направленный, по сути дела, на массовую продукцию тогдашних художников и скульпторов, чьи имена по большей части нам неизвестны, является новым для российской искусствоведческой науки. И об этом говорили выступающие, оценивая значительный вклад этого исследования в нашу науку.

Так, директор Государственного института искусствознания Н.В. Сиповская обратила внимание на важность и новизну методологического подхода автора и предложила проводить в институте разного рода встречи, дискуссионные клубы, круглые столы, которые могли бы стать полем для обмена мнениями и выработки актуальных подходов к этой сложной и мало изученной сфере. Заведующий сектором ибероамериканского искусства, специалист по испанскому театру В.Ю. Силюнас также сказал о новаторских прорывах этой работы, отмечая ее целостный характер. Рассуждая о «народной религиозности» и культовом искусстве, о церковной доктрине и взаимоотношениях художника и церкви, о сакральном пространстве и времени, автор выстраивает столь необходимый и важный исторический контекст, в котором существовали эти произведения искусства.

Об актуальности этой проблематики говорили и коллеги из Института всеобщей истории РАН В.А. Ведюшкин и Н.Л. Конюшихина, особо подчеркивая междисциплинарный подход Д.Г. Федосова, его глубокие и разносторонние знания, позволяющие выстраивать столь объемную и многосоставную картину бытования церковного искусства.

Обложка книги Д.Г. Федосова
«Образ и вера. Церковное
искусство и народная
религиозность Испании
XVI–XVII веков»

Развернутый отзыв на книгу представила искусствовед, научный сотрудник Института Латинской Америки РАН Н.А. Шелешнева-Солодовникова, которая утверждает, что, рассматривая данный пласт искусства через призму религиозного сознания испанцев, автор дает возможность читателю проникнуться духом страны и познать Испанию той эпохи. И с этим нельзя не согласиться.

Из совокупности высказываний и оценок можно сделать вывод, что исследование Д.Г. Федосова «Образ и вера. Церковное искусство и народная религиозность Испании XVI-XVII веков» раскрывает новые грани художественной культуры Испании и займет свое достойное место в отечественной ибероамериканистике.

Новое время, новые горизонты дискурса и компьютерной культуры. О защите докторской диссертации М.В. Ларионовой.

© С.Р. Керимова, 2023

Керимова София Ровшановна, студентка I курса магистратуры факультета Международных отношений МГИМО МИД России.
119454, Москва, проспект Вернадского, 76
E-mail: sofia.kerimova@yandex.ru

Для цитирования: Керимова С.Р. (2023) Новое время, новые горизонты дискурса и компьютерной культуры. О защите докторской диссертации М.В. Ларионовой *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 199–201. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-199-201

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Nuevos tiempos, nuevos horizontes del discurso y de la cultura digital. Defensa de la tesis doctoral de M.V. Larionova.

© S.R. Kerimova, 2023

Sofía R. Kerimova, estudiante del I año de Máster, facultad de Relaciones Internacionales de la MGIMO.
119454, Rusia, Moscú, avenida Vernadsky, 76
E-mail: sofia.kerimova@yandex.ru

Para citar: Kerimova S.R. (2023) Nuevos tiempos, nuevos horizontes del discurso y de la cultura digital. Defensa de la tesis doctoral de M.V. Larionova *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 199–201. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-199-201

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

New times, new horizons for the discourse and digital culture. The defense of the doctoral thesis of M.V. Larionova.

© S.R. Kerimova, 2023

Sofia R. Kerimova, 1st year Master's student, Faculty of International Relations, Moscow State Institute of International Relations.

119454, Russia, Moscow, prospect Vernadskogo, 76

E-mail: sofia.kerimova@yandex.ru

For citation: Kerimova S.R. (2023) New times, new horizons for the discourse and digital culture. The defense of the doctoral thesis of M.V. Larionova *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 199–201. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-1-199-201

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

20 февраля 2023 г. в диссертационном совете университета МГИМО МИД России доцент кафедры испанского языка Марина Владимировна Ларионова успешно защитила диссертацию на соискание учёной степени доктора филологических наук.

«Лингвосемиотика испанского политического дискурса в пространстве интернет-коммуникации» – масштабный научный и творческий труд, в котором Марина Владимировна предлагает новаторский подход к исследованию многомерности и сложности политической коммуникации. Диссертация представляет безусловный интерес как с фундаментальных, классических, позиций научного знания – анализ, объединяющий концептуальные основы лингвистики, когнитивистики, дискурсологии, семиотики в её семантическом, прагматическом и синтагматическом измерении, так и в контексте новейших информационно-технологических изменений XXI в.

Доктор филологических наук
М.В. Ларионова

Автор изучает политическую коммуникацию в сети Интернет, её семиотические коды, дискурсивные единицы – твиты, хештеги, мемы и иные форматы и категории за последние тринадцать лет (2009 – 2022). По своему материалу исследование охватывает значительный корпус практического материала, состоящий из 10 тыс. микроблогов ведущих испанских политиков, ключевых партий и государственных органов власти, имеющих аккаунты в социальной сети Twitter, и более 300 статей, публичных выступлений и интервью политических деятелей Испании, что позволяет исследователю прийти к значимым научным открытиям по теме.

Результаты диссертации получили высокую оценку председателя и членов диссертационного совета – докторов наук В.Л. Малаховой, Л.В. Моисеенко, Е.М. Поздняковой, О.С. Чесноковой, Л.К. Раицкой. В рамках научной дискуссии прозвучало множество заинтересованных вопросов и комментариев. Н.В. Иванов, доктор филологических наук, профессор и заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России, отметил, что диссертация вносит значимый вклад в изучение дискурса, его системы, единиц и категориальных связей. А.В. Шестопал, доктор философских наук, почётный профессор университета МГИМО, обратил особое внимание на практическую значимость работы Марины Владимировны, её современность и востребованность для исследователей-ибероамериканистов, преподавателей и студентов. М.В. Силантьева, доктор философских наук, профессор и заведующая кафедрой философии МГИМО МИД России, подчеркнула многоаспектность диссертации, которая утверждает основы нового научного направления: семиотики политической интернет-коммуникации.

Поздравляем Марину Владимировну с блестящей защитой и желаем творческого вдохновения и успехов в дальнейших научных исследованиях!

Иллюстрации к статье Кофмана А.Ф.
«Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть...»
Особенности выстраивания латиноамериканской картины мира

Первая карта мира Мартина Вальдземюллера. 1507 г.

Карта Америки. 1619 г.

**Иллюстрации к статье Шемякина Я.Г.
«Великие географические открытия»: смысл и историческое содержание
термина в свете опыта взаимодействия цивилизаций в Новом Свете**

Первая высадка Колумба в Америке

Заключение Гуатимочина (Каутемока) войсками Эрнана Кортеса. Карлос Эскивель. 1856 г.

Падение Теночтитлана. 1521 г.

Рынок в Тлателолко. Диего Ривера. 1929–1935 гг.

**Иллюстрации к статье Давтян Ю.В. «Все дело в шляпе».
Роль головного убора в самоидентификации
латиноамериканских народов**

Сомбреро де паха токилья

Сомбреро буэльтиао

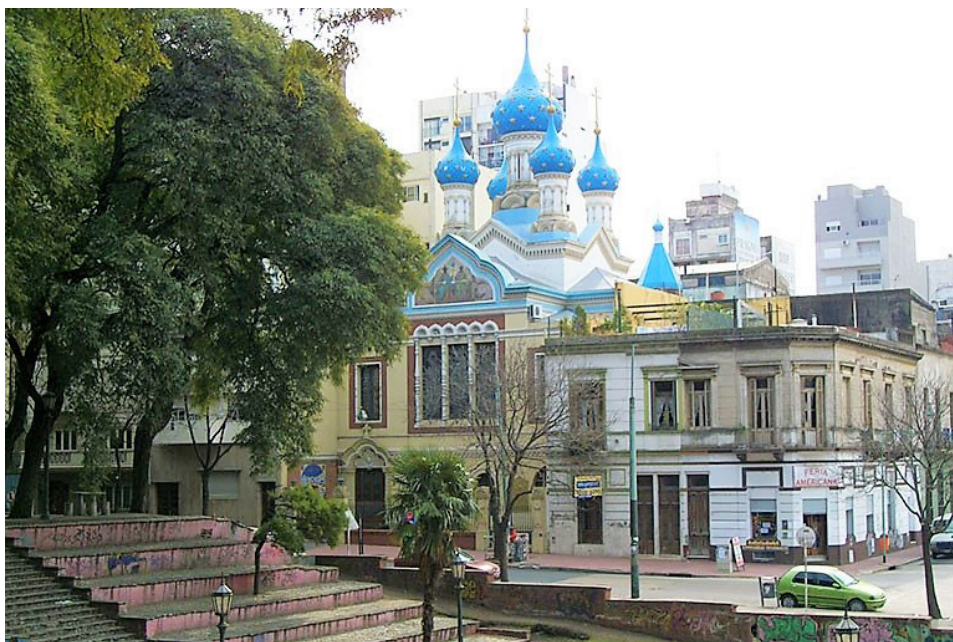

Чолитас. Боливия

Аргентинские гаучо в традиционной одежде

**Иллюстрации к статье Рыковой Д.В.
Русский след в причудливой мозаике аргентинской идентичности**

Свято-Троицкий собор в Буэнос-Айресе (освящен в 1901 г.)

Фестиваль иммигрантов в г. Обера, провинция Мисионес, Аргентина

**Иллюстрации к статье Кабицкого М.Е.
Лиссабонское фаду и его изучение в контексте истории Португалии**

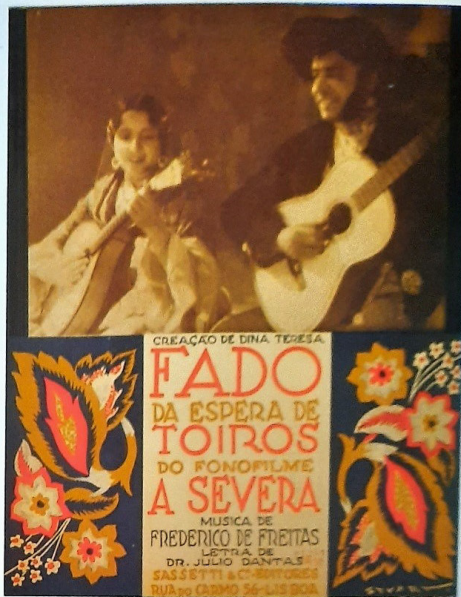
Ранние фадистки – Мария Севера и Роза Энжейтада

Фаду. Жозе Мальоа. 1910 г.

135

136

137

138

Афиши вечеров фаду

Иллюстрация к статье Каменецкой С.
 El vocablo *chino* en el español de México
 (Лексема *chino* в мексиканском варианте испанского языка)

Смешение рас

Ссылки к иллюстрациям

1. <http://ecolehavane.org/index.php/alejo-carpentier/>
2. <http://www.elem.mx/obra/datos/227112>
3. <https://leanypiensen.com/2020/03/29/10-clasicos-de-la-literatura-latinoamericana/>
4. <https://www.biografiasyvidas.com/biografia/f/fuentes.htm>
5. <https://www.poeticous.com/miguel-otero-silva?locale=es>
6. <http://soloneba.com/ricardo-guiraldes/>
7. <https://buenosaires.gob.ar/educacion/plan-de-lectura/clasicos-digitales/don-segundo-sombra>
8. https://www.telva.com/cultura/album/2020/10/09/5f7add9602136e7a398b45a6_4.html
9. <https://caribbeandigital.net/no-dejen-de-leer-este-fragmento-de-el-amor-en-los-tiempos-del-colera-de-gabriel-gracia-marquez/>
10. <http://litda.ru/index.php/ru/redkollegiya-1/78-fernando-ainsa-amiges>
11. <https://www.publinews.gt/gt/noticias/2016/06/10/miguel-angel-asturias-recordado-dia.html>
12. <https://archive.org/details/gringoviejo00fuen/page/n2/mode/1up>
13. https://catalogo.uniquindio.edu.co/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?biblionumber=21495&query_desc=an%3A%2261035%22
14. https://www.historiadelnuevomundo.com/wp-content/uploads/2011/07/Hernan_Cortes-20llega_Mejico_21-e1497969778176.jpg
15. <https://www.buscalibre.us/libro-diario-del-descubrimiento/18485048/p/18485048>
16. <https://arzas.academy/mag/1012-america>
17. <https://www.floridamemory.com/items/show/2840>
18. http://www.xliby.ru/istorija/rycari_novogo_sveta/p2.php
19. <https://arzas.academy/mag/1012-america>
20. <http://weblib.pp.ua/ernando-kortes-29722.html>
21. https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&url=https://www.facebook.com/media/set/%3Fset%3Da.453939664760836%26type%3D3&ved=2ahUKEwjPt8_z8ID-AhXF-yoKHSS5BK8QFnoECBQQAQ&usg=AOvVaw1_eMlnt9hEwdfVYLfPe716
22. <https://www.elcaballo.de/142-sombrero-cordoba.html>
23. <https://calzafino.com/en/sombrero-charro-galoneado-wd-729-negro.html>
24. <https://saludconlupa.com/noticias/peru-entre-la-esperanza-y-la-incertidumbre-por-la-asuncion-de-pedro-castillo/>
25. <https://www.biografiasyvidas.com/biografia/s/sandino.htm>
26. <https://signaturetours.com.ar/history-architecture/inmigration-in-buenos-aires/>
27. <https://signaturetours.com.ar/history-architecture/inmigration-in-buenos-aires/>
28. <https://www.ellitoral.com/index.php/diarios/2014/08/16/nosotros/NOS-08.html>
29. <https://museoartedecorativo.cultura.gob.ar/> (*la imagen del archivo de la edición «Testimonios de la cultura y del arte de Rusia en la Argentina», Museo Nacional de Arte Decorativo, 2002*)
30. <https://sobory.ru/article/?object=28182>
31. <http://southamerica.cerkov.ru/raspisanie-bogoslužhenij/argentina/>
32. <https://photravel.ru/pravoslavnyaya-cerkov-v-mar-del-plata-v-argentine/>
33. <http://turismoenportugal.blogspot.com/2011/03/el-fado-musica-tradicional-de-portugal.html?m=1>
34. https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&url=https://m.facebook.com/museu.do.fado/photos/a.160529657334512/3879536585433782/&ved=2ahUKEwjSj9GM_YL-AhXeAhAIHXQMDMEQFnoECBYQAQ&usg=AOvVaw2LmdjxVmx_R6SuXwf2N1A4
35. <http://arhsam.blogspot.com/2011/10/amalia-rodrigues-amalia-in-italia-p.html?m=1>
36. <http://guitarrasdelisboa.blogspot.com/2010/02/dez-fados-vividos-carlos-do-carmo-y-el.html>

37. <https://www.radiohc.cu/en/noticias/cultura/284648-santiago-de-cuba-to-host-conference-on-african-american-culture>
38. <https://yagbeonilu.com/ekpe-abakua-the-voice-of-the-leopard/>
39. <https://www.gettyimages.com/photos/leonardo-cu%C3%A9llar-photos>
40. <https://gallerix.ru/storeroom/1873902523/N/180550811/>
41. <https://www.unofficialroyalty.com/joseph-bonaparte-king-of-spain-king-of-naples/>
42. <https://naukabooks.ru/knigi/katalog/alfonso-x-mudryy-i-sotrudniki-tom-3/>
43. http://sias.ru/publications/books/?ELEMENT_ID=7052
44. <https://korthar2015.blogspot.com/2018/03/pre-columbian-world-map.html>
45. <https://www.worldmaponline.com/historical-map-of-the-americas-1650/>
46. <https://www.thinglink.com/scene/655298352753147906>
47. <https://noticierouniversal.com/destacadas/las-falacias-historicas-sobre-hernan-cortes-del-presidente-de-mexico/>
48. https://diletant.media/articles/37208769/?sphrase_id=5180290
49. <https://arqueologiamexicana.mx/mexico-antiguo/el-mercado-de-tlatelolco-segun-diego-rivera>
50. <https://quo.eldiario.es/ser-humano/g41058/los-espanoles-que-conquistaron-el-salvaje-oeste-americano/>
51. <https://www.eluniverso.com/vida-estilo/2016/10/26/nota/5874277/historia-sombrero-paja-toquilla-muestra-interactiva/>
52. https://artesaniasdecolombia.com.co/PortalAC/C_sector/reinel-mendoza-el-trenzador-de-sombreros_12285
53. <https://globalvoices.org/2015/06/23/a-magazine-for-bolivias-iconic-cholita-indigenous-women/>
54. <https://fusion-of-styles.ru/stil-gaucha/>
55. <https://www.alamy.es/imagenes/russian-orthodox-church-in-buenos.html?sortBy=relevant>
56. <https://municipiosdeargentina.com/la-fieta-nacional-del-inmigrante-exhibio-toda-su-jerarquia-en-la-42a-edicion/>
57. <https://fadoportoghese.blogspot.com/2010/05/i-testi-del-fado-dalle-origini-alla.html?m=1>
58. <https://www.theportugalnews.com/news/2022-10-20/the-mystery-of-maria-severa/71332>
59. <https://restosdecoleccion.blogspot.com/2016/06/musicas-de-filmes-portugueses-1.html?m=1>
60. <https://www.1000museums.com/shop/art/anonymous-castas-a-view-of-the-various-peoples-of-mexico/>

Уважаемые коллеги! В журнале «Ибероамериканские тетради» публикуются статьи, соответствующие следующим специальностям согласно классификатору Высшей аттестационной комиссии России:

5.6. Исторические науки:

5.6.2. Всеобщая история

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филология:

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.4. Фольклористика

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (испанский, португальский)

5.9.8. Прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

5.10. Искусствоведение и культурология:

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

5.10.3. Виды искусства (театральное искусство, музыкальное искусство, Кино-, теле- и другие экранные искусства, изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура, хореографическое искусство, техническая эстетика и дизайн)

Все материалы проходят «слепое» рецензирование. Журнал выходит четыре раза в год, статьи могут быть представлены на русском, испанском, португальском, английском языках. Объем статей от 20 000 до 40 000 печатных знаков.

Номера журнала носят как тематический характер, так и посвящаются отдельным рубрикам в соответствии с представленными специальностями.

Подробные требования к регистрации и оформлению статей (правила для авторов) представлены на сайте журнала: www.iberpapers.org.

Адрес редакции:

119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76

Тел.: +7 (495) 229-38-47

E-mail: submissions@iberpapers.org

Подписано в печать 31.03.2023

Формат: В5. Цифровая печать.

Объем: 11,6 уч.-изд. л. Тираж: 200 экз. Заказ № 507

Издательство МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

¡Estimados colegas! Les invitamos a publicar artículos que correspondan a los siguientes **grupos de ciencias humanas** (según la clasificación de las revistas de impacto):

5.6. Historia:

5.6.2. Historia universal

5.6.4. Etnología, antropología y etnografía

5.6.7. Historia de las relaciones internacionales y de la política exterior

5.9. Filología:

5.9.2 Literatura

5.9.4. Estudios folclóricos

5.9.6. Lenguas (español, portugués)

5.9.7. Lingüística comparativa y aplicada

5.9.9. Medios de comunicación y periodismo

5.10. Historia del arte y cultura:

5.10.1 Teoría e historia de la cultura y el arte

5.10.3 Artes (teatro, música, cine, televisión, artes visuales, arquitectura, coreografía, estética técnica y diseño)

Todos los textos se someten a un proceso de *revisión "ciega"*.

La revista se publica *cuatro veces al año* y los artículos pueden enviarse en *ruso, español, portugués e inglés*. La extensión de los artículos entre 20.000 y 40.000 caracteres impresos.

Los requisitos detallados para el registro de artículos (normas para los autores) pueden consultarse en el sitio web de la revista: www.iberpapers.org.

Contacto del equipo de redacción:

76, Prospect Vernadskogo, Moscú Rusia, 119454

Tel: +7 (495) 229-38-47

E-mail: submissions@iberpapers.org

Firmado para imprimir el 31 de marzo de 2023

Formato: B5. Impresión offset.

Volumen: 11,6 pliegos editoriales. Tirada: 200 ejemplares

Publicado por la Universidad MGIMO

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

Impreso en la MGIMO-Universidad, Moscú, Rusia

Dear colleagues! You are welcome to publish articles that correspond to **the following groups of Human Sciences** (according to the classification of the Russian Higher Attestation Commission):

5.6. History:

5.6.2. Universal history

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography

5.6.7. History of international relations and foreign policy

5.9. Philology:

5.9.2 Literature

5.9.4. Folk studies

5.9.6. Languages (Spanish, Portuguese)

5.9.7. Comparative and applied linguistics

5.9.9. Media and journalism

5.10. History of art and culture:

5.10.1 Theory and history of culture and art

5.10.3 Arts (theatre, music, film, television, visual arts, architecture, choreography, technical aesthetics, and design)

All articles are subject to a *"blind" peer review*.

They can be submitted in *Russian, Spanish, Portuguese or English*. The length of the articles (without metadata) is to be 20,000 – 40,000 printed characters.

Detailed requirements for article submission (author guidelines) can be found on the Journal's website: www.iberpapers.org.

Contacts of the Editorial Office:

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Ph.: +7 (495) 229-38-47

E-mail: submissions@iberpapers.org

Signed to print on March 31, 2023

Format: B5. Offset printing.

Volume: 11,6 printer's sheets. Circulation: 200 copies

Published by MGIMO University

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Printed in MGIMO-University, Moscow, Russia